

ISSN 2658-7602 (print)
ISSN 2658-7610 (online)

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**SIBERIAN
LAW REVIEW**
SCIENTIFIC JOURNAL

- ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ДЕЛАХ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК
- ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ (НАЗНАЧЕНИЕ) УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
- СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В ПРОЕКТЕ НОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Том 17 № 3

2020

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА,
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ
О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

Theory and History of Law and State,
History of Law and State Studies

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО,
МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЧАСТНОЕ ПРАВО**

Civil Law, Business Law, Family Law,
International Private Law

**ТРУДОВОЕ ПРАВО,
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Labour Law, Social Security Law

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ,
УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

Criminal Law and Criminology,
Penitentiary Law

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Criminal Procedure

**КРИМИНАЛИСТИКА,
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Criminalistics, Forensic Activity,
Operational and Investigative Activities

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО,
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ
ПРОЦЕСС**

Administrative Law,
Administrative Process

ISSN 2658-7602 (print)
ISSN 2658-7610 (online)

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 17 · № 3

• 2020 •

Vol. 17 · No. 3

SIBERIAN Law Review

СИБИРСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

Том 17, № 3

2020

Издается с 2004 года

Выходит четыре раза в год

Прежние наименования журнала: «Вестник Омского юридического института» ISSN 2222-856X (2004 год – первая половина 2012 года); «Вестник Омской юридической академии» ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (вторая половина 2012 года – первая половина 2019 года)

Научный журнал «Сибирское юридическое обозрение» включен в:

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук;
- базу данных «Российский индекс научного цитирования»;
- систему Digital Object Identifier (DOI) – стандарт обозначения информации об объекте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», принятый в англоязычной научной среде;
- каталог Ulrich's Periodicals Directory – авторитетную базу данных, которая содержит библиографическую информацию о научных периодических изданиях мира;
- Directory of Open Access Journals (DOAJ) – ведущую международную базу журналов открытого доступа;
- электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»;
- научную электронную библиотеку «КиберЛенинка» и др.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет»

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ

Рег. № ПИ № ФС 77-75350 от 19 апреля 2019 г.

выдана Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

Подписной индекс каталога Агентства «Роспечать»

«Газеты. Журналы» – 31725

Свободная цена

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов научного журнала «Сибирское юридическое обозрение» ссылка на журнал обязательна

© Редакция научного журнала «Сибирское юридическое обозрение»

Адрес издателя и редакции:

ул. Короленко, д. 12, г. Омск, 644010, Россия

Телефон: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Дата выхода в свет: 2.12.2020

Подписано в печать 17.11.2020

Формат 60 x 84 / 8

Усл. печ. л. 16,04

Бумага офсетная

Уч.-изд. л. 14,85

Тираж 200 экз.

Заказ № 5939

Отпечатано в ООО «Полиграфический центр "Татьяна"»

Адрес типографии: ул. Жукова, 78, г. Омск, 644010, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель редакционной коллегии – главный редактор Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Заместители главного редактора

Попов Игорь Владимирович – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Караманукян Давид Тониевич – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Ответственный секретарь

Агеева Алена Викторовна – кандидат юридических наук (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Бабурич Василий Васильевич – доктор юридических наук, профессор (Омская академия МВД России);

Бавсун Максим Викторович – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербургский университет МВД России);

Бекетов Олег Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России);

Вивек Аггарвал – кандидат юридических наук, магистр права и философии, адвокат (A&A Lawcorp LLP, Индия);

Герасименко Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области, Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Гундур Раджив – кандидат наук в области криминологии (PhD in Criminology) (Университет Флиндерс, Южная Австралия);

Дерихев Юрий Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Квоста Петер – доктор права (Федеральный административный суд Австрии);

Кожевина Марина Анатольевна – доктор юридических наук, доцент (Омская академия МВД России);

Кононов Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор (Второй арбитражный апелляционный суд, Российская Федерация);

Кузьмина Ирина Дмитриевна – доктор юридических наук, доцент (Сибирский федеральный университет, Российская Федерация);

Луговик Виктор Федорович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Омская академия МВД России);

Омаров Ибрагим Алиаскарович – кандидат юридических наук, профессор (Центрально-Казахстанская Академия, Республика Казахстан);

Рагозина Ирина Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический университет, Российская Федерация);

Туманянц Ерануи Степановна – кандидат юридических наук (Фонд развития и защиты права, Республика Армения);

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);

Черников Валерий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация);

Шарапов Роман Дмитриевич – доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

Редактор

О. В. Арефьева

Техническое редактирование и компьютерная верстка

Л. А. Зарубина

Редактор текстов на английском языке

Д. Т. Караманукян

SIBERIAN LAW REVIEW

Scientific journal

Volume 17, no. 3

2020

Published since 2004

Published four times a year

Previous titles of the journal: "Vestnik of the Omsk Law Institute" ISSN 2222-856X (2004 – first half of 2012);
"Vestnik of the Omsk Law Academy" ISSN 2306-1340 (print), 2410-8812 (online) (second half of 2012 – first half of 2019)

The scientific journal "Siberian Law Review" is included in:
– the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degrees of candidate of sciences and doctor of science must be published;
– the database "Russian science citation index";
– Digital Object Identifier system (DOI) – standard designation of information about the object in the "Internet" information and telecommunications network, adopted in the English-speaking academic environment;
– Ulrich's Periodicals Directory is an authoritative database that contains bibliographic information about scientific periodicals of the world;
– Directory of Open Access Journals (DOAJ) – a community-curated online directory that indexes and provides access to high quality, open access, peer-reviewed journals;
– legal information database "GARANT System";
– scientific electronic library "CyberLeninka" and others.

FOUNDER AND PUBLISHER:

Private educational institution of higher education
"Siberian Law University"

ISSN

2658-7602 (print) 2658-7610 (online)

Extract from the register of registered mass media
Reg. № PI № FS 77-75350 of April 19, 2019
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Index Catalogue

of the Rospechat Agency "Newspapers, Magazines" – 31725

Price discretion

When reprinting or reproducing by any means in whole or in part the materials of the scientific journal "Siberian Law Review" reference to it is obligatory

© The editorial board of the scientific journal
"Siberian Law Review"

Address of the publisher and the editorial board:
12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia
Phone: (3812) 37-68-55. E-mail: nauka@siblu.ru

Release date: 2.12.2020
Signed print 17.11.2020

Format 60 x 84 / 8 Cond. pr. pg. 16.04
Offset paper Edit. pr. pg. 14.85
Circulation 200 copies Order number 5939

Printed in LLC "Printing Center "Tatyana"
Printing office address: 78 Zhukova st., Omsk, 644010, Russia

EDITORIAL BOARD

The chairman of the editorial board – the chief-editor

Solovey Yury P. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Siberian Law University, Russian Federation);

Deputies chief-editor

Popov Igor V. – Doctor of Legal Sciences, Docent (Siberian Law University, Russian Federation);

Karamanukyan David T. – Candidate of Legal Sciences, Docent (Siberian Law University, Russian Federation);

Executive Secretary

Ageeva Alena V. – Candidate of Legal Sciences (Siberian Law University, Russian Federation);

Anokhin Yury V. – Doctor of Legal Sciences, Docent (Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Baburin Vasilii V. – Doctor of Legal Sciences, Professor (Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Bavsun Maxim V. – Doctor of Legal Sciences, Professor (St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Beketov Oleg I. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Vivek Aggarwal – L.L.M., & M. Phil M. in Field of Law, Advocate (A&A Lawcorp LLP, India);

Gerasimenko Yury V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Ombudsman for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Omsk Region, Siberian Law University, Russian Federation);

Gundur Rajeev – PhD, Criminology (Flinders University, South Australia);

Derishev Yury V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Siberian Law University, Russian Federation);

Chvosta Peter – Doctor of Law (Judge of the Austrian Federal Administrative Court);

Kozhevina Marina A. – Doctor of Legal Sciences, Docent (Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Kononov Pavel I. – Doctor of Legal Sciences, Professor (Second Arbitration Court of Appeal, Russian Federation);

Kuzmina Irina D. – Doctor of Legal Sciences, Docent (Siberian Federal University, Russian Federation);

Lugovik Viktor F. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Omarov Ibragim A. – Candidate of Legal Sciences, Professor (Central Kazakhstan Academy);

Ragozina Irina G. – Candidate of Legal Sciences, Docent (Siberian Law University, Russian Federation);

Tumanyants Yeranuhi S. – Candidate of Legal Sciences (LDP Foundation, Armenia);

Tsukanov Nikolai N. – Doctor of Legal Sciences, Docent (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia);

Chernikov Valerii V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russian Federation);

Sharapov Roman D. – Doctor of Legal Sciences, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Editor

O. V. Arefeva

Technical editing and desktop publishing

L. A. Zarubina

Text editor in English

D. T. Karamanukyan

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	
Соболева М. В. Становление и развитие правового статуса потребителя платных медицинских услуг в российской системе здравоохранения в XVIII – начале XX века	300
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	
Гончарова В. А. Особенности содержания и субъектного состава мировых соглашений в делах о недействительности сделок	310
Лавров Ю. Б., Миняева А. О. Реформа законодательства о закупках, осуществляемых отдельными видами юридических лиц, в контексте проблемы систематизации нормативных правовых актов в сфере публичных закупок	320
ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Лушников А. М. Генезис германской модели социального страхования: история и современность	328
Седельникова М. Г., Пузырёва А. А. О некоторых вопросах формирования понятийного аппарата права социального обеспечения	346
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Калашникова Е. С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 226 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	356
Краев Д. Ю. Некоторые вопросы квалификации угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (статья 211 Уголовного кодекса Российской Федерации)	367
Тюфяков Н. А., Хомяков А. М. Предмет деятельности прокурора при рассмотрении судами дел об изменении осужденным вида исправительного учреждения	377
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Наумов К. А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса	386
Сусликов А. Н. Определение процессуального статуса лица, склоненного к потреблению наркотических средств	394
КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Хлус А. М. Проблемные аспекты понимания информационной модели преступлений против собственности	402
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Гришковец А. А. Старая проблема в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях	411
Лебедева Е. А. К вопросу о полномочиях федеральных органов исполнительной власти Германии в сфере генно-инженерной деятельности	421
Информация для авторов	431

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE, HISTORY OF LAW AND STATE STUDIES

- Soboleva M. V.** The Formation and Development of the Legal Status of a Consumer of Paid Medical Services in the Russian Health Care System in the XVIII – Early XX Centuries. 300

CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW, INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Goncharova V. A.** The Features of the Content and Subject Composition of Settlement Agreements in Cases of Invalidity of Transactions. 310
- Lavrov Yu. B., Minyaeva A. O.** Reform of Procurement Legislation Carried Out by Certain Types of Legal Entities, in the Context of the Problem of Systematization of Regulatory Legal Acts in the Field of Public Procurement 320

LABOUR LAW, SOCIAL SECURITY LAW

- Lushnikov A. M.** The Genesis of the German Social Insurance Model: History and Present 328
- Sedelnikova M. G., Puzyreva A. A.** Some Issues of Formation of the Conceptual Apparatus of Social Security Law 346

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY, PENITENTIARY LAW

- Kalashnikova E. S.** Social Conditionality of Criminal Liability for a Crime Under Art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation 356
- Kraev D. Yu.** Some Issues of Qualification of the Hijacking of an Aircraft, a Sea-Going Ship, or a Railway Train (Article 211 of the Criminal Code of the Russian Federation) 367
- Tyufyakov N. A., Khomyakov A. M.** The Subject of the Prosecutor's Activity in Court Proceedings on Cases Involving Changing a Convict's Type of Correctional Institution. 377

CRIMINAL PROCEDURE

- Naumov K. A.** Goals and Tasks (Purpose) of Criminal Proceedings 386
- Suslikov A. N.** Determination of the Procedural Status of a Person Who Was Inclined to Use Narcotic Drugs 394

CRIMINALISTICS, FORENSIC ACTIVITY, OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

- Khilus A. M.** Problem Aspects of Understanding the Information Model of Crimes Against Property 402

ADMINISTRATIVE LAW, ADMINISTRATIVE PROCESS

- Grishkovets A. A.** An Old Problem in Draft of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offences 411
- Lebedeva E. A.** On the Question of the Powers of the Federal Executive Authorities of Germany in the Field of Genetic Engineering 421

- Information for Authors** 431

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 347.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-300-309

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОТРЕБИТЕЛЯ ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

СОБОЛЕВА Мария Владимировна*

✉ soboleva.mv79@mail.ru

Анкудиновское шоссе, 3, Нижний Новгород, БОКС–268,
603950, Россия

***Аннотация.** Социально-экономическая ситуация в России за последние десятилетия претерпела серьезные изменения, которые не могли не отразиться на системе здравоохранения. Появились предпосылки для развития частной медицины, что нашло поддержку со стороны государства. В настоящее время наблюдается увеличение доли медицинских услуг, оказываемых на платной основе. Широко распространенная частная (вольная) практика, охватывающая хронологический период существования Российской империи, трактовалась властями в советский период как пережиток капиталистической системы, противоречащий основным принципам правильной организации здравоохранения. Советский период отечественной истории предстает перед нами как хроноразрыв, т. е. временной разрыв, характеризующий специфику линейного существования платных медицинских услуг.*

В связи с этим представляется актуальным и своевременным проведение исследований по историческим аспектам становления и развития правового статуса потребителя платных медицинских услуг в Российской империи. На наш взгляд, такое исследование имеет как теоретический, так и практический интерес. Первый обусловлен недостаточной разработанностью указанной тематики в историко-правовой литературе. Второй позволит на основе обобщения исторического опыта выявить существующие недостатки в правовом регулировании в сфере охраны здоровья граждан и сформулировать практические рекомендации по совершенствованию законодательства Российской Федерации в указанной области.

В ракурсе настоящей работы автор ставит своей целью оценить правовой статус потребителей платных медицинских услуг в XVIII – начале XX вв., всесторонне исследуя такие элементы правового статуса, как права, свободы, интересы и обязанности. В статье анализируется влияние принадлежности жителей империи к той или иной социальной группе на формирование правового статуса потребителей платных медицинских услуг. Впервые основные виды прав потребителей платных медицинских услуг выделены из нормативных правовых актов в сфере здравоохранения Российской империи и сформированы в группу.

Автор приходит к выводу, что в Российской империи обязанности потребителей платных медицинских услуг имели приоритет над правами, поскольку считалось, что при соблюдении обязанностей права будут существовать независимо от их формального провозглашения. Проведенный анализ помогает понять развитие регулирования медико-санитарных услуг и позволяет провести исторические параллели с существующей нормативно-правовой базой системы здравоохранения в России.

***Ключевые слова:** правовой статус, потребитель платных медицинских услуг, права и обязанности потребителя.*

* Старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации.

The Formation and Development of the Legal Status of a Consumer of Paid Medical Services in the Russian Health Care System in the XVIII – Early XX Centuries

Soboleva Mariya V.**

✉ soboleva.mv79@mail.ru

3 Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, BOX-268, 603950, Russia

Abstract. *The socio-economic situation in Russia over the past decades has undergone serious changes that could not but affect the health system. There have been prerequisites for the development of private medicine, which has been supported by the state. Currently, there is an increase in the share of medical services provided on a paid basis. Widespread private practice, covering the chronological period of the Russian Empire, was interpreted by the authorities in the Soviet period as a relic of the capitalist system, contrary to the basic principles of proper health care organization. The Soviet period of Russian history appears to us as a chronological gap, that is, a time gap that characterizes the specifics of the linear existence of paid medical services.*

In this regard, it seems relevant and timely to conduct research on the historical aspects of the formation and development of the legal status of consumers of paid medical services in the Russian Empire. In our opinion, such research is of both theoretical and practical interest. The first is due to the lack of development of this topic in the historical and legal literature. The second one will allow us to identify existing shortcomings in legal regulation in the sphere of public health protection based on the generalization of historical experience and formulate practical recommendations for improving the legislation of the Russian Federation in this area.

From the perspective of this work, we aim to assess the legal status of consumers of paid medical services in the XVIII – early XX century, comprehensively examining such elements of legal status as rights, freedoms, interests and duties. The article analyzes the influence of belonging of the inhabitants of the Empire to a particular social group on the formation of the legal status of consumers of paid medical services. For the first time, the main types of rights of consumers of paid medical services are separated from the regulatory legal acts in the field of healthcare of the Russian Empire and formed into a group.

Based on the results of a detailed analysis, we conclude that in the Russian Empire, the duties of consumers of paid medical services took priority over the rights, since it was believed that if the obligations were met, the rights would exist regardless of their formal Declaration. The analysis helps to understand the development of regulation of health services and allows us to draw historical parallels with the existing regulatory framework of the health care system in Russia.

Keywords: *legal status, consumer of paid medical services, rights and obligations of the consumer.*

Право является необходимым условием существования и развития как всего общества в целом, так и сферы здравоохранения. История показывает, что, в отличие от других сфер человеческой деятельности, медицинская деятельность получила свое нормативное регулирование сравнительно недавно. Следует согласиться с утверждением Я. Дргонца и П. Холлендера о том, что медицина существовала вне закона не веками, а тысячелетиями, касаясь правовых норм в виде исключения [3, с. 5].

Становление медицинского дела в России относится к первой половине XVIII столетия. Несмотря на то что главной заботой государства было медицинское обеспечение действующей

армии, Петр I инициировал развитие гражданской медицины как отрасли государственной политики и предпринял первые шаги по созданию ее законодательной базы [9, с. 57–58]. В 1706 г. наряду с созданием первого госпиталя император ввел систематическое преподавание медицинских наук. Так началась подготовка медицинских кадров в России. В 1712 г. госпитальная школа выпустила первых дипломированных русских врачей [13, с. 128].

Как показывает проведенный нами в историческом аспекте анализ, первым законодательным актом, посвященным платным медицинским услугам, стал Сенатский указ 1754 г. об учреждении школ для обучения повивальному искусству.

** Senior Lecturer of the Department of Criminalistics at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

По смыслу закона, беременным женщинам, находящимся в родах, оказывались платные услуги, о чем свидетельствуют два приложения к указу. В первом приложении содержалось расписание, составленное исходя из ранга роженицы, какую оплату следует производить повивальным бабкам за их труд во время родов¹. Размер оплаты зависел от того, как проходили роды. Например, «генеральша-фельдмаршалша» за легкие роды должна была платить 25 руб., за трудные – 35 руб.; «генеральша-маэорша», соответственно, 12 руб. и 20 руб. Второе приложение представляло собой расписание, в котором указывалось, какая оплата должна быть произведена непосредственно в казну высшего медицинского административного органа – Медицинской канцелярии – на содержание «бабичьяго дела» [13, с. 146–147]. Причем услугодатель весьма тщательно следил за порядком оплаты оказанной услуги и с отказавшимся платить поступали по закону о недоимке государственных сборов².

В 1789 г. императрица Екатерина II утвердила Устав, согласно которому врач имел право требовать от больных за свой труд достойное вознаграждение, которое не было бы в тягость «маломощным больным», а приносило удовлетворение обоим. Врачам, находившимся на государственной службе и получавшим жалование, запрещалось взимать плату за услуги. В случае их врачевания вне службы Уставом был установлен следующий размер оплаты: докторам за посещение в городе 1 руб., за городом 2 руб., за консультацию 5 руб.; лекарям за визит в городе 50 коп., за городом 1 руб., за консультацию 3 руб.; повивальным бабкам за помощь в трудных родах 5 руб. Медицинская комиссия не оставляла невышенные требования медицинского персонала

по оплате услуг без взыскания в соответствии с законом. От людей состоятельных, которые хотели выразить свою благодарность за оказанную им услугу, разрешалось принимать вознаграждение сверх суммы, указанной в законе. «Неимущие» больные были доверены человеколюбию врачей и бесплатному пособию³.

Бесплатные медицинские услуги в России в XVIII – начале XX вв. реализовывались в порядке опосредованной оплаты медицинским учреждениям со стороны плательщиков за больного. Так, на правах неимущих принимались «казенного звания люди», лечение которых оплачивалось соответствующими военными и гражданскими ведомствами, а также городские обыватели – купцы и мещане, за которых ежегодно производилась плата купеческими и мещанскими обществами⁴. Кроме того, согласно «Порядку приема больных в Градские больницы», введенному губернатором Санкт-Петербурга в 1804 г., чиновники, купцы и мещане других губерний, помещичьи крестьяне и служащие могли пользоваться услугами лечебного учреждения, внося ежемесячную плату в размере 7 руб. 50 коп.⁵

В некоторых случаях за неплатежеспособность больного расплачивалось сельское общество. По данным Бессарабской губернии, были невероятные случаи, когда за ежемесячную неуплату взысканные после выздоровления отправлялись с заключенными «по этапу» и сдавались под расписку волостным управам, чтобы заручиться документами в целях взыскания платы [2, с. 10–11].

Право владельцев фабричных и мануфактурных заведений содержать врачей на собственные средства было законодательно закреплено в 1832 г.⁶ В 1834 г. помещики получили официальное разрешение нанимать медицинский

¹ *Об учреждении школ в Санкт-Петербурге и в Москве для обучения повивальному искусству; о снабжении столицы и городов испытанными в сем искусстве бабками под именем присяжных* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XIV : 1754–1757, № 10.214. С. 55–57.

² Там же. С. 56–57.

³ *Устав всем ведомства Государственной Медицинской Коллегии докторам, лекарям и повивальным бабкам* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXIII : 1789 – 31 октября 1796, № 16805. С. 78–80.

⁴ См., напр.: *О людях, имеющих право на пользование в подведомственных Приказам Общественного Призрения больницах* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. Т. IX, ч. 1 : 1834, № 7273. С. 726–727 ; *О порядке приема больных в Градские больницы* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII : 1804–1805, № 21.184. С. 158–159.

⁵ *О порядке приема больных в Градские больницы* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII : 1804–1805, № 21.184. С. 158–159.

⁶ *О дозволении содержателям фабрик и мануфактур принимать Врачей на их заведения, и о присвоении им преимущества Врачей, на частных горных заводах находящихся* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1833. Т. VII : 1832, № 5324. С. 244.

персонал для крестьян и учреждать больницы в своих имениях⁷.

Определенный интерес вызывает представление министра внутренних дел об увеличении больничного сбора в городе Москве. Больничный сбор в размере одного рубля двадцати пяти копеек с человека в год взимался на содержание больницы для чернорабочих в пользу московской казны. Этим сбором облагались все лица без различия звания, которые занимались каким-либо видом работ и занятий, как у частных лиц, так и в различных учреждениях, на фабриках и заводах в пределах Москвы. Лица, обязанные платить больничный сбор, вносили указанную плату в городскую кассу. В удостоверение уплаты плателъщику выдавалась квитанция с номером, под которым поступившие деньги были записаны на приход. Лица, уплатившие больничный сбор, имели право обслуживаться бесплатно в городских больницах⁸. В случае неуплаты больничного сбора лица подлежали наказанию в соответствии со ст. 60 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г., а виновные работодатели этих лиц подлежали ответственности по ст. 61 данного Устава⁹.

В некоторых случаях медицинские учреждения поддерживались за счет пожертвований членов благотворительных обществ. Часто их труд не был бескорыстным – за свою благотворительность они получали права государственных служащих и соответствующие классные чины [12, с. 328–332].

Как видим, исполнитель в лице частного врача или медицинского учреждения, предоставляющего услугу, не делал этого бесплатно, для него такая деятельность всегда была возмездна, вопрос только в источниках оплаты. В соответствии с этим больной, одержимый болезнью, и беременная женщина, нуждавшаяся в услугах повивальной бабки, были по существу потребителями платных медицинских услуг.

Проблема заключается в самом определении термина «потребитель». В дореволюционном законодательстве дефиниция «потребитель» отсутствовала и не формулировалась. Поскольку законодатель не предусмотрел этого понятия, обратимся к словарям, которые дают подобное определение.

Согласно толковому словарю Даля слово «потребитель» происходит от слова «потреблять», что означает «на потребу»¹⁰. В соответствии с определением, данным в Большом юридическом словаре, потребитель – это гражданин, имеющий намерение заказать или заказывающий услуги или использующий их результаты для личных нужд¹¹. Из приведенных определений следует, что больной или беременная женщина «заказывали» медицинскую услугу для себя и являлись потребителями точно так же, как и любой другой заказывающий услугу для удовлетворения своих личных потребностей.

К первой половине XIX в. законодательная база медицинской деятельности постепенно начала приобретать четкие очертания. Устав врачебный 1857 г. без существенных изменений, с некоторыми дополнениями в 1892 и 1905 гг., подтвердил принятые ранее правовые положения об обязанности потребителей медицинских услуг платить (ст.ст. 550–553)¹².

Подчеркнем, что правовой статус личности основывается на обладании каждым человеком не только обязанностями, но и правами. Специфика правового статуса потребителя платных медицинских услуг на протяжении XVIII – начала XX вв. заключалась в законодательном декларировании обязанностей при отсутствии нормативного закрепления его прав.

Интересным представляется вопрос о том, возможно ли, чтобы законодатель, урегулировав только обязанности, обозначил их приоритет над правами. Следует ли считать, что отношения по оказанию платных медицинских услуг

⁷ *О дозволении помещикам иметь особых врачей на собственном содержании, считая их в Государственной службе* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. Т. XIV, ч. 2 : 1834, № 7693. С. 286.

⁸ *Об увеличении размера больничного сбора в Москве* // Полное собрание законов Российской империи, с 1881 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1893. Т. X, ч. 1 : 1890, № 6844. С. 379.

⁹ *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 год. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX, ч. 2 : 1864, № 41478. С. 407.

¹⁰ *Толковый словарь Даля* : сайт. URL: <https://gufo.me/dict/dal/>

¹¹ *Большой юридический словарь* : [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/law/>

¹² *Свод Учреждений и Уставов Врачебных по гражданской части* // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XIII, ч. 3. С. 102.

в дореволюционной России были урегулированы, если только обязательства потребителей были закреплены законом?

Принцип единства прав и обязанностей, хорошо известный юристам, заключается в том, что права являются неотъемлемой частью правового статуса человека, тесно связанной с его обязанностями. Не ставя под сомнение положения этого принципа, проанализируем нормативные правовые акты Российской империи в сфере здравоохранения, в которых мы попытаемся рассмотреть права потребителей медицинских услуг.

Недостаток законодательного обеспечения правового статуса можно объяснить тем, что вопрос о необходимости правового регулирования отношений «врач – больной» в дореволюционном обществе в целом был достаточно спорным. Долгое время считалось, что такие отношения регулируются исключительно этическими нормами, без применения права, и многие моральные нормы находили свое отражение в уставах, клятвах, кодексах.

Впервые нормы врачебной этики были прописаны в Генеральном регламенте о госпиталях в 1735 г.: лекари должны быть «богобоязненны, смиренны... с больными ласково и усердно обращаться»¹³. Закреплены нормы медицинской морали были в своеобразной клятве – «Присяге повивальных бабок по должности звания их», утвержденной Правительствующим Сенатом 5 мая 1754 г., согласно которой повивальные бабки обязаны были немедленно днем или ночью явиться к роженице, независимо от ее положения и достоинства, и помогать ей, проявляя усердие [13, с. 148; 5, с. 63].

Кроме того, Устав повивальным бабкам 1789 г. определял, какой должна быть повиваль-

ная бабка: «Благонравна, доброго поведения, скромна и трезва, дабы во всякое время в состоянии была дело свое исполнить»¹⁴. Первый долг каждого врача, как сказано в ст. 114 Устава врачебного 1857 г., – быть прежде всего гуманным и готовым помочь «всякого звания людям»¹⁵. Все это определило право потребителей платных услуг на уважительное отношение со стороны медицинского персонала.

Основной целью профессиональной деятельности врача является спасение жизни человека. Исходя из этого все вопросы нормативного обеспечения здравоохранения должны базироваться именно на этом постулате.

Законы XVIII – начала XX вв. устанавливали вполне определенные и четкие требования к квалификации медицинского персонала: медицинская и фармацевтическая деятельность разрешена лицам, получившим соответствующее образование, имеющим свидетельство или диплом¹⁶. В 1721 г. впервые личным указом Петра I было установлено требование к медицинской практике: никто не смел заниматься медицинской деятельностью без освидетельствования. Нарушение грозило штрафом и телесными наказаниями, иностранцам – высылкой¹⁷. Устав повивальным бабкам 1789 г. определял: «Каждая повивальная бабка должна быть в звании своем испытана, удостоена и присягой обязана»¹⁸.

В 1810 г. министром народного просвещения были подготовлены строгие Правила испытания медицинских чиновников в медико-хирургических академиях и университетах губернских городов (Москвы, Казани, Харькова) для получения медицинских степеней и званий, а также присвоения соответствующих прав. Каждый испытуемый обязан был перед экзаменом

¹³ *О госпиталях и о должностях, определенных при них Докторов и прочих Медицинского чина служителей, также Комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. IX : 1733–1736, № 6852. С. 672.

¹⁴ *Устав повивальным бабкам* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXIII : 1789 – 31 октября 1796, № 16804. С. 76.

¹⁵ *Свод Учреждений и Уставов Врачебных по гражданской части* // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XIII, ч. 3. С. 25–26.

¹⁶ *Правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и повивальных бабок* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX, ч. 2 : 1845, № 19529. С. 213.

¹⁷ *Об учреждении в городах аптек под смотрением Медицинской Коллегии, о вспоможении приискивающим медикаменты в Губерниях, и о бытии под надзором помянутой Коллегии госпиталям* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. VI : 1720–1722, № 3811. С. 412.

¹⁸ *Устав повивальным бабкам* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXIII : 1789 – 31 октября 1796, № 16804. С. 76.

представить свидетельства о своем поведении и окончании курса, подписанные начальством того медицинского учреждения, где он обучался. Те, кто хотел получить степень доктора медицины и хирургии, должны были представить свидетельство о трех важных операциях, успешно выполненных на живых людях. Особенный интерес представляет ст. III настоящих Правил, определяющая порядок испытаний «глазных и зубных лекарей». Надо заметить, что университетский устав 1804 г. не содержал сведений о медицинской специализации¹⁹. Дипломированные специалисты, получившие образование в медицинских клинично-хирургических институтах Императорского Московского, Казанского и Харьковского университетов, стали врачами общей практики. Подготовка «глазных и зубных лекарей» проходила вне государственных медицинских учреждений. Государство оставило за собой лишь функцию профессиональной аттестации²⁰. В 1845 г. была расширена и дополнена законодательная база, заложенная в 1810 г., связанная с государственной аттестацией медиков²¹.

С конца XIX в. ситуация в области медицинской практики существенно изменилась в связи с развитием специализации. Стали открываться частные высокодоходные общие и специализированные (стоматологические, глазные, гинекологические и другие) медицинские учреждения. Примечательно в этом отношении, что Устав частной больницы 1903 г., правовые нормы которого определяли деятельность учреждения, гласил, что как местные жители, так и приезжие могли пользоваться за умеренную плату одновременной врачебной консультацией двух, трех и более врачей и даже профессоров-специалистов²².

Небезынтересно остановиться на вопросе развития медицинского профессионализма жен-

щин. В истории отечественной медицины гендер играл первостепенную роль в формировании имиджа профессии. Известно, что долгое время профессия врача была исключительно мужской. Только к началу XX в. женщины-врачи смогли утвердиться в нескольких специализациях – в гинекологии и педиатрии, на целое поколение отстав в своем продвижении к карьере в области специализации. Эта гендерная проблема созвучна истории женщин-врачей в американской и британской медицине, где признание женщин в качестве профессиональных коллег получило значительную поддержку со стороны некоторых признанных медицинских работников к концу XIX в., несмотря на то что многие врачи-мужчины все еще не были убеждены в этом [14; 15].

Врачебный устав 1857 г. позволял успешно сдавшим экзамены выпускникам российских высших медицинских учебных заведений заниматься врачебной практикой без ограничений (ст.ст. 97, 99)²³. Иностранцам позволялось свободно практиковать только после получения разрешения Медицинского Совета Министерства внутренних дел, а в некоторых случаях и после прохождения дополнительных испытаний (ст. 110)²⁴. Те же правила применялись и к врачам, занимавшимся частной практикой (ст. 125)²⁵.

Важно отметить, что организационно-правовой контроль со стороны государства за профессиональной медицинской деятельностью постоянно осуществлялся административными органами, созданными и сменявшими друг друга на определенном историческом этапе развития страны: Аптекарским приказом (с 1581 г.), Медицинской канцелярией (с 1721 г.), Медицинской коллегией (с 1763 г.), Медицинским департаментом при Министерстве внутренних дел (с 1803

¹⁹ См., напр.: *Устав Императорского Московского Университета* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVII : 1804–1805, № 21498. С. 570–589 ; *Устав Императорского Харьковского Университета* // Там же. Т. XXVII : 1804–1805, № 21499. С. 589–607 ; *Устав Императорского Казанского Университета* // Там же. Т. XXVII : 1804–1805, № 21500. С. 607–626.

²⁰ *Правила об экзаменах Медицинских чиновников* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXXI : 1810–1811, № 24298. С. 255–260.

²¹ *Правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и повивальных бабок* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX, ч. 2 : 1845, № 19529. С. 213.

²² *Устав частной лечебницы с консультациями врача М. Шляпошникова, в г. Харькове. 1903.* С. 3–9.

²³ *Свод Учреждений и Уставов Врачебных по гражданской части* // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XIII, ч. 3. С. 19.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ Там же. С. 24.

по 1917 г.). Так, статья 128 Устава врачебного 1905 г. содержит предписание Медицинскому департаменту Министерства внутренних дел ежегодно создавать список «медицинских чиновников», как вольнопрактикующих, так и состоящих на государственной службе для контроля их деятельности²⁶.

Таким образом, представляется очевидным, что потребители платных медицинских услуг имели право на квалифицированные медицинские услуги и консультации специалистов по их просьбе.

Особое значение имеет информация, составляющая врачебную тайну – совокупность не подлежащих огласке сведений о болезни больного, полученных от него или в ходе его обследования и лечения. В дореволюционный период право больного на защиту сведений, составляющих врачебную тайну, реализовывалось в требовании врачебной этики, предъявляемом врачу «факультетским обещанием» – клятвой представителей медицинского сословия, объединенных единством образования, научных интересов и нравственной значимостью в обществе. Целью сохранения врачебной тайны являлось предотвращение возможного морального вреда больному [13, с. 4]. При разглашении врачебной тайны лица, виновные в этом, несли ответственность в соответствии с действующим законодательством²⁷. В этом отношении в британской медицине профессия врача ассоциировалась с католическим священством: врач должен хранить тайну пациента точно так же, как священник не имеет право разглашать тайну исповеди [16].

Право каждого человека свободно распоряжаться своей личностью тесным образом сопрягается с медицинской деятельностью. Впервые в судебной практике вопрос об уголовной ответственности врача за лечение без согласия больного был поднят в 1901 г. Судебное решение по делу доктора медицины Модлинского, которому было предъявлено обвинение по ст. 1468 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных

1885 г., предусматривающей причинение смерти деянием, хотя и неприступным, но явно неосторожным, привлекло внимание общественности, и вопрос о значении согласия больного на лечение был подвергнут всестороннему обсуждению в медицинской и юридической печати [11, с. 3–8]. В статье 142 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. медицинская деятельность против воли больного, хотя и без серьезных травм или увечий, считалась насилием²⁸. Однако право больного на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и отказ от него законом не гарантировалось. Кроме того, не существовало никаких юридических норм, обязывающих врача спрашивать согласие больного. Только обвинительный вердикт по делу доктора Модлинского в 1901 г. показывает нам, насколько согласие было необходимо в то время, потому что каждое вмешательство могло нанести вред больному, и это по закону влекло юридическую ответственность. Следовательно, больной имел право рассчитывать на получение информации о состоянии своего здоровья и последствиях отказа от лечения.

Осознавая особое значение русской церкви в дореволюционном обществе, необходимо также подчеркнуть право больного на допуск к нему священнослужителя для отправления религиозных обрядов. Еще Воинский устав 1716 г. утверждал в штат полевого лазарета священника²⁹. В штат некоторых больниц, где были учреждены церкви, назначались по согласованию губернских властей с местными епархиальными властями священнослужители [7, с. 814]. По закону в частных больницах больным разрешалось приглашать священнослужителя соответствующего вероисповедания для совершения «религиозных треб» по их просьбе³⁰. Таким образом, были созданы условия для общения больного со священнослужителями. Соблюдение этого права в Российской империи являлось одной из форм проявления уважительного отношения к больному.

²⁶ *Свод Учреждений и Уставов Врачебных по гражданской части ...* Т. XIII, ч. 3. С. 25.

²⁷ *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1867. Т. XXXIX, ч. 2 : 1864, № 41478. С. 413.

²⁸ Там же.

²⁹ *Устав воинский* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. V : 1713–1719, № 3006. С. 246.

³⁰ См., напр.: *Устав Частной лечебницы, учрежденной врачом З. М. Цейтлиным в г. Ростове н/Д* : утв. 23 окт. 1912 г. Ростов н/Д, 1913. С. 6 ; *Устав глазной лечебницы учрежденной врачом Евгенией Елеазаровной Диканской в гор. Херсоне* : 29 апр. 1912 г. Херсон : Пар. типо-литогр. преемн. О. Д. Ходушиной, 1912. С. 6.

Существенной особенностью российского законодательства на протяжении XVIII – начала XX вв. является то, что отсутствие законодательно закрепленных прав потребителей платных медицинских услуг обеспечивалось главным образом соблюдением правил, устанавливающих основные профессиональные обязанности служащих медицинских чинов, вольнопрактикующих врачей, акушеров и повивальных бабок. Нормы, определявшие основные обязанности медицинского персонала, содержались во второй части Устава врачебного 1845 г., вобравшего в себя все предыдущие законы³¹. За неисполнение своих обязанностей, а также за незаконное и ненадлежащее лечение медицинский персонал привлекался к ответственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с последующими дополнениями в изданиях 1857, 1866 и 1885 гг. (ст.ст. 1078–1092 изданий 1845 и 1857 гг.; ст.ст. 870–880 изданий 1866 и 1885 гг.)³².

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным сформировать группу основных видов прав потребителей платных медицинских услуг, которые мы выделили из нормативных правовых актов в сфере здравоохранения Российской империи:

- право на квалифицированные медицинские услуги;
- право на консультацию специалистов;
- право на защиту сведений, составляющих врачебную тайну;
- право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и отказ от него;
- право на допуск к больному (умирающему) священнослужителя.

Вместе с тем важно при рассмотрении прав потребителей платных медицинских услуг говорить о правах и свободах отдельных категорий жителей империи, поскольку в дореволюционной России одним из основных факторов, влияющих на правовой статус человека, было его происхождение [6, с. 1–10].

В XVIII в. правовой статус личности регулировался различными законодательными актами,

основные из которых к первой половине XIX в. были кодифицированы в Своде законов о состояниях, образовавших 9-й том общего Свода законов Российской империи. Согласно закону о состояниях права и свободы российских граждан существенно различались по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе. Основания и порядок их ограничения базировались на принципе: чем выше правовой статус, тем меньше человек подвергался ограничениям в своих правах [4].

Не стал исключением и сектор здравоохранения. Уровень медицинского обслуживания зависел от ряда экономических, организационных и территориальных условий. Представители дворянства как самого привилегированного сословия дореволюционного общества были наименее ограничены в своих свободах. По закону в городах и уездах, где преобладало дворянство, помещикам разрешалось иметь на своем содержании врачей, пользовавшихся правами действительной государственной службы (ст. 83 Устава врачебного 1857 г.)³³.

Причины недовольства городских и сельских обывателей возможностями получения медицинской помощи были связаны с целым рядом обстоятельств. Во-первых, это нехватка врачей и невозможность заменить их фельдшерами [1, с. 54]. Так, в каждом уезде, согласно ст. 74 Устава врачебного 1857 г., был только один уездный врач и дополнительно имелись старшие и младшие лекарские ученики. Такое количество медицинского персонала было несоизмеримо с потребностями населения. Во-вторых, недостаточное количество медицинских учреждений. В некоторых губерниях имелось от одной до четырех больниц, да и то только в губернских, а иногда и в уездных городах, а у сельского населения совсем не было больниц [9, с. 115–116; 2, с. 271–272]. Целые обширные районы были лишены врачебной помощи, несмотря на то что крестьяне регулярно в течение не одного десятка лет платили земские сборы на земскую медицину, но только раз в год видели врача [5, с. 23]. Между тем состоятельные люди, используя свои

³¹ *Уставы* о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XIII, ч. 3. С. 22–24, 28, 32–33.

³² *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1846. Т. XX, ч. 1 : 1845, № 19283. С. 801–803.

³³ *Уставы* о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные // Свод законов Российской империи. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1857. Т. XIII, ч. 3. С. 16.

финансовые возможности, всегда могли получить медицинское обслуживание, обратившись к услугам частнопрактикующих врачей.

За дополнительную плату обеспеченные больные могли пользоваться улучшенными условиями обслуживания в медицинских учреждениях Российской империи. Например, больница для душевнобольных в Санкт-Петербурге – «Всех Скорбящих Радости» – оказывала платные услуги: за содержание и лечение больных в общих палатах больницы, чьи родственники или опекуны хотели обеспечить их улучшенным питанием (пансионерский стол), платили 30 рублей в месяц, так что по отношению ко всем остальным пособиям эти лица находились в таком же положении, как и больные, которые платили 10 рублей в месяц³⁴.

Представители низших слоев – рабочие и крестьяне – не могли в полной мере реализовать свои права и законные интересы. Государственные крестьяне могли рассчитывать на государственную опеку, в том числе и на бесплатное медицинское обслуживание, но услуги медицинского персонала им были недоступны

[8, с. 105–107]. В больницах, которые в первую очередь предназначались для бесплатного лечения неимущих, как отмечалось выше, подавляющее большинство составляли гражданские и военные чины³⁵. Нехватка средств побуждала врачей медицинских учреждений в первую очередь принимать тех больных, за которых плату вносили соответствующие ведомства и общества, или больных, которые сами оплачивали свое лечение [10, с. 122].

Подводя итог, можно сказать, что особенностью правового статуса потребителя платных медицинских услуг на протяжении XVIII – начала XX вв. являлось законодательное декларирование его обязанностей при отсутствии нормативного закрепления прав. В Российской империи обязанности потребителей платных медицинских услуг имели приоритет над правами, поскольку считалось, что при соблюдении обязанностей права будут существовать независимо от их формального провозглашения. И наоборот, обязанности не всегда будут выполняться без их формального закрепления.

Список литературы

1. Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX – начала XX в. СПб. : Нестор-История, 2010. 400 с.
2. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая – 5 июня 1913 г. : [Протоколы заседаний. Доклады] / О-во рус. врачей в память Н. И. Пирогова. СПб., 1913. Вып. 2. 512 с.
3. Дрговец Я., Холлендер П. Современная медицина и право / пер. со словац. М. : Юрид. лит., 1991. 336 с.
4. Кодан С. В. Сословное законодательство в политике российской верховной власти (1800–1850-е гг.) // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 117–145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152.
5. Куликова С. Г. Деятельность земства в области медицины и санитарии (на примере Московской и Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2019. № 1 (49). С. 19–34.
6. Маркус М. А. Краткое руководство для врачей к познанию российских законов, учреждений и государственной службы, изданное председателем Медицинского совета. СПб. : Тип. Э. Праца, 1843. 198 с.
7. Мыш М. И. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. 5-е изд., испр. и значит. доп. СПб. : Тип. А. Бенке, 1910. 939 с.
8. Пристанкова Н. И. Правовое регулирование врачебно-санитарной деятельности в Российской империи: XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 215 с.
9. Скороходов Л. Я. Краткий очерк истории русской медицины. Л. : Практическая медицина, 1926. 262 с.
10. Смирнова Е. М. Становление системы здравоохранения в российской провинции, 1775–1914 гг. (по материалам региона Верхней Волги) : дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2017. 470 с.
11. Трегубов С. Н. Уголовная ответственность врача за врачевание без согласия больного. СПб. : Сенат. тип., 1904. 54 с.
12. Хитров А. А. Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX – начало XX века: по материалам Санкт-Петербурга – Петрограда и Петербургской – Петроградской губернии : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 504 с.
13. Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб. : Тип. Я. Трея, 1870. 416 с.
14. Digby A. Restoring the balance: women physicians and the profession of medicine, 1850–1995 // Medical History. 2003. Vol. 47, no. 1. P. 130–131.

³⁴ Об установлении платы за содержание и лечение в общих палатах больницы Всех Скорбящих тех больных, родственники или опекуны которых пожелают представить им улучшенное пищевое довольствие // Полное собрание законов Российской империи, с 1881 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1893. Т. X, ч. 1 : 1890, № 6819. С. 367.

³⁵ См., напр.: *О людях, имеющих право на пользование в подведомственных Приказам общественного призрения больницах* // Полное собрание законов Российской империи, с 1825 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1835. Т. IX, ч. 1 : 1834, № 7273. С. 726 ; *О порядке приема больных в Градские больницы* // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXVIII : 1804–1805, № 21184. С. 158–159.

15. McCarthy L. Finding a Space for Women: The British Medical Association and Women Doctors in Australia, 1880–1939 // *Medical History*. 2018. Vol. 62, no. 1. P. 91–111. DOI: 10.1017/mdh.2017.74.
16. O'Brien J. The Obligation of Professional Men to Secrecy // *British Medical Journal*. 1860. № 1 (159). P. 37.

References

1. Budko A. A. *Istoriya meditsiny Sankt-Peterburga XIX – nachala XX v.* [The History of Medicine in St. Petersburg in the XIX – Early XX Centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010. 400 p.
2. *Dvenadtsaty Pirogovskii s'ezd. Peterburg, 29 maya – 5 iyunya 1913 g. Vyp. 2.* [The Twelfth Pirogov Congress. Petersburg, May 29 – June 5, 1913. Iss. 2]. St. Petersburg, 1913. 512 p.
3. Drgonets Ya., Kholender P. *Sovremennaya meditsina i pravo* [Modern Medicine and Law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 336 p.
4. Kodan S. V. Soslovnnoe zakonodatel'stvo v politike rossiiskoi verkhovnoi vlasti (1800–1850-e gg.) [The Estate Legislation in the Policy of the Russian Supreme Government (1800–1850's)]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*, 2012, no. 2, pp. 117–145. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.2.152.
5. Kulikova S. G. Deyatel'nost' zemstva v oblasti meditsiny i sanitarii (na primere Moskovskoi i Tverskoi gubernii) [The Activities of the Zemstvos in the Field of Medicine and Sanitation (on the Example of the Moscow and Tver Provinces)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya – Herald of Tver State University. Series: History*, 2019, no. 1 (49), pp. 19–34.
6. Markus M. A. *Kratkoe rukovodstvo dlya vrachei k poznaniyu rossiiskikh zakonov, uchrezhdenii i gosudarstvennoi sluzhby, izdannoe predsedatelem Meditsinskogo soveta* [A Short Guide for Doctors to the Knowledge of Russian Laws, Institutions and Public Service, Published by the Chairman of the Medical Council]. St. Petersburg, E. Prats' Typography, 1843. 198 p.
7. Mysh M. I. *Polozhenie o zemskikh uchrezhdeniyakh 12 iyunya 1890 goda so vsemi otnosyashchimisya k nemu uzakoneniya-mi, sudebnymi i pravitel'stvennymi raz'yasneniyami* [Regulations on Zemstvo Institutions on June 12, 1890 with All Legalizations, Judicial and Government Explanations Related to It]. 5th ed. St. Petersburg, A. Benke's Typography, 1910. 939 p.
8. Pristankova N. I. *Pravovoe regulirovanie vrachebno-sanitarnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi imperii: XIX – nachalo XX vv.* Dis. kand. jurid. nauk [Legal Regulation of Medical and Sanitary Activities in the Russian Empire: XIX – Early XX Centuries. Cand. Legal Sci. Dis.]. St. Petersburg, 2007. 215 p.
9. Skorokhodov L. Ya. *Kratkii ocherk istorii russkoi meditsiny* [A Brief Outline of the History of Russian Medicine]. Leningrad, Prakticheskaya meditsina Publ., 1926. 262 p.
10. Smirnova E. M. *Stanovlenie sistemy zdravookhraneniya v rossiiskoi provintsii, 1775–1914 gg. (po materialam regiona Verkhnei Volgi)*. Dis. d-ra ist. nauk [Formation of the Health Care System in the Russian Province, 1775–1914. (Based On Materials from the Upper Volga Region). Dr. Hist. Sci. Dis.]. Yaroslavl, 2017. 470 p.
11. Tregubov S. N. *Ugolovnaya otvetstvennost' vracha za vrachevanie bez soglasiya bol'nogo* [Criminal Liability of a Doctor for Medical Treatment Without the Consent of the Patient]. St. Petersburg, Senat Typography, 1904. 54 p.
12. Khitrov A. A. *Dom Romanovykh i rossiiskaya blagotvoritel'nost' . Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka: po materialam Sankt-Peterburga – Petrograda i Peterburgskoi – Petrogradskoi gubernii*. Dis. d-ra ist. nauk [House of Romanovs and Russian Charity. Second Half of the XIX – Early XX Centuries: Based On Materials from St. Petersburg – Petrograd and St. Petersburg – Petrograd Province. Dr. Hist. Sci. Dis.]. St. Petersburg, 2009. 504 p.
13. Chistovich Ya. A. *Ocherki iz istorii russkikh meditsinskikh uchrezhdenii XVIII stoletiya* [Essays from the History of Russian Medical Institutions of the XVIII Century]. St. Petersburg, Ya. Trei's Typography, 1870. 416 p.
14. Digby A. Restoring the balance: women physicians and the profession of medicine, 1850–1995. *Medical History*, 2003, no. 47 (1), pp. 130–131.
15. McCarthy L. Finding a Space for Women: The British Medical Association and Women Doctors in Australia, 1880–1939. *Medical History*, 2018, no. 62 (1), pp. 91–111. DOI: 10.1017/mdh.2017.74.
16. O'Brien J. The Obligation of Professional Men to Secrecy. *British Medical Journal*, 1860, no. 1 (159), p. 37.

Дата поступления статьи | Article received date
11.03.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
04.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.91/95

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-310-319

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В ДЕЛАХ О НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна*

✉ valeria.goncharova.93@bk.ru

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия

***Аннотация.** Мировые соглашения в гражданском и арбитражном процессе являются одним из наиболее удобных и эффективных способов разрешения споров, возникающих между участниками гражданских правоотношений. В то же время в рамках некоторых гражданско-правовых споров содержание мировых соглашений имеет значительную специфику, а иногда – в силу особенностей субъектного состава и существа дела – они вовсе не могут быть применены в целях примирения сторон. Примером таких споров являются дела, связанные с признанием сделки недействительной и применением последствий недействительности сделки, правовое регулирование которых отличается своеобразием. Экономические причины недействительности сделок предопределяют особенности содержания мировых соглашений по соответствующей категории дел, ограничивая его исключительно порядком исполнения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков. Данное обстоятельство обусловлено тем, что с точки зрения динамики гражданских правоотношений недействительная сделка вносит неопределенность в принадлежность имущества и распределение прав и обязанностей участников правоотношений, устранить которую возможно исключительно за счет восстановления положения, существовавшего до совершения и исполнения сделки с дефектом. Действующее гражданско-правовое регулирование в этой части (ст. 4311 ГК РФ), допускающее заключение аналогов мировых соглашений в делах о недействительности сделок, предусматривающих иные, помимо реституции, последствия недействительности сделок, в связи с этим не может быть признано удовлетворительным. Оспаривание же сделки «иным лицом, указанным в законе» (ст. 166 ГК РФ), а также в интересах третьих лиц специально уполномоченными на то субъектами (процессуальными истцами), возможность участия в совершенной и исполненной сделке публично-правовых образований обуславливают постановку вопросов о возможности заключения мировых соглашений указанными субъектами. Отмечается, что данные субъекты, как следует из анализа отечественного гражданского, гражданско-процессуального, административного и семейного законодательства, будучи заинтересованными в разрешении дела о признании сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности, не принимают участия в ее совершении, а следовательно, не могут определять порядок исполнения возникших из нее обязательств.*

***Ключевые слова:** недействительность сделок, применение последствий недействительности сделок, реституция, мировое соглашение, примирение, свобода договора.*

* Ассистент кафедры гражданского права Национального исследовательского Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры информационного права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

The Features of the Content and Subject Composition of Settlement Agreements in Cases of Invalidity of Transactions

Goncharova Valeriya A.**

✉ valeria.goncharova.93@bk.ru

36 Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia

Abstract. Settlement agreements in civil and arbitration proceedings are one of the most convenient and effective ways to resolve disputes arising between participants in civil legal relations. At the same time, within the framework of some civil disputes, the content of settlement agreements has significant specificity, and sometimes – due to the peculiarities of the subject composition and the merits of the case – they cannot be applied at all for the purpose of reconciling the parties. An example of such disputes are cases related to the recognition of the transaction as invalid and the application of the consequences of the invalidity of the transaction, the legal regulation of which is unique. The economic reasons for the invalidity of transactions predetermine the peculiarities of the content of settlement agreements in the relevant category of cases, limiting it exclusively to the procedure for fulfilling restorative obligations and obligations to compensate for losses. This circumstance is due to the fact that, from the point of view of the dynamics of civil legal relations, an invalid transaction introduces uncertainty in the ownership of property and the distribution of rights and obligations of the participants in legal relations, which can be eliminated only by restoring the situation that existed before the conclusion and execution of the transaction with a defect. The current civil law regulation in this part (Article 4311 of the Civil Code of the Russian Federation), which allows the conclusion of analogues of amicable agreements in cases of invalidity of transactions involving other, in addition to restitution, the consequences of the invalidity of transactions, in this regard, cannot be recognized as satisfactory. Contestation of the transaction by “another person specified in the law” (Article 166 of the Civil Code of the Russian Federation), as well as in the interests of third parties by specially authorized entities (procedural plaintiffs), the possibility of participation in a completed and executed transaction of public law entities determine the raising of questions about the possibility of concluding amicable agreements by these entities. It is noted that these subjects, as follows from the analysis of domestic civil, civil procedural, administrative and family legislation, being interested in resolving the case on recognizing the transaction as invalid and on the application of the consequences of its invalidity, do not participate in its execution, and therefore cannot determine the procedure for the fulfillment of obligations arising from it.

Keywords: invalidity of transactions, application of the consequences of invalidity of transactions, restitution, settlement agreement, reconciliation, freedom of contract.

Согласно ст. 139 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), ст. 153⁸ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) мировое соглашение может быть заключено сторонами на любой стадии арбитражного и гражданского процесса и при исполнении судебного акта. Мировое соглашение в отечественной литературе рассматривается как комплекс материально-правовых и процессуальных элементов [2, 8] и понимается в трех аспектах: как один из способов примирения сторон, влекущий прекращение спора между ними; как действие сторон, т. е. договор-сделка, который

в силу ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) признается основанием возникновения гражданских прав и обязанностей; как договор-документ, оформляющий результат соглашения сторон [6]. Как отмечается в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, «решение спора самими сторонами миром позволяет не только снизить нагрузку на судей, но и сохранить партнерские отношения между сторонами на будущее, минимизировать вероятность возникновения дальнейших противоречий между ними и в целом снижает конфликтность в обществе»¹.

** Assistant of the Department of Civil Law at the National Research Tomsk State University, Assistant of the Department of Information Law at Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : одобрена решением Комитета по гражд., уголов., арбитраж. и процес. законодательству ГД СФ РФ от 8 дек. 2014 г. № 124 (1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Институт мировых соглашений как наиболее эффективных и удобных для участников гражданско-правовых споров способов разрешения юридических конфликтов в настоящее время подвергся значительному законодательному реформированию. Ранее развитые и активно применяемые исключительно в рамках арбитражного судопроизводства, сегодня мировые соглашения получили надлежащую правовую регламентацию и в рамках гражданского процессуального законодательства. Данное обстоятельство свидетельствует о положительном отношении законодателя к применению данной процедуры.

По смыслу действующего гражданского и арбитражного процессуального законодательства конструкция мирового соглашения может использоваться сторонами как способ разрешения любых разногласий на этапе их судебного рассмотрения и исполнительного производства. В то же время в рамках некоторых гражданско-правовых споров, связанных с нарушением прав и законных интересов участников правоотношений, применение мировых соглашений имеет определенную специфику в части своего содержания, назначения и субъектного состава.

Так, некоторые материально-правовые особенности, сказывающиеся на процедуре заключения мировых соглашений, имеют споры о признании сделок недействительными и о применении последствий их недействительности, где такие соглашения могут способствовать достижению сторонами взаимоприемлемых договоренностей по поводу последствий недействительности сделок – исполнения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков. Возможность регламентации исполнения указанных обязательств следует из диспозитивных положений процессуального законодательства и вряд ли может быть подвергнута сомнению.

В то же время гражданское законодательство допускает заключение сторонами оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, некоторых соглашений об «иных последствиях» их недействительности (п. 3 ст. 431¹ ГК РФ), которые иногда рассматриваются в литературе как прообразы мировых соглашений в материальных правовых нормах о недей-

ствительности сделок. Так, по мнению А. Г. Карапетова, «в комментируемой норме речь идет о соглашении, которое стороны заключают уже после того, как суд присудил реституцию. С учетом этого, такое соглашение должно оформляться и утверждаться в установленном порядке судом. В частности, в таком мировом соглашении стороны могут установить очередность возврата имущества при двусторонней реституции, договориться вовсе не осуществлять двустороннюю реституцию и оставить все “как есть”... и т. п.»². С данным мнением можно согласиться лишь отчасти, исходя из некоторой общности мирового и рассматриваемого соглашений как способов разрешения споров о последствиях недействительности договоров. Однако соглашение, предусмотренное п. 3 ст. 431¹ ГК РФ, имеет множество недостатков, не учитывающих особенности ситуации недействительности и не позволяющих отождествлять его с положительно зарекомендовавшей себя на практике конструкцией мирового соглашения.

Во-первых, очевидно, что по смыслу п. 3 ст. 431¹ ГК РФ момент заключения соглашений, речь о которых идет в данной норме, хронологически оторван от момента признания договора недействительным, что вряд ли можно признать допустимым. Реституционное требование функционально связано с требованием о признании сделки недействительной, поскольку, разрешая правовой конфликт и устанавливая наличие оснований для признания сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, суд фактически создает предпосылки для разрешения вопроса о распределении имущества, переданного по такой сделке. Эта позиция нашла поддержку в Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, где отмечалось, что основной целью признания сделки недействительной как способа судебной защиты гражданских прав является недопущение исполнения недействительной сделки, а если на момент предъявления иска сделка уже исполнена – применение последствий недействительности сделки. Формулировка п. 2 ст. 167 ГК РФ в части установления последствий недействительности императивна по своему характеру и не предполагает наличия у сторон свободы усмотрения при предъявлении

² *Договорное и обязательственное право (Общая часть)* : постатейный коммент. к статьям 307–453 ГК РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2017.

требований о применении последствий недействительности³.

Во-вторых, приведенные А. Г. Карапетовым возможные изменения сторонами соглашения вынесенного судом решения неминуемо вступят в противоречие с принципом обязательности судебных постановлений (ст. 13 ГПК РФ), а также с экономическими причинами правовой регламентации норм о недействительности сделок.

Речь идет о причинах, обуславливающих правовое регулирование и следующих из отношений экономического базиса, исследование которых дает возможность определить социальное назначение норм о недействительности. Анализ указанных причин становится возможным благодаря обращению к развитому в странах англосаксонской правовой системы теоретическому учению – экономическому анализу права [9].

Экономический анализ права не представляет собой единого научного направления. Входящие в него учения (школы) не противопоставлены друг другу, напротив, они предполагают возможность разностороннего рассмотрения правовых явлений. В системе экономико-правовых школ следует выделить чикагскую школу экономики права, австрийское экономико-правовое направление и институционализм [10]. Именно указанные подходы представляют наибольший научный интерес.

С точки зрения представителей чикагской школы, любой акт товарообмена представляет собой средство удержания людей от оппортунистического (иначе – эгоистического) поведения по отношению к своим партнерам. Такие акты должны подлежать защите и признанию со стороны государства только в том случае, если способствуют повышению общественной эффективности, т. е. имеют в качестве сторон рационально действующих (преследующих цель максимизации прибыли) и достаточно проинформированных, равноправных субъектов, а также не наносят вреда благосостоянию третьих лиц [12, 13]. Сделки, не соответствующие указанным критериям, не могут производить правового эффекта.

Вторым значимым ответвлением экономического анализа права является австрийская экономическая школа [14, 16, 17]. Ее представители в качестве фундаментальных положений экономического анализа права выделяли «аксиому о человеческой деятельности» [7, с. 23]. С пози-

ции рассматриваемого учения, рынок построен на принципах естественно-правовой концепции правопонимания, согласно которым каждому индивиду принадлежит право собственности на себя самого и имеющиеся у него ресурсы. Положения естественно-правовой доктрины, неизменность наличия у лица абсолютного права на собственное поведение и законно принадлежащее ему имущество не предполагают возможности надления правоустановительным эффектом актов поведения, где отсутствует воля на правораспоряжение.

Из сходных теоретических предпосылок исходит и институционализм [11, 15]. Как направление развития экономического анализа права он предполагает, что предметом изучения становится не «экономический человек», а широкая гамма интересов, поведение человека в социальных отношениях. На базе институционализма была выработана экономическая система оценки контрактов. Под последними сторонниками институционального подхода понимается то, что отражает реализацию права собственника на передачу имущества, это соглашения об обмене правомочиями и их защите, являющиеся результатом осознанного и свободного выбора индивидов в определенных социальных рамках.

Таким образом, с позиции чикагской и австрийской школ институционализма, экономические причины недействительности сделок состоят в недопущении существования таких актов товарообмена, совершением и (или) исполнением которых нарушаются требования добровольности вступления в договорные отношения, рациональности, проинформированности их участников и которые причиняют вред благосостоянию других лиц.

В связи с изложенным и с позиции ст.ст. 166, 167 ГК РФ реституция представляется обязательным последствием недействительности сделок. Наделение сторон недействительной сделки возможностью «изобретать» свои последствия ее недействительности может привести к фактическому сохранению за такой сделкой качества действительности и способности порождать ею конкретные права и обязанности.

Анализ п. 3 ст. 431¹ ГК РФ свидетельствует о том, что данная норма не встраивается в действующее законодательство и в условиях наличия норм о мировых соглашениях лишь вносит

³ Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 54.

неопределенность в порядок защиты сторонами недействительных сделок своих прав и законных интересов. Из системного толкования процессуальных норм следует, что правом на заключение мировых соглашений и определение порядка исполнения реституции и возмещения убытков обладают любые стороны сделок с дефектами. В то же время в условиях сохраняющегося действия п. 3 ст. 431¹ ГК РФ оказывается, что лишь субъекты оспоримых договоров, исполнение которых связано с осуществлением ими предпринимательской деятельности, наделены правом на дополнение своих мировых соглашений иными способами защиты, что подтверждается положениями ст. 307¹ ГК РФ, но не способствует защите прав сторон недействительных сделок – предпринимателей. Речь идет о праве таких сторон предусматривать меры ответственности (гл. 25 ГК РФ), меры защиты (гл. 23 ГК РФ) на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения основных обязательств по мировому соглашению, а также – в отношении реституционного обязательства – конкретизировать исполнение способов защиты, предусмотренных гл. 60 ГК РФ.

Изложенное в полной мере согласуется с преобладающим в литературе и судебной практике подходом к возможному содержанию мирового соглашения, согласно которому оно может включать только те условия, которые непосредственно определяют порядок урегулирования судебного спора между сторонами; мировое соглашение не может содержать условия, не связанные с урегулированием спора [6]. Как отмечается в п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», в силу принципа свободы договора мировое соглашение может содержать любые не противоречащие закону или иным правовым актам условия⁴. Стороны при заключении мирового соглашения могут самостоятельно распоряжаться принадлежащими им материальными правами, они свободны в согласовании любых условий мирового соглашения, не противоречащих федеральному закону и не нарушающих права и законные интересы других лиц, в том числе при включении в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства.

С учетом указанного подхода к ограничению содержания мирового соглашения в деле о недействительности сделок важно также обратить внимание на его особую направленность, проявляющуюся исключительно в рамках указанной категории дел. Как отмечают И. Н. Мосечкин и А. В. Махнева, недобросовестные действия участников гражданского оборота, утрата потребительской стоимости имущества, иные обстоятельства иногда создают ситуацию, при которой становится возможной лишь одна из двух обратных передач имущества, вторая же по тем или иным причинам затруднена, что ведет в итоге к дисбалансу прав сторон недействительной сделки [4, с. 25].

Следует заметить, что проблема обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств в настоящее время приобретает все большую актуальность не только в сфере применения последствий недействительности сделок. По информации, содержащейся в Итоговом докладе о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов за 2018 г., «судебные акты частного правового характера являются наиболее трудноисполнимыми с точки зрения фактического взыскания денежных средств»⁵. Отмечается также, что в 2018 г. в Федеральную службу судебных приставов России поступило для принудительного исполнения 60,3 млн исполнительных документов (на 102,5 тыс. больше, чем в 2017 г.), что демонстрирует общую тенденцию роста количества поступающих исполнительных документов. При этом в условиях указанного роста доля исполнительных производств, где должники приступили к выполнению своих обязательств, составила всего 45,4 % от общего их количества⁶. Изложенное свидетельствует о высокой значимости мировых соглашений как альтернатив принудительному исполнению. Включая взаимоприемлемые для сторон спора договоренности о порядке, механизме исполнения и обеспечения реституционных обязательств и обязательств по возмещению убытков, мировое соглашение изначально рассчитано на добровольное исполнение, с большей вероятностью будет способствовать полному восстановлению прав участников правоотношений.

Подобное разрешение вопроса о содержании мирового соглашения возможно только в случае,

⁴ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Итоговый доклад о деятельности ФССП России в 2018 году*. URL: <http://fssprus.ru/2598521/>

⁶ Там же.

когда сделка оспаривается одной из ее сторон, при этом вторая сторона сделки является ответчиком по иску о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности. В то же время по смыслу ст. 166 ГК РФ правом на оспаривание сделки обладают не только стороны такой сделки, но и иные лица, указанные в законе. Кроме того, в интересах третьих лиц сделка может быть признана недействительной по требованию управомоченных на то процессуальным законодательством субъектов. Подобная законодательная регламентация круга субъектов права на оспаривание сделки, как представляется, обусловливается возможностью негативного влияния порожденной сделкой с дефектом правовой неопределенности не только на стороны такой сделки, но и на других – иных и третьих лиц.

Иные лица как участники недействительной сделки прямо указаны в законе, их характеризует наличие прочной связи с недействительной сделкой вследствие ее непосредственного (например, супруг, согласие которого на совершение сделки в обход законодательных правил не было получено) или опосредованного (например, конкурсный кредитор в деле о банкротстве) негативного влияния на их имущественную сферу или ее влияния на публичные интересы, реализуемые субъектами, осуществляющими контрольные полномочия (например, опекуны и попечители, наделенные правом на оспаривание сделок своих подопечных). Как следует из анализа абз. 1 п. 2 и абз. 1 п. 3 ст. 166 ГК РФ, иные лица, как и стороны недействительной сделки, представляют собой носителей материально-правового интереса в признании сделки недействительной и в применении последствий ее недействительности. Предполагается, что стороны сделки, а также иные лица заинтересованы в последствиях разрешения дела о недействительности сделки, чем и объясняется законодательное наделение их правом на ее самостоятельное оспаривание и применение последствий ее недействительности.

С процессуальной точки зрения иное лицо, указанное в законе как управомоченное на оспаривание сделки, выступает истцом, стороной гражданского процесса – таким участником судопроизводства, спор о субъективных правах и юридических обязанностях которого должен разрешить суд. С процессуальной позиции стороны представляют собой действительных

или предполагаемых субъектов спорных материальных правоотношений как носителей спорных прав (истец) и обязанностей (ответчик), обладающих противоположным юридическим интересом в деле, действующих от своего имени. Только на стороны распространяются материально-правовые последствия судебного решения по делу [5, с. 165–167].

С одной стороны, наличие у иных лиц предусмотренного законом права на признание сделки недействительной и применение последствий недействительности позволяет рассматривать их в качестве субъектов особой разновидности гражданско-правового охранительного правоотношения – правоотношения по защите прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки. Основанием его возникновения выступает совершение и (или) исполнение сделки с дефектом, нарушающей права и охраняемые законом интересы таких иных лиц, действующих добросовестно. Именно участие в данном правоотношении предопределяет права иных лиц, указанных в законе, на заявление приведенных требований в целях собственной защиты и приобретение ими статуса стороны в процессе.

С другой стороны, очевидно, что иные лица не принимают участия в совершении и исполнении недействительной сделки и в связи с этим их статус по отношению к сторонам сделки достаточно своеобразен. По делам о недействительности сделок иные лица, имея лишь охранительное правомочие на защиту, возникшее из определенной, отмеченной ранее связи таких лиц со спорной сделкой, предъявляют требование к обеим ее сторонам с целью устранить нарушение их права и законного интереса. Реализация их защитных притязаний обеспечивается судебным признанием сделки недействительной, а также применением последствий ее недействительности. При этом последствия недействительности, как следует из положений ст. 167 ГК РФ, касаются исключительно имущественных сфер сторон такой сделки. Так, в случае оспаривания сделки, совершенной лицом, находящимся в процедуре банкротства, обратные имущественные предоставления между ее сторонами напрямую не затронут имущественное положение оспарившего такую сделку иного лица – конкурсного кредитора или конкурсного управляющего. Однако в первом случае возврат будущему банкроту всего отданного им по сделке обеспечивает

восстановление конкурсной массы, необходимой для дальнейшего удовлетворения интересов конкурсного кредитора. В случае оспаривания сделок конкурсным управляющим возврат имущества в порядке реституции юридическому лицу, банкротством которого занимается такой управляющий, обеспечит эффективность конкурсного управления и достижение им своих предусмотренных законодательством целей [3]. Подобная логика рассуждений применима ко всем иным лицам как истцам в делах о недействительности сделок.

Иное лицо как участник недействительной сделки не претерпевает, подобно истцам в иных гражданско-правовых спорах и оспаривающим сделку сторонам, никаких имущественных последствий в результате вынесения положительного решения по его исковому заявлению. Интерес иного лица, хоть и является материально-правовым, однако не основан на прямом воздействии вынесенного судебного решения на его имущественную сферу. Данное обстоятельство позволяет допустить, что при оспаривании сделки иным лицом, указанным в законе, мировое соглашение между ним и сторонами сделки – ответчиками по иску не может быть заключено. Мировое соглашение предполагает наличие взаимных уступок в порядке разрешения спора между сторонами, однако в рассматриваемой ситуации иное лицо, указанное в законе, в силу определенной, не прямой связи со сделкой, встраивается в первоначальные отношения сторон, участником которых не являлось и имущество в рамках которых не передавало. Исходя из этого никаких прав и обязанностей на такое лицо мировым соглашением возложить просто невозможно.

Безусловно, можно допустить ситуацию заключения мирового соглашения между истцом, иным лицом, указанным в законе, с одной стороны, и ответчиками, сторонами совершенной сделки – с другой. В этом случае иное лицо будет лишь сторонним наблюдателем в мировом соглашении, присутствие которого лишено всякого смысла. Интерес такого иного лица состоит, как было отмечено, в устранении правовой неопределенности от совершения и исполнения сделки. Вынесение судебного решения о присуждении реституции уже гарантировано обеспечивает его права. В связи с принципом обязательности судебных постановлений стороны не могут своим решением изменить то,

что присудил суд. Можно допустить, что после вынесения судебного решения ответчики – стороны недействительной сделки могут в порядке добровольного исполнения обязательств заключить соглашение о порядке исполнения решения суда.

В отличие от иных лиц, круг третьих лиц не определен в законе, их связь с недействительной сделкой слабее. Они могут быть признаны участниками недействительной сделки исключительно при нарушении сделкой их прав и охраняемых законом интересов. Третьи лица не вправе самостоятельно оспаривать сделку, в целях защиты их прав и законных интересов могут действовать субъекты, которые в юридической литературе приобрели название процессуальных истцов.

Действующим гражданским процессуальным законодательством установлено право прокурора обращаться в суд с заявлением о защите прав, свобод и интересов граждан, неопределенного круга лиц. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд. Указанное ограничение не распространяется на заявление прокурора, основанием для которого служит обращение к нему граждан о защите нарушенных или оспариваемых социальных прав, свобод и законных интересов в сферах трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений; защиты семьи, материнства, отцовства и детства; социальной защиты, включая социальное обеспечение; обеспечения права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах; охраны здоровья, включая медицинскую помощь; обеспечения права на благоприятную окружающую среду; образования (ст. 45 ГПК РФ). В статье 46 ГПК РФ предусмотрена возможность органов государственной власти и местного самоуправления, организаций и граждан обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц.

В соответствии с п. 1 ст. 53 АПК РФ в случаях, предусмотренных Федеральным законом, государственные органы, органы местного самоуправления и иные органы вправе обратиться

в арбитражный суд в защиту публичных интересов. В случаях, предусмотренных АПК РФ и другими федеральными законами, организации и граждане вправе обратиться в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов других лиц. Арбитражным процессуальным законодательством также допускается обращение прокурора с требованием о признании недействительными сделок и о применении последствий ничтожных сделок, совершенных органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями и проч. (ст. 52 АПК РФ). Законодательством предусмотрена возможность оспаривания сделок и другими государственными органами: Банком России (ст.ст. 11.3, 18, ч. 7 ст. 37 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»⁷), налоговыми органами (ч. 11 ст. 7 Закона Российской Федерации от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах в Российской Федерации»⁸), антимонопольными органами (п. «б» ч. 6 ст. 23, чч. 2, 4, 5 ст. 34 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹) и т. д.

Согласно положениям процессуального законодательства процессуальные истцы пользуются всеми процессуальными правами и несут все процессуальные обязанности, за исключением, в частности, права на заключение мирового соглашения. Данное положение закона обоснованно: не будучи участником спорных материальных правоотношений, но заявляя исковое требование, процессуальный истец выполняет лишь возложенные на него публичные полномочия по защите определенных пострадавших лиц. В связи с этим процессуальные истцы близки иным лицам, что объясняется имущественной «изолированностью» от спорной сделки обеих групп указанных субъектов.

Таким образом, мировое соглашение как способ примирения сторон гражданского процесса в части исполнения реституционных обязательств и обязательства по возмещению убытков может быть применено только при оспаривании сделки одной из ее сторон. В случае оспаривания сделки иным лицом либо процессуальным истцом, действующим в интересах третьего лица, примирительный потенциал мировых соглашений ограничен.

Анализ судебной практики по делам, связанным с недействительностью сделок, свидетельствует о том, что нередко сторонами сделки, оспариваемыми заключенные соглашения, выступают публично-правовые субъекты (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования). Вынесение судебного решения о присуждении реституции служит гарантией восстановления их нарушенной имущественной сферы, что с учетом социально-ориентированного положения таких лиц приобретает особое значение. В этих условиях возможность заключения сторонами сделки мирового соглашения о последствиях недействительности может вызвать разумные сомнения.

Положения процессуального законодательства, однако, не содержат каких-либо ограничений в части субъектного состава, имеющего права на заключение мировых соглашений. Согласно ч. 2 ст. 153⁸ ГПК РФ единственным ограничением содержания мирового соглашения является ненарушение им законных интересов других лиц и непротиворечие закону. Близкие по содержанию правила предусмотрены и арбитражным процессуальным законодательством. Указанный подход был подтвержден практикой Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 22 июля 2002 г. № 14-П КС РФ при проверке на предмет конституционности положений законодательства о банкротстве отметил, что по смыслу ст. 8 Конституции РФ граждане, коммерческие организации и публично-правовые образования должны иметь равные возможности при заключении мирового соглашения и выработке его условий, поскольку в противном случае не учитывались бы их экономические интересы и игнорировался бы конституционный принцип равноправия¹⁰.

В настоящее время вопрос о возможности участия публично-правовых образований в заключении мировых соглашений в доктрине преимущественно рассматривается в связи со спорами из публично-правовых отношений. Как отмечается Т. А. Григорьевой и Е. В. Храмовой, «ответ на вопрос о возможности заключения мировых соглашений по публично-правовым спорам, в отличие от гражданско-правовых

⁷ Рос. газ. 1996. 10 февр.

⁸ Бюл. норматив. актов. 1992. № 1.

⁹ Рос. газ. 2006. 27 июля.

¹⁰ Там же. 2002. 1 авг.

споров, где возможность заключения мировых соглашений презюмируется, не может быть дан в безапелляционной форме» [1, с. 19].

Строгие требования к содержанию мирового соглашения как способа примирения сторон недействительной сделки, а также процесс его проверки судом, рассматривающим дело, представляется, не оставляют для публично-правовых участников такого соглашения поля для злоупотреблений собственным положением и не допускают возможности фактического сохранения за сделкой качества действительности. В связи с этим с учетом изложенных ранее замечаний об обязательности реституции мировое соглашение может быть заключено

публично-правовым субъектом – стороной недействительной сделки.

В качестве итога следует отметить, что реформирование гражданского процессуального законодательства обуславливает интерес к особенностям применения норм о мировых соглашениях как способах примирения сторон различных гражданско-правовых споров и, в частности, споров о недействительности сделок. Своеобразие последствий недействительности сделок, а также особенности круга субъектов права на их оспаривание определяют особое содержание заключаемых в деле о недействительности сделок мировых соглашений, а также узкий подход к их субъектному составу.

Список литературы

1. Григорьева Т. А., Храмова Е. В. Мировое соглашение по спорам, затрагивающим публично-правовые интересы: современные проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2011. № 8. С. 17–24.
2. Котлярова В. В. К вопросу о понятии и правовой природе мирового соглашения // *Российская юстиция*. 2017. № 6. С. 17–20.
3. Кузнецов С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : моногр. М. : Инфотропик Медиа, 2015. 304 с.
4. Мосечкин И. Н., Махнев А. В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // *Российская юстиция*. 2018. № 3. С. 25–28.
5. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. 703 с.
6. Рожкова М. А. Применение в коммерческом обороте мировой сделки. М. : Статут, 2005. 572 с.
7. Тимофеев Е. А. “Law and Economics”: учение о праве и государстве в США в XX веке : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 181 с.
8. Фишин А. В. О правовой природе мирового соглашения // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 6. С. 40–53.
9. Bag S. *Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan, 2018. 215 p.
10. Hertog J. *General Theories of Regulation* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 223–270.
11. Klein P. G. *New Institutional Economics* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 456–489.
12. Kovac M. *Comparative Contract Law and Economics*. Edward Elgar Publishing, 2011. 392 p.
13. Mackaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Edward Elgar Publishing, 2013. 549 p.
14. Malenski T. *A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective* // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2012. № 31 (44). P. 207–218.
15. Medema S. G., Mercurio N., Samuels W. J. *Institutional Law and Economics* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 418–455.
16. Sima J. *Praxeology as Law & Economics* // *Journal of Libertarian Studies*. 2004. Vol. 18, № 2. P. 73–89.
17. Weigel W. *Law and Economics in Austria* // *Encyclopedia of Law and Economics*. New York : Springer-Verlag New York, 2019. P. 118–127.

References

1. Grigoryeva T. A., Khrapova E. V. *Mirovoe soglashenie po sporam, zatragivayushchim publichno-pravovye interesy: sovremennye problemy* [Settlement in Cases Concerning Public Law Interests: Urgent Problems]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2011, no. 8, pp. 17–24.
2. Kotlyarova V. V. *K voprosu o ponyatii i pravovoi prirode mirovogo soglasheniya* [The Issue of Definition and Legal Nature of the Settlement Agreement]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2017, no. 6, pp. 17–20.
3. Kuznetsov S. A. *Osnovnye problemy pravovogo instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva)* [The Main Problems of the Legal Institution of Bankruptcy]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2015. 304 p.
4. Mosechkin I. N., Makhnev A. V. *Problematika i sposoby ispolneniya obyazatel'stva po pravilam dvustoronnei restitutsii* [Problems and Ways of Fulfillment of Obligations Under the Rules of Bilateral Restitution]. *Rossiiskaya yustitsiya – Russian Justitia*, 2018, no. 3, pp. 25–28.
5. Osokina G. L. *Grazhdanskii protsess. Obshchaya chast'* [Civil Process. A Common Part]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2010. 703 p.
6. Rozhkova M. A. *Primenenie v kommercheskom oborote mirovoi sdelki* [The Application of a Settlement Agreement in Commercial Affairs]. Moscow, Statut Publ., 2005. 572 p.

7. Timofeev E. A. “*Law and Economics*”: *uchenie o prave i gosudarstve v SShA v XX veke*. Dis. kand. jurid. nauk [“Law and Economics”: The Teaching About Law and State in the United States in the Twentieth Century. Cand. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2016. 181 p.
8. Fioшин A. V. O pravovoi prirode mirovogo soglasheniya [On the Legal Nature of a Settlement Agreement]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – The herald of civil process*, 2016, no. 6, pp. 40–53.
9. Bag S. *Economic Analysis of Contract Law. Incomplete Contracts and Asymmetric Information*. Palgrave Macmillan Publ., 2018. 215 p.
10. Hertog J. General Theories of Regulation. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 223–270.
11. Klein P. G. New Institutional Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 456–489.
12. Kovac M. *Comparative Contract Law and Economics*. Edward Elgar Publ., 2011. 392 p.
13. Mackaay E. *Law and Economics for Civil Law Systems*. Edward Elgar Publ., 2013. 549 p.
14. Malenski T. A Critique of Law & Economics – an Austrian School Perspective. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 2012, no. 31 (44), pp. 207–218.
15. Medema S. G., Mercurio N., Samuels W. J. Institutional Law and Economics. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 418–455.
16. Sima J. Praxeology as Law & Economics. *Journal of Libertarian Studies*, 2004, vol. 18, no. 2, pp. 73–89.
17. Weigel W. Law and Economics in Austria. *Encyclopedia of Law and Economics*. New York, Springer-Verlag New York Publ., 2019, pp. 118–127.

Дата поступления статьи | Article received date

25.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

04.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

УДК 347.45/.47

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-320-327

РЕФОРМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

ЛАВРОВ Юрий Борисович*

✉ y.b.lavrov@gmail.com

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

МИНЯЕВА Анна Олеговна[▲]

✉ tender@iklaster.ru

Больничный пер., 6, оф. 913, Омск, 644099, Россия

***Аннотация.** В данной статье авторы определяют критерии публичности закупок. На основании выделенных критериев установлено, что к публичным закупкам на сегодняшний день относятся государственные, муниципальные и «корпоративные» закупки. Проведен анализ отраслей законодательства, регламентирующих государственные и муниципальные закупки, а также закупки, проводимые отдельными видами юридических лиц. Авторы обращают внимание на свойственное публичным закупкам состояние постоянного реформирования, при этом изменения, вносимые в нормативные правовые акты, не всегда были удачными с точки зрения поставленной законодателем цели – совершенствование правового регулирования. Отмечается высокая степень интереса научной юридической общественности к сфере публичных закупок. Подвергается критической оценке содержание законодательства о закупках отдельных видов юридических лиц: авторы аргументируют позицию о нарушении законодателем правил юридической техники при построении соответствующего нормативно-правового массива. Определяются перспективы правового регулирования в сфере публичных закупок. В ходе исследования сходства и различия контрактной системы закупок и закупок отдельных видов юридических лиц выявляется общая направленность целей данных отраслей законодательства при условии их юридически оформленного разграничения. Установлено, что содержание обеих отраслей законодательства составляют аналогичные институты: реестр контрактов (договоров), реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), планирование закупок, необходимость осуществления закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства. Обращено внимание на то, что содержащиеся в сфере дополнительного профессионального образования профессиональные стандарты учитывают трудовые функции лиц, осуществляющих трудовую деятельность на основании как законодательства о контрактной системе, так и законодательства об отдельных видах юридических лиц. Делается вывод, что, несмотря на существующие сегодня некоторые различия в правовом регулировании названных отраслей законодательства, целесообразным является рассмотрение вопроса, касающегося перспективы их унификации. Это главным образом объясняется тем, что дифференциации системы публичных закупок негативно сказывается на организации деятельности как заказчиков, так и участников закупок.*

***Ключевые слова:** публичные закупки, контрактная система закупок, закупки отдельных видов юридических лиц, государственный (муниципальный) контракт, конкурентные закупки.*

* Доцент кафедры гражданского права Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук.

[▲] Главный юрисконсульт Института инновационных технологий образования «Кластер».

Reform of Procurement Legislation Carried Out by Certain Types of Legal Entities, in the Context of the Problem of Systematization of Regulatory Legal Acts in the Field of Public Procurement

Lavrov Yurii B.**

✉ y.b.lavrov@gmail.com

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Minyaeva Anna O.^^

✉ tender@iklaster.ru

6 Bolnichnyy lane, office 913, Omsk, 644099, Russia

Abstract. In this article, the authors define the criteria for public procurement. Based on the selected criteria, it has been established that government, municipal and corporative procurements today belong to the category of public procurement. An in-depth analysis of the branches of the legislation governing state and municipal procurements, as well as procurements by certain types of legal entities, has been carried out. The authors draw attention to the state of constant reform, which is typical for public procurement, and the changes introduced into regulatory legal acts are not always successful from the point of view of the goal set by the legislator – improving legal regulation. A high degree of interest of the scientific legal community in the field of public procurement is noted. The content of the legislation on the procurement of certain types of legal entities is critically evaluated: the authors argue the position on the violation by the legislator of the rules of legal technology in the construction of the corresponding regulatory body. The prospects of legal regulation in the field of public procurement are determined. Studying the similarities and differences of the contract system of procurement and procurement of certain types of legal entities, the general orientation of the goals of these sectors of the law is revealed, provided that they are legally drawn up. It has been established that the content of both branches of the law is made up of similar institutions: a register of contracts (agreements), a register of unscrupulous suppliers (contractors, contractors), procurement planning, and the need to make purchases from small and medium-sized enterprises. Attention is drawn to the fact that professional standards contained in the field of continuing professional education take into account the labor functions of persons engaged in labor activities both on the basis of legislation on the contract system and legislation on certain types of legal entities. Based on the results of this work, the authors conclude that, despite the current differences in the legal regulation of these branches of legislation, it is advisable to consider the issue of the prospects for their unification. This is mainly due to the fact that the differentiation of the public procurement system develops negatively on the organization of activities of both customers and procurement participants.

Keywords: public procurement, contract procurement system, procurement of certain types of legal entities, state (municipal) contract, competitive procurement.

На современном этапе развития публичных закупок проходит масштабная реформа норм, регулирующих порядок их проведения. В частности, осуществляется перераспределение функций между государственными, муниципальными заказчиками и уполномоченными органами (учреждениями), а субъекты Российской Федерации и муниципальные образования нахо-

дятся в поиске оптимального способа централизации закупок.

От нормативно-правового обеспечения формирования публичных закупок не отстает и правоприменительная практика, вырабатывающая правовые позиции по многим проблемным вопросам контрактной системы в сфере закупок¹, а также закупок отдельных видов юридических лиц².

** Docent of the Department of Civil Law at the Siberian Law University, Candidate of Legal Sciences.

^^ General Counsel of the Institute of Innovative Education Technologies "Cluster".

¹ См., напр.: *Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд* : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 28 июня 2017 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² См., напр.: *Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»* : утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 16 мая 2018 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо отметить, что за последнее десятилетие проблемы правового регулирования публичных закупок все активнее стали обсуждаться научной юридической общественностью. За указанный период было проведено более 30 диссертационных исследований по юридической тематике³, преимущественно в рамках отраслей гражданского [1; 7; 14; 15] и административного [6; 9; 12; 13] права. В юридической прессе встречается немало публикаций по вопросам планирования закупок, процедур их осуществления, правовой природы и особенностей исполнения государственного и муниципального контракта [5; 10; 11]. Широко распространены труды по проблематике публичных закупок и в зарубежной научной юридической литературе [16; 17; 18; 19; 20; 21].

Несомненно, такой научный интерес связан с государственной и общественной значимостью механизмов, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд, а также удовлетворение потребностей некоторых видов юридических лиц.

Перед законодателем поставлена непростая задача по определению баланса интересов как заказчиков и участников закупок, так и самого государства. Поиск такого баланса неминуемо затрагивает крайне важный вопрос о соотношении частных и публичных начал в соответствующих правовых нормах и регулируемых ими экономических отношениях.

В юридической литературе нет однозначного понимания того, какие именно регламентированные системы обеспечения нужд относятся к публичным закупкам. Не вдаваясь в полемику по указанному дискуссионному вопросу, считаем верными следующие критерии «публичности» закупок:

1) прозрачность проведения закупок на этапах их планирования, определения контрагентов и исполнения договоров;

2) направленность на достижение общественно-значимых целей, обеспечивающих развитие конкуренции, а также поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства и др.;

3) активное использование императивного метода правового регулирования, проявление

которого выражается в детальной регламентации отдельных закупочных процедур, системе государственного контроля за осуществлением закупок и административной ответственности за нарушения соответствующих норм.

Отталкиваясь от указанных особенностей, к публичным закупкам, по мнению авторов, следует отнести государственные и муниципальные закупки, основанные на нормах Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴ (далее – Закон о контрактной системе, Закон № 44), а также так называемые корпоративные закупки, проводимые в соответствии с правилами Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁵ (далее – Закон о закупках отдельных видов юридических лиц, Закон № 223).

Следует отметить, что законодательству о публичных закупках свойственно состояние «постоянного реформирования». Как верно отмечается в юридической литературе, в рассматриваемой сфере принимается большое количество нормативных правовых актов, подвергающихся «латанию», которое можно объяснить отсутствием целостной концепции совершенствования законодательства о закупках [2, с. 2265–2266; 3, с. 17–22].

В утвержденной распоряжением Правительства РФ Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах (далее – Концепция) дан анализ текущего состояния системы государственных и муниципальных закупок, а также определен круг проблем, существующих в этой сфере⁶. В частности, в ней указано, что принятие в 2017–2018 гг. комплексных поправок в Закон № 44 и соответствующих актов Правительства Российской Федерации создало основу для перехода с 2019 г. к новому этапу развития контрактной системы. Вместе с тем правовое регулирование последней остается нестабильным и недостаточно системным. После вступления в силу в 2013 г. Закона о контрактной системе было принято более 50 федеральных законов о внесении в него изменений, затронувших более 50 % его статей (без учета

³ Информация по данным Официального сайта Российской государственной библиотеки. URL: <http://www.diss.rsl.ru/>

⁴ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2013. № 14, ст. 1652.

⁵ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571.

⁶ *Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах* : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31 янв. 2019 г. № 117-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принятых в конце 2017 г. комплексных поправок, изменивших или изложивших в новой редакции более 90 из 120 его статей). По сути, в настоящее время действует новая редакция Закона № 44, сложившаяся в результате постоянных и не всегда последовательных изменений. При этом в контрактной системе сохраняются пробелы и внутренние противоречия правового регулирования.

При внушительном количестве научных трудов по вопросам правовой регламентации публичных закупок проблематика юридического оформления закупок отдельных видов юридических лиц в доктринальном плане остается малоисследованной. Тем не менее практика применения Закона № 223 ставит перед научной общественностью вопросы о перспективах правового регулирования закупок отдельных видов юридических лиц.

Данный закон имеет следующий ряд особенностей, которые, на наш взгляд, могут быть рассмотрены как недостатки его формирования и применения.

В-первых, нормы Закона № 223 неудачно сконструированы с точки зрения юридической техники: состоящий всего из 20 статей, он очень труден для уяснения его содержания (в частности, в нем свыше 200 отсылочных и бланкетных норм, а формулировки закона чересчур объемны). Содержание закона крайне нестабильно: с момента принятия 8 июля 2011 г. он претерпел 28 серьезных редакций.

Во-вторых, Закон № 223 придает крайне высокую значимость подзаконному регулированию. Так, именно в нормативных правовых актах Правительства РФ определяются такие значимые вопросы, как особенности участия в закупках субъектов малого и среднего предпринимательства⁷, порядок ведения реестра договоров⁸, порядок утверждения планов закупок⁹. Все это в совокупности делает нормативно-правовую материю очень разрозненной между актами различной юридической силы и субъектами творческой деятельности.

И, в-третьих, несовершенно видится подход к формированию перечня заказчиков по Закону № 223: в ряде случаев законодатель определяет необходимость руководствоваться его нормами в зависимости от источника финансирования закупки (например, в отношении бюджетных учреждений, которые одновременно могут осуществлять закупки по Закону № 44 и Закону № 223). Сам состав заказчиков очень различается по целям деятельности и масштабу финансирования – это и публично-правовые компании, и общеобразовательные школы в форме бюджетных учреждений.

Такая разница субъектов, обязанных руководствоваться Законом № 223, полагаем, обусловила и появление его названия – о закупках *отдельными видами* юридических лиц. Законодатель не смог подобрать обобщающего понятия и в связи с этим Закон № 223 экспертное сообщество нередко именует законом *о закупках госкомпаний, о корпоративных закупках, регламентированных закупках* и т. д.

Концептуально значимым является вопрос сходной общей направленности регулирования законодательства о контрактной системе в сфере закупок и законодательства о закупках отдельных видов юридических лиц. Так, Закон № 223 вбирает в себя институты, уже реализованные в рамках Закона № 44: реестр договоров, реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), планирование закупок, необходимость осуществления закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства (в контрактной системе – только у субъектов малого предпринимательства). Кроме того, все сведения о закупках размещаются в одном информационном источнике – Единой информационной системе в сфере закупок (ЕИС)¹⁰.

Законом № 223 предусмотрен ряд случаев «перехода» заказчиков к системе закупок по Закону о контрактной системе: заключение договора на проведение обязательного аудита бухгалтерской отчетности по результатам конкурса, проводимого по правилам Закона о контрактной

⁷ *Об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц* : постановление Правительства Рос. Федерации от 11 дек. 2014 г. № 1352. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ *О порядке ведения реестра договоров, заключенных заказчиками по результатам закупки* : постановление Правительства Рос. Федерации от 31 окт. 2014 г. № 1132. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ *Об утверждении Правил формирования плана закупки товаров (работ, услуг) и требований к форме такого плана* : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 сент. 2012 г. № 932. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ *Официальный сайт Единой информационной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд*. URL: <https://zakupki.gov.ru/>

системе; отсутствие утвержденного и размещенного в ЕИС положения о закупке; невыполнение заказчиком обязанности осуществлять закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства в объеме, установленном Правительством РФ.

При этом в последних двух случаях прослеживается элемент юридической санкции как составной части правонарушения. Отсюда можно сделать вывод, что законодатель, предполагая все неудобство норм Закона № 44, возлагает обязанность на «провинившихся» заказчиков в рамках Закона № 223 перейти на правила контрактной системы в сфере закупок.

Примечательно, что существующие в сфере публичных закупок профессиональные стандарты «Эксперт в сфере закупок»¹¹ и «Специалист в сфере закупок»¹² в качестве основных целей вида данной профессиональной деятельности определяют соответствующие знания (подготовка экспертных заключений, консультирование, контроль и управление) при осуществлении одновременно закупок для обеспечения государственных, муниципальных и корпоративных нужд.

Выделяя сходные институты, реализованные в указанных выше законах, необходимо отметить некоторые принципиальные отличительные черты Закона № 44, придающие ему самостоятельный характер:

1) большой объем нормативного массива, регулирующего процедуры планирования и проведения закупок (Законом № 44 осуществляется детальная регламентация планирования (гл. 2) и проведения процедур закупок с рассмотрением всех способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (гл. 3)), положения которого также дополнены многочисленными подзаконными нормативными актами [8, с. 420]. Напротив, Закон № 223 не имеет такой урегулированности указанных отношений;

2) правовое регулирование государственных и муниципальных закупок, основанное на положениях Закона о контрактной системе, носит преимущественно императивный характер. Так, исключительно императивными являются такие институты, как планирование, нормирование, мониторинг, аудит и контроль в сфере закупок.

Свобода заказчиков в построении своей закупочной системы и выработке норм, на основании которых они проводят закупки, сведена к минимуму. Вместе с тем заказчик по Закону № 223 имеет большую свободу при осуществлении закупок, в том числе при формировании требований к закупке, содержащихся в положении, изменении существенных условий заключенных договоров;

3) всеобъемлюще регулирует проведение закупочной процедуры, в то время как Закон № 223 призван определять только общие принципы проведения закупок.

Однако, несмотря на то что нормы, регулирующие порядок осуществления государственных и муниципальных закупок, а также закупок отдельных видов юридических лиц, образуют самостоятельные отрасли законодательства, в юридической литературе высказывается мнение, согласно которому наметилась тенденция к унификации этих отраслей [4, с. 19–22].

Последние изменения, введенные в Закон № 223 в 2018–2020 гг., лишь подтверждают обоснованность таких взглядов. Проанализируем наиболее важные из них.

В современной редакции Закона № 223 закреплено понятие типового положения о закупках, принятие которого возможно в отношении таких заказчиков, как автономные и бюджетные учреждения, а также государственные и муниципальные унитарные предприятия. Нужно отметить, что такая норма существенно ограничивает перечисленных заказчиков в свободе формирования собственных закупочных систем. В отношении названных категорий заказчиков теперь действует норма о ведомственном контроле, что также усиливает их подотчетность органам, осуществляющим полномочия учредителя или права собственника.

Указанные нормы имеют свои аналоги в контрактной системе. Так, типовое положение о закупке для ряда субъектов Закона № 223 направлено на унификацию закупочных правил заказчиков, функционирующих в определенной относительно самостоятельной управленческой системе (например, в сфере образования, здравоохранения, сельского хозяйства и т. д.), что приближает их к контрактной системе закупок,

¹¹ Об утверждении профессионального стандарта «Эксперт в сфере закупок»: приказ Минтруда России от 10 сент. 2015 г. № 626н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок»: приказ Минтруда России от 10 сент. 2015 г. № 625н. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

в рамках которой Закон № 44 императивно определяет все правила осуществления после.

Закон № 223 ориентирует заказчиков на проведение конкурентных закупок в формах, реализуемых в контрактной системе закупок: конкурсов, аукционов, запросов предложений и запросов котировок. Также в обоих законах предусмотрена возможность осуществления закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Многие правила, регулирующие конкурентные процедуры закупок в соответствии с Законом № 223, сходны с нормами законодательства о контрактной системе закупок. Законом № 44 регламентировано, что заказчики, уполномоченные (учреждения) при осуществлении закупок определяют поставщиков (подрядчиков, исполнителей) путем проведения электронных процедур. Конкурентные закупки отдельные виды юридических лиц должны проводить в электронной форме, если иной порядок их проведения заказчик не установит в положении о закупке. Конкурентные закупки по Закону № 223, которые проводятся для субъектов малого и среднего предпринимательства, осуществляются исключительно в электронной форме.

В нормах Закона № 44 установлены правила, которыми должен руководствоваться заказчик при описании объекта закупки. Аналогично действуют правила об описании предмета закупки заказчиками – отдельными видами юридических лиц. В частности, в документации необходимо указать его функциональные, технические и качественные характеристики. Если в описании предмета закупки используется товарный знак, то его указание следует сопровождать словами «или эквивалент». Не соблюдать это правило можно будет в ряде случаев, например, при закупке запасных частей к используемому оборудованию.

Таким образом, в настоящее время Закон № 223 в значительной степени утрачивает рамочный характер, который ранее служил главным фактором в отграничении закупок отдельных видов юридических лиц от государственных и муниципальных закупок.

В Концепции указано, что в ходе дальнейшего реформирования публичных закупок необходимо исходить из целей стабилизации правового регулирования контрактной системы в сфере за-

купок с проработкой вопроса о целесообразности его кодификации. В случае принятия такого решения будет разработан кодекс публичных закупок, который объединит положения Закона № 44, Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹³ и Закона № 223, а также ключевые положения нормативных правовых актов Правительства РФ, установив в общей части единые для сферы государственных и муниципальных закупок принципы и механизмы, а в специальных частях – особенности закупок в отдельных сферах.

Несмотря на наметившуюся тенденцию к унификации нормативных правовых актов, регулирующих сферу публичных закупок, следует отметить возможные негативные факторы такого процесса:

1) объединение законов в сфере публичных закупок неминуемо приведет к необходимости внесения крупных изменений в иные нормативные правовые акты, регулирующие проведение закупок в отдельных сферах, а также устанавливающие уголовную и административную ответственность;

2) в связи с тем, что на сегодняшний день полномочия по осуществлению контроля, осуществляемого в рамках Закона № 44 и Закона № 223, отведены различным структурным подразделениям (отделам) ФАС России и ее территориальных органов, возникнет вопрос о новой кадровой расстановке должностных лиц контрольных органов;

3) и, наконец, удастся ли в будущем обеспечить системное реформирование законодательства о публичных закупках, учитывая большой массив специальных норм, регламентирующих проведение закупок в отдельных сферах.

Подводя итоги настоящей статьи, хотелось бы заострить внимание на следующем.

Закон № 223 имеет существенные юридико-технические недостатки – сложные в восприятии формулировки, большое количество отсылочных и бланкетных норм. Ряд вопросов, имеющих стратегическое значение, отдан в сферу подзаконного нормативного правового регулирования, что делает обращение к нормам затруднительным.

Система закупок отдельных видов юридических лиц все больше сближается с контрактной системой закупок: наличие ведомственного

¹³ *Собр.* законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600.

контроля, императивное закрепление способов закупок, ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) – это все отработанные в контрактной системе институты, перенесенные сегодня в Закон № 223.

Дифференциация системы публичных закупок негативно сказывается на организации деятельности как заказчиков, так и участников закупок. У первых подобные проблемы возникают в случае осуществления закупок по двум законам (например, у бюджетных учреждений), им приходится ориентировать свою закупочную деятельность на два отличных друг от друга алгоритма. Участники закупок при таких обстоя-

тельствах вынуждены разбираться в двух одинаково сложных сводах правил о публичных закупках, которые направлены на реализацию одних и тех же целей.

Исходя из этого представляется целесообразным концептуально пересмотреть позицию законодателя на систематизацию норм, регламентирующих порядок осуществления публичных закупок, в контексте их унификации и объединения в рамках единого базисного нормативного правового акта. При этом крайне важным является вопрос о разработке мер, направленных на устранение возможных негативных последствий такой реформы.

Список литературы

1. Бакланова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование государственного контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд в России: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 29 с.
2. Белов В. Е. Об изменениях гражданского законодательства в условиях формирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2265–2271.
3. Беляева О. А. «Совершенствование» законодательства о размещении заказов для публичных нужд // Законодательство. 2009. № 11. С. 17–22.
4. Беляева О. А. Тенденции развития законодательства российской федерации о регламентированных закупках // Журнал российского права. 2016. № 9 (237). С. 18–27. DOI: 10.12737/21217.
5. Зикеев В. А. Применение ретроактивной оговорки в государственных (муниципальных) контрактах // Хозяйство и право. 2020. № 1 (516). С. 109–120.
6. Мараев К. Е. Административно-правовое регулирование закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 27 с.
7. Матвеева Е. Ю. Правовое регулирование энергосервисных контрактов в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 32 с.
8. Предпринимательское право Российской Федерации : учеб. / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.] ; отв. ред.: Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М., 2017. 420 с.
9. Слепенкова Л. В. Административно-правовое регулирование государственного оборонного заказа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.
10. Соловьев М. С. Государственный (муниципальный) контракт как видоизмененный и приспособленный для публичных нужд гражданско-правовой договор // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 1. С. 25–32.
11. Соломонов Е. В., Юрицин А. А. К вопросу о юридической природе плановых актов государственных и муниципальных заказчиков // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 1. С. 26–29.
12. Ступников О. А. Административная процедура размещения заказов: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
13. Фамиева К. И. Административные процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контактной системе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 21 с.
14. Яковлева И. Г. Запрос котировок и запрос предложений как способы закупок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 24 с.
15. Ярош А. В. Правовое регулирование закупок лекарственных средств для обеспечения государственных нужд : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 26 с.
16. Halchin L. E. Overview of the Federal Procurement Process and Resources. Congressional Research Service, 2012. 5 p.
17. Halchin L. E. Transforming Government Acquisition Systems: Overview and Selected Issues. Congressional Research Service, 2013. 22 p.
18. Manuel K. M. Responsibility Determinations Under the Federal Acquisition Regulation: Legal Standards and Procedures. Congressional Research Service, 2013. 16 p.
19. Manuel K. M., Halchin L. E. Environmental Considerations in Federal Procurement: An Overview of the Legal Authorities and Their Implementation. Congressional Research Service, 2013. 24 p.
20. Manuel K. M., Yeh B. T. Interagency Contracting: An Overview of Federal Procurement and Appropriations Law. Congressional Research Service, 2011. 30 p.
21. Shalev M. E., Asbjornsen S. Electronic Reverse Auction and the Public Sector: Factors of Success // Journal of Public Procurement. 2010. Vol. 10, № 3. P. 428–452.

References

1. Baklanova E. G. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo kontrakta na vypolnenie nauchno-issledovatel'skikh, opytно-konstruktor'skikh i tekhnologicheskikh rabot dlya gosudarstvennykh nuzhd v Rossii: problemy teorii i praktiki*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Civil Regulation of the State Contract for the Implementation of Research, Development and Technological Work for State Needs in Russia: Problems of Theory and Practice. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2015. 29 p.
2. Belov V. E. Ob izmeneniyakh grazhdanskogo zakonodatel'stva v usloviyakh formirovaniya kontraktnoi sistemy v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Amendments to the Civil Legislation in the Conditions of Establishing a Contractual System in the Field of Purchasing of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 10 (47), pp. 2265–2271.
3. Belyaeva O. A. «Sovershenstvovanie» zakonodatel'stva o razmeshchenii zakazov dlya publichnykh nuzhd [Improvement of the Legislation on the Placement of Orders for Public Needs]. *Zakonodatel'stvo – Legislation*, 2009, no. 11, pp. 17–22.
4. Belyaeva O. A. Tendentsii razvitiya zakonodatel'stva rossiiskoi federatsii o reglamentirovannykh zakupkakh [Trends in the Legislation of the Russian Federation in the Sphere of Regulated Procurements]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2016, no. 9 (237), pp. 18–27. DOI: 10.12737/21217.
5. Zikeev V. A. Primenenie retroaktivnoi ogovorki v gosudarstvennykh (munitsipal'nykh) kontraktakh [Application of a Retroactive Clause In State (Municipal) Contracts]. *Khozyaistvo i pravo – Business and Law*, 2020, no. 1 (516), pp. 109–120.
6. Maraev K. E. *Administrativno-pravovoe regulirovanie zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya nuzhd organov vnutrennikh del*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative Legal Regulation of the Procurement of goods, Works, Services to Meet the Needs of the Internal Affairs' Bodies. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2018. 27 p.
7. Matveeva E. Yu. *Pravovoe regulirovanie energoservisnykh kontaktov v sfere zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Legal Regulation of Energy Service Contacts in the Field of Procurement to Meet State and Municipal Needs. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2016. 32 p.
8. Afanas'eva E. G., Belitskaya A. V., Vaipan V. A. *Predprinimatel'skoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Business Law of the Russian Federation]. Moscow, 2017. 420 p.
9. Slepenskova L. V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo oboronnoho zakaza*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative Legal Regulation of the State Defense Order. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2010. 25 p.
10. Solovyev M. S. Gosudarstvennyi (munitsipal'nyi) kontrakt kak vidoizmenennyi i prispособlennyi dlya publichnykh nuzhd grazhdansko-pravovoi dogovor [A State (Municipal) Agreement as a Civil Law Agreement Modified and Adapted for Public Needs]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 1, pp. 25–32.
11. Solomonov E. V., Yuritsin A. A. K voprosu o yuridicheskoi prirode planovykh aktov gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakazchikov [On the Question of the Legal Nature of Planned Acts of State and Municipal Customers]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii – Vestnik of the Omsk Law Academy*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 26–29.
12. Stupnikov O. A. *Administrativnaya protsedura razmeshcheniya zakazov: problemy teorii i praktiki*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative Procedure for Placing Orders: Problems of Theory and Practice. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Voronezh, 2011. 24 p.
13. Famieva K. I. *Administrativnye protsedury zakupok dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd v usloviyakh perekhoda k kontaktnoi sisteme*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Administrative Procurement Procedures for State and Municipal Needs in the Transition to a Contact System. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Chelyabinsk, 2014. 21 p.
14. Yakovleva I. G. *Zapros kotirovok i zapros predlozhenii kak sposoby zakupok*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Request for Quotations and Request for Proposals as Procurement Methods. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2017. 24 p.
15. Yarosh A. V. *Pravovoe regulirovanie zakupok lekarstvennykh sredstv dlya obespecheniya gosudarstvennykh nuzhd*. Avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Legal Regulation of the Procurement of Medicines to Meet State Needs. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2018. 26 p.
16. Halchin L. E. *Overview of the Federal Procurement Process and Resources*. Congressional Research Service, 2012. 5 p.
17. Halchin L. E. *Transforming Government Acquisition Systems: Overview and Selected Issues*. Congressional Research Service, 2013. 22 p.
18. Manuel K. M. *Responsibility Determinations Under the Federal Acquisition Regulation: Legal Standards and Procedures*. Congressional Research Service, 2013. 16 p.
19. Manuel K. M., Halchin L. E. *Environmental Considerations in Federal Procurement: An Overview of the Legal Authorities and Their Implementation*. Congressional Research Service, 2013. 24 p.
20. Manuel K. M., Yeh B. T. *Interagency Contracting: An Overview of Federal Procurement and Appropriations Law*. Congressional Research Service, 2011. 30 p.
21. Shalev M. E., Asbjornsen S. Electronic Reverse Auction and the Public Sector: Factors of Success. *Journal of Public Procurement*, 2010, vol. 10, no. 3, pp. 428–452.

Дата поступления статьи | Article received date
07.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
21.02.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.3(430)

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-328-345

ГЕНЕЗИС ГЕРМАНСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛУШНИКОВ Андрей Михайлович*

✉ a.lushnikov@uniyar.ac.ru

Ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Россия

***Аннотация.** В данной статье рассмотрен комплекс проблем, связанных с формированием и начальным этапом развития германской модели социального страхования. Первоначально предложено три модели такого страхования, затем выделены основные характеристики, присущие именно рассматриваемой модели. В статье констатируется, что выдающуюся роль в теоретическом обосновании данной модели сыграл немецкий ученый Адольф Вагнер. При этом коротко рассмотрены этапы его биографии, позволяющие понять, почему именно его роль была столь значительной. Далее анализируются такие важные для формирования системы обязательного государственного социального страхования научные феномены, как закон Вагнера, обоснованные им принципы налогообложения, использование системы для перераспределения доходов и др. Специально обращено внимание на деятельность «Союза социальной политики», сыгравшего важную роль в подготовке нормативной базы будущих социальных преобразований. Обосновывается вывод о том, что формирование немецкой модели социального страхования явилось результатом длительной эволюции социальных отношений от добровольного страхования на средства самих рабочих к факультативному, затем факультативно-обязательному и, наконец, обязательному социальному страхованию на основе относительного консенсуса ведущих общественных сил: политической власти, работников и части работодателей.*

***Ключевые слова:** германская модель социального страхования, А. Вагнер, «Союз социальной политики», страховые риски, социальные риски.*

The Genesis of the German Social Insurance Model: History and Present

Lushnikov Andrei M.**

✉ a.lushnikov@uniyar.ac.ru

14 Sovetskaya st., Yaroslavl, 150003, Russia

***Abstract.** This article examines a complex of problems associated with the formation and the initial stage of development of the German model of social insurance. Initially, three models of such insurance have been proposed, then the main characteristics of the considered model have been highlighted. The article states that the German scientist Adolf Wagner played an outstanding role in the theoretical substantiation of this model.*

* Заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор.

** Head of the Department of Labor and Financial Law at P. G. Demidov Yaroslavl State University, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor.

At the same time, the stages of his biography are briefly considered, allowing us to understand why exactly his role was so significant. Further, such important scientific phenomena for the formation of the system of compulsory state social insurance as Wagner's law, the principles of taxation substantiated by him, its use for redistribution of income, etc., are analyzed. Special attention is paid to the activities of the Union of Social Policy, which played an important role in the preparation of regulatory bases of future social transformations. The conclusion is substantiated that the formation of the German model of social insurance was the result of a long evolution of social relations from voluntary insurance at the expense of the workers themselves to optional, then optional-mandatory and, finally, mandatory social insurance based on the relative consensus of the leading social forces: political power, workers and some of the employers.

Keywords: German model of social insurance, A. Wagner, "Union of social policy", insurance risks, social risks.

Система социального страхования во всем мире в настоящее время находится, как минимум, в напряженном состоянии. Многие исследователи не первый год говорят о ее кризисе, причем даже в наиболее экономически развитых странах. Причины этого очевидны и неоднократно обсуждаемы: общее старение населения, уменьшение рождаемости и, как зеркальное отражение, уменьшение числа лиц трудоспособного возраста, почти перманентный с 2008 г. экономический кризис и стабильное с рубежа XX–XXI вв. уменьшение реальной заработной платы даже в экономически развитых странах. Если к началу 90-х гг. заработная плата в структуре экономических затрат на Западе была в среднем более 65 %, то в настоящее время она составляет около 55 % с тенденцией к дальнейшему понижению, причем в России эта доля существенно меньше. Кроме того, до 20 % в структуре затрат домохозяйств составляют кредиты, которые не облагаются социальными платежами. Последнее позволяло до недавнего времени поддерживать относительно высокий уровень социальных стандартов «золотого миллиарда» (населения экономически развитых стран Запада), однако социальная нагрузка на бюджет становилась все более непосильной. К этому стоит добавить, что повсеместно примерно 20–30 % работников получают «серую» зарплату (нелегальная и полуполюгальная трудовая занятость), которая полностью или частично не облагается страховыми платежами, а значительная часть населения (в России – около 20 %) получает зарплату, не покрывающую даже прожиточного минимума. Не лучшим образом в дальнейшем могут проявить себя и процессы роботизации и информатизации, в перспективе не расширяющие горизонты занятости.

Все это актуализирует изучение соответствия системы социального страхования запросам времени с учетом исторического опыта. По словам И. Гете, исторические хроники пишет тот, кому важно настоящее. В соответствии с этим стоит сфокусироваться на наиболее эффективной до настоящего времени германской модели социального страхования, часто именуемой «моделью Бисмарка». К ее формированию был непосредственно причастен А. Вагнер.

Напомним, что исторически сложилось три модели социального страхования [21, с. 107–192; 29, с. 90–103]:

1. Модель Бисмарка, или германская модель, которой традиционно придерживается Германия, а также Австрия, Бельгия, Люксембург, Италия, Испания и др. Ее название связано с именем первого германского канцлера О. фон Бисмарка (1815–1898), который был одним из ее инициаторов и обеспечивал политическое сопровождение ее внедрения. Она сложилась в 80–90-е гг. XIX в., хотя ее истоки можно искать и в первой половине того же века. Для данной модели характерно максимальное сохранение для застрахованного работника при наступлении страхового случая достигнутого уровня и качества жизни, а также социального статуса. Это связано с обязательным социальным страхованием, при котором доля замещения заработной платы составляет 60–70 % утраченного заработка. Естественно, так было далеко не всегда и коэффициент замещения постепенно повышался, начиная в отдельных случаях с весьма скромных 20 %. При этом страховая нагрузка делится на паритетных началах между работниками и работодателями, а размер пенсий и пособий зависит от размера заработной платы, величины страховых платежей и продолжительности страхового стажа. Роль

государства при этом достаточно велика, начиная с создания разветвленной правовой базы, частичных взносов (приплат) в страховые фонды и до администрирования социальных платежей. В этой модели социальные платежи имеют налоговый характер со всеми вытекающими последствиями. Уточним, что это касается именно порядка их взимания и администрирования, что не ставит под сомнение их страховой характер.

Эту модель в некоторых случаях определяют как патерналистскую или либерально-солидаристскую. Мы не будем рассматривать адекватность данной терминологии, отметив, что ее характеристики позволяют применить оба термина. Важно и то, что она стала образцом для первых актов российского социально-страхового законодательства, что неоднократно отмечалось отечественными историками [20; 36].

2. Модель Бевериджа или английская модель, которой до сего времени придерживаются Великобритания, Нидерланды, Швейцария, Франция, Япония и др. Связана с именем британского экономиста и государственного деятеля У. Бевериджа (1879–1963) [1] и сформировалась в основном после завершения Второй мировой войны, хотя ее предпосылки складывались с начала XX в., а в отдельных сегментах и ранее. Она сочетает в себе обеспечиваемый государством минимальный уровень социальной защиты с дополнительным обязательно-факультативным профессиональным и дополнительным добровольным личным страхованием работников. Следовательно, в этом случае можно говорить о двух-трехуровневой системе социального страхования. При этом по линии гарантированных государством пенсий и пособий, равных для всех, происходит замещение около 10–20 % заработной платы (уровень прожиточного минимума). Следовательно, речь идет о совмещении налоговых по своей природе платежей с иными, чаще всего негосударственными социальными выплатами факультативного и добровольного характера.

Модель Бевериджа предполагает, по сути, государственное перераспределение доходов, полученных за счет налогов и других законно установленных сборов, от более богатых к более бедным слоям населения в целях выравнивания доходов застрахованных лиц. Налоговая политика при этом сочетается с проведением целевых государственных социальных программ для обеспечения каждому прожиточного минимума. Следовательно, государственная социаль-

ная политика охватывает в той или иной степени все общество и имеет целью борьбу с бедностью, создание социального государства. Такую модель иногда определяют как консервативно-корпоративистскую.

При всем очевидном различии, у модели Бисмарка и модели Бевериджа есть одно очевидное сходство – они направлены на решение социального вопроса, достижение большей степени общественной справедливости через взаимодействие всех заинтересованных общественных групп и при активной роли государства.

3. Советская модель, характерная для СССР, в настоящее время в значительной степени характерна для Австралии, Дании, Новой Зеландии и др. Иногда ее ассоциируют с именем советского врача и государственного деятеля Н. А. Семашко (1874–1949), однако его система связана больше с моделью здравоохранения. В соответствии с советской моделью существует государственное социальное обеспечение, при котором страхование осуществляется исключительно за счет средств работодателей и государства, а страховые выплаты обеспечивают достаточно высокий социальный стандарт. Иногда эту модель называют страхованием без взносов, а сам страховой ее характер в некоторой мере условен. Не случайно в теоретико-правовом аспекте вся советская система социального обеспечения представляла собой проблему правового регулирования общественных фондов распределения [5, с. 116–176]. Современная российская система отходит от этой модели в сторону германской, однако пока получается достаточно затейливый гибрид как следствие непоследовательности законодателей и правоприменителей.

Стоит отметить, что с начала 90-х гг. и по настоящее время между этими моделями происходит довольно активная конвергенция, сближение. Так, в государствах с германской моделью (с внедрением минимальных социальных пенсий) широкое развитие получили внутрифирменные и личные добровольные системы страхования. Модель Бевериджа дополнена во многих странах страховыми системами, в рамках которых размер выплат зависит от заработка застрахованного. Советская модель в России, как уже указывалось, до сих пор переживает период трансформации, а в Австралии и Новой Зеландии получили распространение и добровольные системы страхования (в масштабах предприятий

и личные). Условность модельного деления подтверждает и то, что в США сложился гибридный тип социального страхования, совмещающий в себе черты германской и английской систем страхования с весьма своеобразной системой частной медицины, направленной на получение прибыли, и 27 млн граждан, не имеющих медицинской страховки. Сохраняются и существенные особенности по отдельным государствам, в том числе в зависимости от уровня экономического развития, особенно в части пенсионных систем [6].

При всем разнообразии подходов, наличии слабых мест и некоторой условности предложенной классификации до сих пор наиболее приемлемой признается модель Бисмарка, с учетом ее значительной эволюции [35, с. 274–280]. Мы далеки от мысли, что опыт прошлого можно автоматически распространить на настоящее, а тем более на предвидение будущего. Однако, выражаясь в духе русского историка В. О. Ключевского (1841–1911), стоит заключить: история – не добрая наставница, а жесткая надзирательница. Она ничему не учит, но строго наказывает за невыученные уроки. Не хотелось бы, чтобы история наказала нас еще раз.

Начнем мы с небольшой исторической справки об А. Вагнере, который был основным разработчиком и одним из идеологов немецкого социально-страхового законодательства. Это тем более важно, что его биография достаточно тесно связана с Россией. При этом в нашей стране как в советский период, так и в настоящее время это по большей части почти забытый персонаж. Публикаций о нем, в том числе переводных, немного, да и касаются они в основном частных вопросов либо носят справочный характер [4; 9, с. 223; 16, с. 268; 41, с. 1122; 42, с. 206]. Вклад А. Вагнера в создание системы социального страхования отмечается также редко, причем преимущественно экономистами [19, с. 233–235; 30, с. 81–84; 34, с. 29–32].

Между тем в досоветский период А. Вагнер был одним из наиболее известных и цитируемых в России экономистов, статистиков и финансистов, работы которого неоднократно переводились на русский язык [11, с. 1–169; 12; 14]. Этот немецкий ученый упоминался и цитируется практически во всех трудах по финансовому праву, финансовой науке, статистике, не говоря уже про исследования по социальному страхованию. Наиболее известную монографию, посвя-

щенную ему и другим теоретикам государственного социализма, подготовил российский юрист и финансист, впоследствии министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий (1876–1943) [7]. Немецкий ученый был автором специального исследования «Русские бумажные деньги», в котором он предложил свой проект по восстановлению металлического денежного обращения в России. Этот труд был переведен на русский язык и сопровождался в целом комплементарными комментариями видного отечественного ученого, в дальнейшем министра финансов Российской империи Н. Х. Бунге (1823–1895) [13], который подчеркнул его историко-статистический характер и обоснованность практических рекомендаций, хотя и упомянул излишнюю категоричность автора.

В целом русская экономическая и финансовая, а отчасти и правовая литература с 70-х гг. XIX в. находилась под беспрекословным идейным руководством А. Вагнера. По мнению отечественного ученого А. И. Буковецкого (1881–1972), от Н. Х. Бунге до М. И. Фридмана (товарища (заместителя) министра финансов Временного правительства) все русские финансисты были в той или другой степени учениками А. Вагнера [10, с. 162]. Напротив, в советский период А. Вагнера клеймили как буржуазного финансиста, «проповедь которого велась с университетских кафедр одновременно с апологией прусского монархизма» [38, с. 22], определяли в качестве «буржуазного соглашателя» с публикацией соответствующей полемики с К. Марксом [23].

Между тем своеобразным девизом к научно-му наследию А. Вагнера могут служить его же слова: «Исключительная специализация делает людей плоскими и односторонними» [12, с. 35]. Разносторонность и универсализм немецкого ученого просто поражают. Он является классиком науки статистики и финансовой науки (науки на стыке права и экономики о финансах), видным экономистом и камералистом (камералистика – наука об управлении государственным хозяйством). А. Вагнер имел весьма обширные познания в области права и социологии, а также истории. Кроме того, он был крупным государственным и общественным деятелем, одним из идеологов катедер-социализма и государственного социализма, являлся одним из пионеров социального подхода к экономике и праву, когда право, прежде всего налоговое, а также налогообложение и расходование бюджета

определяется в качестве инструмента социальной политики. Не отрицая самостоятельного и важного значения права вообще, и финансового в особенности, он встроил его в систему социальных отношений, придав ему качество важнейшего рычага реформирования сложившихся общественных отношений и государственной политики и прежде всего через финансовое и социально-страховое законодательство.

Во многом это связано с биографией и этапами жизненного пути Адольфа Вагнера (25 марта 1835 – 8 ноября 1917). Родился он в семье профессора физиологии и сравнительной анатомии (в литературе его ошибочно именуют профессором филологии) Рудольфа Вагнера (1805–1864). В связи с этим А. Вагнера можно назвать типичным «продуктом немецкой университетской среды», выросшим в университетских городках, тем более, что и его родной брат Герман Вагнер (1840–1929) стал видным географом и картографом, и также университетским профессором. Высшее образование камерального профиля А. Вагнер получил в Геттингенском университете, в котором обучался в 1853–1856 гг., затем некоторое время слушал лекции в старейшем Гейдельбергском университете (где испытал влияние крупнейшего немецкого финансиста того периода К. Рау (1792–1870)). Учителем А. Вагнера в сфере экономической науки стал К. Родбертус-Ягецов (1805–1875), один из основоположников «государственного социализма», крупнейший знаток экономики и права Древнего Мира. С личностью его учителя может быть связан и интерес к рабочему вопросу, так как К. Родбертус-Ягецов стал автором новаторского во всех отношениях исследования «Требования рабочих классов» (1837 г.). Очень многим он был обязан и австрийскому экономисту А. Шеффле (1831–1903), а среди профессоров-правоведов наибольшее влияние на него оказал Р. фон Иеринг (1818–1892), основатель «юриспруденции понятий», а затем и «юриспруденции интересов». К тому же со времен профессорства К. Гаусса (1777–1855) в Геттингенском университете была сильная школа математики и статистики, влияние которой на себе в полном объеме испытал и А. Вагнер. В итоге о нем можно говорить, как о высококлассном специалисте в области государственного управления, экономисте с хорошей правовой подготовкой и фундаментально образованном специалисте в области статистики. Результатом его обучения стала защита доктор-

ской диссертации (некоторой аналог современной кандидатской диссертации) по философии в 1857 г. в Геттингенском университете.

Он начал профессорскую карьеру в 23 года на кафедре политической экономии и финансовой науки в Коммерческой академии Вены, где преподавал с 1858 по 1863 гг. Покинул он ее из-за научных разногласий по поводу кредитно-финансовой политики с еще одним видным камералистом и финансистом Л. Штейном (1815–1890). С 1863 по 1865 гг. А. Вагнер преподавал политэкономии и финансовую науку в Гамбурге, а с 1865 по ноябрь 1868 гг. был ординарным профессором кафедры этнографии, географии и статистики, входившей в состав историко-филологического факультета Дерптского (с 1893 г. – Юрьевского) университета (русский Юрьев, немецкий Дерпт, ныне Тарту, Эстония). Это был российский университет (создан шведами в 1632 г., восстановлен как российский императорский в 1802 г.), хотя преподавание там велось преимущественно на немецком языке, да и профессорский состав составляли в значительной части немецкие ученые.

Спектр научных интересов А. Вагнера и перечень преподаваемых дисциплин в Дерпте был обширен: общее землевладение (политическая география), административная статистика, политическая экономия, специальная народная политика (в современных терминах – социальная политика), торговля и ремесленная политика, кредит и кредитные учреждения, общая история налогов и госдолгов, кредитные билеты и восстановление металлической валюты, в особенности в отношении Австрии и России [8, с. 592–593]. Именно в Дерпте немецкий ученый становится стойким последователем политики О. Бисмарка, объединителя и первого канцлера единой Германии. Однако симпатию к нему А. Вагнер испытывал и ранее, возможно, в силу того, что будущий канцлер в свое время учился на юридическом факультете Геттингенского университета. Представляется, что и скорый переход в германские университеты был связан с желанием ученого быть ближе к центру германской общественной жизни.

После кратковременного профессорства на кафедре государственных и камеральных наук Фрайбургского университета (1868–1870) Вагнер занимает кафедру государственных наук в Берлинском университете, в то время уже признанном центре германской и мировой науки.

Именно в Берлине он окончательно приобрел мировую известность, был признан одним из наиболее значимых экономистов и финансистов своего времени не только Германии, но и Европы. В области финансов и кредитно-денежной политики он стал высшим в Германии авторитетом, а на его предложение и проекты ориентировалась политика национальной банковской и налоговой системы до начала Первой мировой войны. Берлинский период его научного творчества и педагогической деятельности стал наиболее плодотворным во всех отношениях. В столичном университете он обучал десятки будущих ведущих немецких экономистов, социологов и юристов. Возможно, самым известным из них стал В. Зомбарт (1863–1941), а среди прочих стоит отметить юриста Г. Пеша (1854–1926), одного из первых германских сторонников солидаризма. На 70–80-е гг. XIX в. приходится и наиболее тесное сотрудничество ученого с О. Бисмарком, которые были во многом единомышленниками во взгляде на социальный вопрос. Высоких официальных государственных должностей А. Вагнер при этом не занимал, кроме членства в прусской палате депутатов в 1882–1885 гг. Длительный период он был советником канцлера и, если использовать современную терминологию, входил в его «мозговой трест». При этом не стоит и преувеличивать влияние А. Вагнера на О. Бисмарка и его политику. Канцлер прибегал к его услугам и таланту, когда считал это нужным, однако их сотрудничество оказалось плодотворным во всех отношениях.

А. Вагнер, будучи родоначальником социально-правовой школы в экономике, сторонником социально-политических подходов к правовой и экономической науке, финансовые институты рассматривал через призму влияния общественных отношений, т. е. социальных групп. При этом любые его исследования основаны на анализе действующего законодательства, а многие завершаются рекомендациями по его изменению. Как уже указывалось, в налогах он видел орудие социальных реформ, а социальному страхованию при этом отводил особое место.

В целом перу немецкого профессора принадлежит более 100 книг и крупных журнальных статей в самых различных научных жанрах (финансовая наука, политэкономия, статистика, социальная политика и др.). Более 10 из них были переведены на русский язык, некоторые на английский и французский. Стоит упомянуть и на-

учный стиль германского ученого, который был несколько своеобразен, сух, порой страдал вычурностью, что, однако, характерно для многих немецких профессоров того периода. В связи с этим мы будем опираться именно на переводы его работ российскими современниками А. Вагнера и в их интерпретации.

При несомненных выдающихся научных качествах А. Вагнер не был так богато наделен положительными качествами человеческими. Он имел тяжелый характер, что, впрочем, для профессуры, особенно немецкой, не было редкостью. Даже со своими ближайшими коллегами и друзьями он имел проблемы в общении. Судя по воспоминаниям современников, человеком он был замкнутым, любившим одиночество, при этом жестким и суровым, причем как к себе, так и к другим. Его отличали упорность и даже упрямство в отстаивании своей точки зрения, нежелание идти на компромиссы в вопросах науки и преподавания. Одновременно он был ранимым, обидчивым, мог вспылить из-за пустяка и не выбирал при этом дипломатических выражений. Некоторые его высказывания отдавали антисемитизмом (особенно при критике капитализма), грешили резкостью и переходом на личности. Умер ученый в весьма почтенном возрасте 8 ноября 1917 г. в Берлине, а почти через год Германская империя, для социального мира в которой он так много сделал, признала поражение в Первой мировой войне.

А. Вагнера традиционно относят к представителям «Новой исторической школы», связанной прежде всего с именами Г. Шмоллера (1838–1917), А. Шеффле, Г. Кнаппа (1842–1926), Л. Brentано (1844–1931). Для этой школы программным можно считать утверждение Г. Шмоллера о том, что «покоящееся на нравственных убеждениях право с течением культурного развития оказывало все возрастающее влияние на распределение доходов, и теперь важнейшими факторами распределения дохода являются обычаи всякого рода, нравственные и юридические идеи» [40, с. 132–133]. При этом, помимо частного интереса, важнейшая роль отводилась государственному принуждению и отношениям межчеловеческого солидарного взаимодействия (карикативным отношениям). Российские последователи этой школы были весьма многочисленны (Н. Х. Бунге, И. М. Кулишер (1878–1933), М. М. Алексеенко (1847–1917), И. И. Янжул (1846–1914) и др.) [22, с. 417–827]. Именно

обоснование более активной роли государства в экономике привело к их определению как сторонников государственного социализма.

Социализм А. Вагнера был не только государственным, но и христианским. Так, в своих научных работах он неоднократно писал об «обязанностях человечности и христианства» в отношении неимущих классов, о том, что предприниматели должны быть еще и христианами и др. Его идейную ориентацию закрепило его вступление в 1881 г. в члены христианско-социальной партии. Еще раз уточним, что в данном случае социализм был связан не с обобществлением и ликвидацией частной собственности, а с государственным вмешательством в регулирование экономических отношений при сохранении рыночной экономики и плюрализме форм собственности, т. е. при сочетании частной и государственной собственности. А. Вагнер праву собственности вообще уделял особое внимание, подчеркивая ее системообразующую роль в организации хозяйственной жизни.

Прежде чем перейти к генезису германской модели социального страхования, остановимся на двух концептуальных проблемах, которые позволят нам лучше понять представления А. Вагнера о решении социального вопроса. Речь идет о «законе Вагнера» и о «принципах налогообложения Вагнера». Как уже говорилось, краеугольным камнем его теоретических воззрений было положение о возрастании значения государства и активизации его роли в регулировании социальной сферы. Исходя из этого, в 1892 г. он сформулировал закон о постоянном возрастании государственных расходов и увеличении полномочий государственных органов, который впоследствии стал именоваться «законом Вагнера». Он стал первым экономистом, который выявил наличие положительной зависимости между уровнем экономического развития и размером публичного сектора экономики в индустриальных рыночных экономиках.

В теории А. Вагнера можно выделить следующие принципы формирования финансовой политики государства, имеющие прямое отношение к социальному страхованию.

1. Нельзя отвлеченно, раз и навсегда, определить, что должно и чего не должно исполнять государство. Его цели и функции эволюционируют под влиянием большого числа социальных факторов. Оно не может ограничиться функциями «ночного сторожа», только защиты прав

(Rechtsschutzzweck), а равно только защитой принципа “laissez faire” (ничем не ограниченной свободы предпринимательства).

2. Производственная область в широком смысле должна быть гармонично поделена между частными, общественными и государственными хозяйствами. При этом собственную деятельность правительство должно располагать по конкретным отношениям и потребностям. Следовательно, государство должно вмешиваться в решение только тех хозяйственных вопросов, которые без него не могут быть решены.

3. Столь часто восхваляемый в финансовом отношении принцип «бережливости» может иметь лишь относительное значение. Необходимо, в современных терминах, поддерживать и платежеспособный спрос через перераспределение и увеличение благосостояния неимущих классов, прежде всего рабочих (рост зарплат, социальное страхование и др.). В этой части принципиальное постоянство доходов государства не может быть однозначно допущено. С этим связан общий принцип деятельности государства – социально-политический, общественный, в том числе формирование бюджета в соответствии с потребностями всего общества. Однако это не исключает в некоторых случаях пользования со стороны государственной власти и частно-хозяйственным коммерческим началом. В итоге экономические функции государства, его вмешательство в экономику определяются местом и временем [7, с. 209, 257–264].

Таким образом, А. Вагнер установил, что по мере развития экономики и социальной сферы функции правительства расширяются. По его мнению, комплексные сравнения разных стран и разных времен показывают, что среди прогрессивных народов (обществ) происходит регулярное увеличение активности как центрального правительства, так и местных органов власти. Они постоянно приобретают новые функции, при этом сохраняя и старые. Этому способствует как социальный запрос населения на большую справедливость, так и экономические потребности людей, которые следует удовлетворять все в большей степени. В соответствии с законом Вагнера капитализм со свободной рыночной экономикой эволюционирует в направлении государственного социализма, что предполагает значительно более активное участие государства в экономической жизни, с учетом того, что население голосует за все возрастающий уровень

социальных услуг. Увеличение государственных расходов при этом обуславливается: 1) *его социальной деятельностью* (включая организацию обязательного государственного социального страхования). Население по мере развития экономики требует от государства, в том числе через выборные органы, выполнения и социальных функций; 2) *административными и защитными функциями государства* (формирование налоговой системы и взимание налогов, формирование и расходование бюджета, содержание армии и правоохранителей, судебной системы и др.; 3) *функцией благосостояния*, связанной с заботой об общественных интересах (прямая социальная помощь, финансирование науки, образования, культуры, здравоохранения, жилищного строительства и др.).

Отметим, что современные ученые, придерживающиеся неоклассических позиций, настороженно относятся к закону Вагнера, отмечая его противоречивость и, по их мнению, отсутствие в работах А. Вагнера доказательств [2, с. 645–646]. Из более позднего обзора зарубежных и отечественных исследований многими учеными делается весьма очевидный вывод о соответствии закона Вагнера экономической и правовой действительности, хотя и с некоторыми отклонениями по странам и периодам. Закон Вагнера обычно проверяется расчетом доли государственных расходов валового внутреннего продукта (ВВП). В целом этот показатель возрастал в экономически развитых странах, хоть и прерывисто, с 1830-х гг. Так, действие закона Вагнера подтверждается данными США за 100 лет (с 1890 г. по 1990 г.). За этот период удельный вес государственных расходов в ВВП возрос с 6 до 33 %, причем аналогичный процесс шел и в западноевропейских странах, в которых только с середины XX в. до 1980 г. эта доля выросла с 7–15 % до 20–42 % [4, с. 47–70; 17, с. 545; 33, с. 33–42]. При этом даже в США на 1984 г. (расцвет эпохи рейгономики) 26,9 % чистой суммы государственных поступлений тратилось на социальное страхование [39, с. 69]. В любом случае закон Вагнера стал составной частью современных учений о государственном секторе экономики и государственных финансах [3; 24].

Не менее важен вклад А. Вагнера в формирование руководящих принципов налоговой политики, которые имеют прямое отношение к проблемам социального страхования. Он выделяет 9 таких принципов, которые разделит на 4 группы.

1. Финансовые принципы (достаточность налогообложения (т. е. соответствие получаемым доходам и бюджетным ориентирам); эластичность (гибкость) налогообложения).

2. Экономические принципы (соответствующий выбор источника налогообложения; правильная комбинация налогов в такую систему, которая учитывает влияние налогов на положение плательщика, а также переложение налогов).

3. Этические принципы (или принципы справедливости) (всеобщность (универсальность) налогообложения; его равномерность (в том числе прогрессивность и освобождение минимальных доходов)). Отметим, что третье место этических принципов не должно смущать, так как слово «справедливость» было в числе наиболее употребляемых Вагнером. Она пронизывала все другие принципы, включая выработку бюджетных ориентиров, соответствующих представлению общества о справедливости.

4. Административно-технические принципы (принципы податной техники) (определенность налогообложения; удобство оплаты; низкие затраты взимания налогов).

Они практически в полном объеме были восприняты российскими финансистами, да и в целом поддержаны наукой и правоприменительной практикой того периода. Так, российский ученый В. Г. Яроцкий (1855–1917) соглашается с А. Вагнером в том, что налоги – суть принудительные взносы частных хозяйств, отчасти идут на покрытие общих (государственных) расходов, отчасти являются средством изменения распределения народного дохода. Вслед за А. Вагнером русский ученый выделил 4 вышеназванные группы руководящих принципов налоговой политики [44, с. 169, 173].

Отметим, что А. Вагнер одним из первых сформулировал, помимо исключительно финансовой, непосредственной цели налогообложения, еще одну цель, принадлежащую к области социальной политики. По его мнению, налогообложение могло стать регулирующим фактором в распределении национального дохода и благосостояния, в целом изменяя распределение, сложившееся на основе частной конкуренции. А. Вагнер утверждал, что регулирующая роль налогов может быть расширена до вмешательства в использование индивидуальных доходов и благ. Его концепция налогообложения, таким образом, является концепцией предельно широко понимаемого социального обеспечения,

ядром которого выступает социальное страхование. Уточним, что в данном случае социальное обеспечение трактуется достаточно оригинально и включает все случаи государственной поддержки общества и граждан (подданных), т. е. не только социальное страхование и социальное обслуживание, но и трудовое законодательство, государственные закупки для общественных нужд, финансирование образования, медицины и др. По существу, оно представляло важное средство решения социального или рабочего вопроса.

Соответственно, можно рассматривать социальное обеспечение в качестве одной из целей налогообложения. Вопрос только в том, когда, как, в какой степени и при каких условиях такая цель может быть оправдана или истребована. Это вопрос, по мнению А. Вагнера, не теоретического обсуждения, это вопрос реальных фискальной и налоговой политики, а также конкретной экономической и социальной политики (как результата «борьбы за право» по Р. фон Иерингу). Вследствие этого неверно сводить суть налогообложения только к покрытию государственных расходов. История налогообложения свидетельствует о том, утверждал А. Вагнер, что определенные налоги, в частности, протекционистские тарифы, были введены вне связи с финансовыми нуждами. Доход от таких налогов не требуется и прямо не используется для покрытия бюджетных потребностей. В связи с этим социально-обеспечительные платежи как раз и призваны, говоря современным языком, сглаживать провалы рынка, а не покрывать конкретные нужды государства.

Вернемся к проблеме социального страхования. Общеизвестно, что именно Адольф Вагнер разработал основные положения концепции социального страхования, положенной в основу социально-страховых законов, принятых в Германии в 1882–1890 гг. Еще ранее он обосновал необходимость законодательного установления имущественной ответственности работодателей за вред, причиненный жизни и здоровью рабочих, о чем будет сказано отдельно.

Стоит остановиться еще на ряде вопросов, поднятых германским ученым. Если следовать за его теоретическими выкладками, то получается, что от профессиональных рисков, по сути, страхуются не работники, а работодатели. В данном случае именно они несут риск выплаты возмещения вреда, причиненного работнику,

при наступлении страхового случая, возможно, без их вины. Если такие случаи в большом количестве имеют место одновременно, то это грозит работодателю существенным ущербом, вплоть до банкротства. Очевидно, что и работник заинтересован в таком страховании, ибо он является выгодоприобретателем, а недостаточность средств на счетах работодателя может причитающиеся выплаты сократить или вообще лишить работника этих выплат. Его риск опосредованно страхуется через риск работодателя (некая модель сострахования рисков). Страхователем же является именно работодатель и страховой взнос уплачивает исключительно он (либо впоследствии – частично работники и государство). При наступлении страхового случая выплаты пострадавшему работнику осуществляются из страхового фонда. Это в чистом виде коллективная ответственность за индивидуальный риск. На эту путаницу в терминологии указывалось неоднократно уже более ста лет тому назад [26, с. 37], но германский закон 1884 г. о страховании несчастных случаев на производстве в качестве застрахованного указал работника, и это положение сохраняется до сих пор. Нам это представляется правильным, ибо связано с главной целью подобных законов – защитой имущественных интересов работников как экономически более слабой стороны.

Кроме того, исходя из широкой трактовки А. Вагнером социального страхования, «несчастный случай на производстве» является собирательным понятием и, строго говоря, не относится к отдельной категории социального риска. На это правомерно указывалось как в дореволюционной, так и в современной литературе [15, с. 161–162; 18, с. 5]. В результате такого несчастного случая наступают последствия, возникающие при реализации иных социальных рисков: болезнь, смерть, инвалидность и др. В связи с этим страхование понимается как реакция государства при наступлении страхового случая, которая связана с правовой регламентацией и возможным финансированием (напрямую или из страховых фондов). Но правомерность выделения несчастного случая на производстве обоснована не особой его правовой природой или последствиями наступления, а генетической причинно-следственной связью с самой работой по трудовому договору. Генерализирующим последствием в этой части считается потеря трудоспособным лицом

заработка в процессе трудовой деятельности и по причинам, с ней связанным.

Этого, конечно, нельзя сказать о старости, беременности и родах и др. При этом даже такой страховой случай, как болезнь, может быть вызван различными причинами, включая не связанные с работой. Это, например, эпидемии, несоблюдение личной гигиены, наследственность, вредные привычки и др. Совсем другое дело, когда болезнь вызвана производственными факторами и может быть отнесена к категории профессиональных заболеваний. К тому же исторически именно несчастные случаи на производстве в их собирательном значении подлежали сначала добровольному, затем факультативно-обязательному и, наконец, обязательному страхованию. В этой части можно говорить о зачатках теоретического разграничения социального страхования и социальной помощи.

Однако даже глубокой теоретической проработки данной социальной проблематики недостаточно для проведения любой масштабной социальной реформы. Для этого необходима группа экспертов-единомышленников, которая подготовила бы относительно целостную и не противоречивую концепцию преобразований. Такую функцию взял на себя «Союз социальной политики», образованный в 1872 г. по инициативе и при активном участии, среди прочих, Г. Ф. Шмоллера и А. Вагнера. Этот Союз ставил задачей разработку законодательных мер по улучшению положения рабочих, а у истоков его идеологии стояли два связанных с А. Вагнером профессора: его учитель К. Родбертус-Ягетцов и оппонент по финансово-кредитной политике Л. Штейн.

13 июля 1872 г. в Галле узкая группа профессоров по инициативе А. Вагнера провела совещание и приняла решение в том же году провести учредительный конгресс. В этот узкий круг входили не только экономисты, но и юристы, в том числе выдающийся цивилист Г. Дербург (1829–1907). Наконец, 6 октября 1872 г. в Эйзенахе состоялось первое заседание конгресса Союза, причем первым его председателем (с 1872 по 1874 гг.) стал юрист и государственный деятель Р. Гнейст (1816–1895). Союз, объединивший около 200 человек, сразу смог наладить относительно плодотворное сотрудничество как с профсоюзами, так и с властными структурами, причем на его заседаниях нередко присутствовали представители правительства,

в том числе секретарь и помощник О. Бисмарка юрист К. фон Тидеманн (1836–1907).

Многие участники Союза разделяли идеи государственного социализма и выступали за классовое сотрудничество и расширение государственного вмешательства в экономику. В Германии государственный социализм стал частью «катедер-социализма», т. е. социализма кафедры, причем первоначально оно было отражением ироничного отношения к нему. Катедер-социалисты были более разнородны, к ним относились ученые в диапазоне от умеренных либералов-государственников до сторонников государственного социализма (среди последних наиболее известны А. Вагнер, а также его учителя К. Родбертус-Ягетцов и А. Шеффле). Да и условность этого термина очевидна, но он «прижился» и означает некий аналог германской версии широко понимаемого социализма, которой придерживалась значительная часть германской доцентуры и профессуры во второй половине XIX в. – начале XX в. При господстве национал-социалистов в 1936 г. Союз был распущен, в 1948 г. воссоздан, а с 1956 г. действует как Общество экономических и социальных наук (сейчас объединяет около 3 200 участников).

Естественно, что целей, поставленных Союзом, А. Вагнер предлагал добиться через реформу системы налогообложения, через усиление хозяйственной активности государства. Классовое сотрудничество и расширение государственного вмешательства в экономику он считал социалистическими мероприятиями. Однако его идеалом была средняя позиция между индивидуализмом и социализмом. «Если в экономическом индивидуализме страдает несомненно равенство, то в социализме – свобода... Государственный социализм отбрасывает только безграничный индивидуализм, не умеряемый социальными соображениями» [7, с. 256]. При этом политическая реформа в планы А. Вагнера не входила, в связи с чем его нередко именовали консервативным реформатором.

Ученый также настаивал на имущественной ответственности предпринимателей за вред, причиненный жизни и здоровью рабочих. Уточним, что А. Вагнер в 1877 г. формально вышел из Союза как из-за некоторых идейных разногласий, так и из-за своего характера. Именно он был готов идти дальше всего относительно глубины государственного вмешательства в экономику и считал это подлинным катедер-социализмом,

занимающим среднюю линию между экономическим индивидуализмом и социализмом.

Еще в своей речи, произнесенной 12 октября 1871 г. в Берлине, он наметил программные положения, имевшие принципиальное значение для последующих социальных реформ. Это была своеобразная квинтэссенция социальных воззрений берлинского профессора, которые он положил в основу своей концепции социального страхования. Отправной точкой для него послужило признание необходимости вмешательства государства в «социальную распря» в целях ограничения «хозяйственного эгоизма» работодателей, констатация во многом правоты социалистов в критике современного хозяйственного строя. В частности, это касалось роста имущественного неравенства и классовых противоречий. Отсюда выводились следующие ключевые положения.

1. Необходимо внесение «этического момента» в сферу хозяйственных отношений, прежде всего в сферу отношений работодателей и работников (работополучателей). Для Вагнера это была область отношений «человека к человеку», т. е. область правоотношений. Идею о купле-продаже наемного труда он назвал не только «антиэкономической», но и бесчеловечной [14, с. 9–10].

2. Необходимо государственное вмешательство в отношения труда и капитала в целях опосредованного выравнивания их возможностей. Экономическое превосходство капиталистов должно компенсироваться свободой рабочих коалиций, стачек, международных ассоциаций рабочих, деятельностью третейских судов и палат посредников. Конечной целью законодательного решения рабочего вопроса должен был стать «социальный мир» [14, с. 21–25].

3. Требуется проведение широких социальных реформ, имеющих задачей обеспечить мирную социальную эволюцию. К необходимым мерам по решению социального вопроса Вагнер причислял следующие:

а) увеличение размера заработной платы, что является условием более обеспеченного и более здорового образа жизни, а вместе с тем условием поднятия образования и нравственности. Немаловажно и то, что это в перспективе позволит часть заработной платы отчислять в фонды социального страхования, что при зарплате на уровне прожиточного минимума невозможно. Для экономики это будет означать и повышение платежеспособного спроса;

б) обеспечение рабочих на случай болезни, старческой нетрудоспособности, а равно призрение сирот и вдов. Самым трудным в деле страхования рабочих ученый считал вопрос о принуждении к страхованию со стороны государства. Принудительность системы социального страхования, таким образом, была одной из основ всей его системы преобразований. Основная тяжесть социальных налогов при этом должна ложиться на работодателей, но при некотором участии самих работников и государства. В связи с этим на первый план выходило администрирование социальных налогов, которые должны соответствовать принципам налогообложения, о которых мы уже писали выше;

в) проведение реформ, относящихся к фабричному законодательству, проектов, касающихся развития народного образования, народной литературы, здравоохранения, потребительских обществ и, в очередной раз, справедливого налогообложения (прогрессивность обложения, освобождение минимального дохода и др.);

г) не только легализация рабочих союзов, ограниченных хозяйственными целями, но и обеспечение правильного регулирования их правового положения. Предполагалось и их участие в организации функционирования системы социального страхования, в управлении страховыми и больничными кассами и др. Это был один из первых случаев, когда определялось место профсоюзов в системе именно обязательного государственного социального страхования.

А. Вагнер обращал особое внимание на правовую сторону этих реформ, причем государственное вмешательство виделось ему именно посредством принятия четких и реально функционирующих законов социального характера. Однако он при этом оставался реалистом и считал, что окончательно социальный вопрос решить невозможно и всегда бок о бок будут существовать бедность и нищета с благосостоянием и богатством, разница в обеспеченности, которую нельзя объяснить личными заслугами. Поэтому главной задачей он считал «уменьшить существующее неравенство и проистекающее отсюда зло, и это всегда в значительной степени возможно. Если мы это сделаем, то мы выполним нашу обязанность и долг; этого от нас можно требовать, не больше, но и не меньше» [14, с. 33–34].

Таким образом, социальное законодательство должно было стать основным средством

социальной политики, осуществляемой в целях решения социального вопроса, т. е. удовлетворения социально значимых потребностей населения страны и прежде всего неимущей его части (пролетариата). Отсюда иногда встречающееся отождествление социального и рабочего вопросов и социального страхования с любой государственной поддержкой. От социального вопроса Вагнер перебрасывал мостик к социальному праву, относя к нему, соответственно, формирующееся рабочее (фабричное) законодательство, социально-обеспечительное (и, прежде всего, социально-страховое законодательство), а также образовательное и жилищное законодательство, законодательство о потребительских обществах и о медицине. Корни данной концепции «пересечения частного и публичного права» можно найти также в работах германского юриста О. Гирке (1841–1921), школы французских солидаристов и др. Эта концепция впоследствии нашла распространение и в доктрине трудового права и права социального обеспечения Германии, где она имеет различные интерпретации [37, с. 28–42].

А. Вагнер отмечал противоречия между трудом и капиталом, но предлагал решить рабочий вопрос путем реформ, принятия развитого социального законодательства (помимо социального страхования, это регламентация рабочего времени и заработной платы, выпуск «рабочих денег», привлечение работников к участию в управлении предприятиями и др.). Ему принадлежит известная фраза: «Дорого нам обходится дешевый труд». Его идея повышения платежеспособного спроса населения получила впоследствии плодотворное развитие, в частности, в трудах британского экономиста Дж. М. Кейнса (1883–1946).

В дальнейшем, уже выступая перед коллегами по Союзу, он провозгласил начало новой эпохи, а именно «социальной эпохи». Эта эпоха должна была стать, как бы мы сейчас сказали, антропоцентричной, ставящей во главу угла человека и его труд. А. Вагнер связывал ее с тем, что государство посредством права должно устранять дисбалансы и противоречия рыночной экономики, а конечной целью этого станет «корректурa результатов распределительного процесса в частнохозяйственной системе» [цит. по: 25, с. 567].

Г. Пеш, ученик и единомышленник А. Вагнера, о котором упоминалось выше, рассматривал социальное страхование как форму высшей со-

лидарности, которая только и может привести к победе над односторонним классовым эгоизмом при помощи трех средств: выравнивания интересов, любви к отечеству и религии [28, с. 99]. Впрочем, А. Вагнер представлял весьма умеренное крыло государственного социализма и не предлагал заходить слишком далеко в сторону политических реформ, на что мы уже обращали внимание выше.

Немаловажно и то, что А. Вагнер со своими социальными воззрениями оказался в нужное время и в нужном месте, когда социальные риски новой промышленной эпохи ярко проявили себя. Так, уже с начала XIX в. широкое развитие получили рабочие товарищества самопомощи и взаимопомощи. Частично они выполняли потребительские цели, прежде всего, обеспечение рабочих жильем и снабжение продуктами. Но начали появляться и страховые кассы (на случай болезни, инвалидности). Это было скорее проявлением рабочей солидарности с минимальным элементом страхования.

Вагнеру, как и многим другим исследователям, по мере роста добровольного социального страхования все более становились видны присущие ему недостатки.

1. Оно осуществлялось только за счет средств работников, и так имевших небольшой доход. Это неизбежно сужало круг застрахованных лиц, делало его сегментированным.

2. В силу названной выше причины оно охватывало работников с наиболее высокой заработной платой («рабочую аристократию»). Наименее оплачиваемые и наиболее нуждающиеся в страховании работники, как правило, оказывались вне его охвата.

3. Как следствие небольшого заработка рабочих, отчисления на страхование были малы. Соответственно, страховые средства оказывались весьма скудными, а размер выплачиваемых пособий не позволял относительно безболезненно преодолеть последствия наступления страховых случаев. Это позволяло констатировать неизбежную ограниченность добровольного социального страхования и недостаточную помощь застрахованным.

4. Цели добровольного страхования мало согласовывались с целью деятельности профессиональных союзов. Последние должны были отстаивать корпоративные интересы работников в отношениях с работодателями всеми законными средствами вплоть до забастовки. Эта форма

самозащиты коллективных трудовых прав работников могла исчерпать все средства, предназначенные для страховых выплат.

Вышеназванные недостатки добровольного страхования резко снижали его эффективность, тем более при отсутствии развитой нормативно-правовой базы. В связи с этим логичным представлялось реформирование касс рабочей взаимопомощи, которые стали делиться на вспомогательные и страховые, добровольные и обязательные. Во вспомогательные кассы основные взносы делали сами рабочие, а доля участия работодателей в Германии не превышала одной трети. Такие кассы требовали обязательной регистрации, для них оговаривался размер взносов, правила приема и выхода, перечень сведений, необходимых для отражения в уставе. Впрочем, специальный закон, регламентирующий деятельность касс рабочей взаимопомощи, был принят в Германии только в 1876 г., уже не без влияния А. Вагнера. Однако и эти первые шаги в сторону социального страхования были явно недостаточными, зависели от материальных возможностей работника и доброй воли работодателя.

После этого на повестку дня встал вопрос о введении обязательного страхования. Это вполне укладывалось в концепцию государственного социализма и шло в русле закона Вагнера. Не случайно именно с его работами связывается становление социального страхования уже в индустриальном обществе [31, с. 15–20]. Основными признаками такого социального страхования можно считать: а) обязательное участие в страховании работников и работодателей; б) материальное и организационное содействие этому со стороны государства прежде всего через создание нормативно-правовой базы и администрирование социальных налогов (обязательных платежей), дополнительное государственное финансирование (приплаты); в) охват как можно более широких слоев населения и оказание им как можно большего объема материальной помощи.

В условиях господства идеологии крайнего либерализма на рубеже XVIII–XIX вв. даже постановка такого вопроса вызывала повсеместное возражение. В дальнейшем ситуация менялась медленно, а прорыв произошел только в конце второй четверти XIX в. Началось с того, что в 1834 г. в Пруссии издается закон, обязывающий работодателей вознаграждать рабочих в железнодорожных предприятиях за убытки,

причиненные им несчастием на службе во всех случаях, в которых он не мог доказать, что несчастие произошло по вине самого пострадавшего или вследствие непреодолимой силы. Очевидно, что в этом случае применялась конструкция источника повышенной опасности, коим и являлся подвижной состав. Это было еще не социальное страхование, но ответственность работодателей за несчастные случаи с работниками тортила ему дорогу. Далее, в 1845 г. в той же Пруссии впервые были легализованы факультативно-обязательные кассы страхования на случай болезни. Дело в том, что сами застрахованные или местные власти получили право делать участие в этих кассах обязательным для рабочих данного района. Более того, Закон 1849 г. дал право органам местного самоуправления возлагать на работодателей определенную часть страховых взносов. Это был уже робкий шаг в сторону обязательности социального страхования.

Но этого было явно недостаточно, и эти «первые ласточки» еще далеко не означали приход социально-страховой «весны». В это время для значительной части населения риск потери работы вследствие утраты трудоспособности был равнозначен постановке вопроса о физическом выживании. Одни лишь меры благотворительности и взаимной помощи эту проблему разрешить не могли, как и в целом добровольное страхование с элементами принудительности.

Следующим шагом уже для единой Германии стало принятие Закона от 7 июня 1871 г., распространяющего общую ответственность работодателей на те случаи, в которых виновником несчастия были не только они лично, но и их служащие или другие наемные работники. При этом вина работодателя презюмировалась, однако на работника возлагалось бремя доказывания своей невиновности в случившемся несчастии. Это была во всех отношениях весьма нестандартная юридическая конструкция. Тем не менее работнику гораздо легче было доказать свою невиновность, нежели виновность работодателя. В отличие от Кодекса Наполеона 1804 г. (который некоторое время действовал и на части германских земель), этот закон предполагал введение не индивидуальной ответственности работодателя, а добровольного страхования от убытков, возлагаемых на них при несчастных случаях с работниками. Соответственно, предприниматели либо страховали себя от убытков, связанных с возмещением вреда, причиненного работнику

несчастным случаем, в частных страховых обществах, либо создавали специальные общества взаимного страхования. Таким образом, как по содержанию (обеспечение от профессиональных рисков), так и по форме (страхование в частных обществах или взаимное страхование) ответственность работодателя за несчастные случаи на производстве стала носить страховой характер. Добровольность страхования в данном случае сочеталась с принудительным обеспечением этого вида социальных рисков. Отсюда остался только один шаг до придания страхованию обязательного характера через посредство страховых организаций. Этот шаг был сделан в Германии принятием Закона от 6 июня 1884 г. о страховании несчастных случаев.

Влияние А. Вагнера и его важная роль при обосновании принятия закона 1871 г. очевидны. Так, еще в своих ранних работах он выступил за законодательное обязывание предпринимателей содержать лиц, утративших трудоспособность: «В конце концов, весь вопрос сводится к тому: кто должен нести бремя по обеспечению инвалидов труда? Должно ли это делать все население посредством общин (коммун), или это должно лежать на обязанности предпринимателей, которые извлекают наибольшую выгоду из труда рабочих. Я нахожу, что гораздо правильнее, чтобы платил за рабочих тот, кто приобретает выгоду от их труда. Современное законодательство о призрении бедных сваливает это бремя на плечи тех, кто по справедливости нести его вовсе не должен, и это есть самая вопиющая несправедливость!» [цит. по: 43, с. 602]. Вопросы об ответственности предпринимателей и необходимости государственного страхования рабочих поднимались, естественно, не только А. Вагнером, но и такими известными немецкими и австрийскими экономистами, как Л. Брентано, Ф. А. Ланге, Г. Ф. Шенберг, Г. Шмоллер и др. Принимались также государственные меры по борьбе с безработицей, которые были, впрочем, слабы и непоследовательны и не были связаны с социальным страхованием.

Примечательно, что обязательное страхование первоначально коснулось только отдельных категорий работников, для которых профессиональные риски, обусловленные возможностью смерти или увечья, были наиболее вероятны. Речь идет о горнорабочих, для которых в ряде стран на уровне закона была закреплена обязанность устройства касс страхования. Перво-

начально это произошло в Пруссии (1854 г.). Наконец, обязательное страхование с участием государства для относительно большого числа работников стало следующим логичным шагом в развитии данного института. Этому способствовало своеобразное совпадение интересов «верхов» и «низов». С одной стороны, сильная государственная власть могла игнорировать недовольство некоторого слоя предпринимателей, придерживающихся устаревших взглядов на эффективность ничем не ограниченных рыночных сил, именуемых в то время грюндерами и манчестерцами. Требовалась бисмарковская «капля социальной политики», которая должна была «смазать» работу всего социального механизма. С другой стороны, достаточно активное рабочее движение создавало угрозу массового протеста и стимулировало законодательную деятельность правительства. О. Бисмарк считал вполне конструктивным заменить «подрывной социализм» (в его терминологии) государственным социализмом, способным улучшить положение рабочих и ослабить их недовольство.

Особо стоит отметить важность того, что широкий круг научной общественности (и А. Вагнер в том числе) был занят теоретической подготовкой и выработкой практических рекомендаций по введению обязательного социального страхования. Современный российский экономист В. Д. Роик вполне обоснованно выделил следующие характеристики немецкой модели обязательного социального страхования, которая была господствующей с 90-е гг. XIX в. до конца 20-х гг. XX в. [32, с. 18–20]:

- 1) оценка факторов социального риска для трудящихся, выплачивающих взносы, производится с помощью актуарных расчетов;
- 2) социальное страхование от несчастных случаев на производстве и пенсионное обеспечение являются наиболее распространенными видами социальной защиты;
- 3) все затраты по страхованию от профессиональных рисков несет работодатель;
- 4) финансирование бюджетов социального страхования осуществляется во многих случаях еще на нестраховых принципах;
- 5) добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей и лояльность по отношению к работодателю являются обязательными условиями для получения работниками пенсии;
- 6) необходимым условием для участия в системе социального страхования выступает

способность самих трудящихся платить страховые взносы. При этом часть расходов по социальному страхованию несли и работодатели.

Сама германская модель социального страхования окончательно сформировалась в 80–90-е гг. XIX в. и включала обеспечение по болезни (1883 г.), при несчастных случаях на производстве (по трудовому увечью) (1884 г.), по инвалидности и старости (1889 г.). Взносы в больничные кассы и страховые фонды делали и работодатели, и работники. Эта система была настолько удачной, как уже указывалось, что она функционировала, с модификациями, в Германии до конца XX в. и по целому ряду параметров сохраняется и на сегодняшний день. Примечательно, что требования рабочих о введении социального страхования поддерживались рядом предпринимателей, желавших минимизировать материальные издержки при выплате рабочим, пострадавшим от несчастных случаев на производстве. Позитивные результаты функционирования немецкой системы страхования четко прослеживаются уже после первого десятилетия ее существования. Всего за 1885–1897 гг. доход на страхование рабочих составил 2908,2 млн марок. При этом рабочие внесли 1308,1 млн, предприниматели – 1303,9 млн, казна – 98,4 млн, а проценты составили соответственно 197,8 млн марок. За это время было истрачено на выплаты 2034,3 млн, а наличный капитал оставался в размере 889,5 млн марок [27]. Успех был очевиден, причем как в социальном, так и в экономическом аспектах.

В заключение сделаем следующие выводы.

1. Формирование немецкой модели социального страхования явилось результатом длительной эволюции социальных отношений от добровольного страхования на средства самих рабочих

к факультативному, затем факультативно-обязательному и, наконец, обязательному социальному страхованию. Вершиной этой эволюции стало обязательное государственное социальное страхование.

2. Формирование этой модели стало следствием относительного консенсуса ведущих общественных сил: политической власти (при лидирующей роли О. Бисмарка), работников (прежде всего, в лице профсоюзов) и части работодателей, которые руководствовались как материальными, так и моральными соображениями.

3. Необходимой составляющей возникновения немецкой модели социального страхования стала выработка ее теоретических основ и концептуальных подходов. Выдающаяся роль в этом процессе принадлежит А. Вагнеру. Этому способствовал как научный универсализм этого ученого, так и умение использовать междисциплинарный подход для выработки практических предложений по совершенствованию законодательства. Свообразным штабом по генерированию идей и их апробированию стал «Союз социальной политики».

4. Теоретическая основа выделения государственной системы социального страхования связана с констатацией увеличения роли государства в регулировании социальных отношений (будущий закон Вагнера), принципами налогообложения Вагнера (в части расчета и организации взимания социальных платежей), ее использованием для перераспределения доходов в пользу социально незащищенных слоев населения и прежде всего пролетариата. Это обусловлено широкой трактовкой социального вопроса, социального обеспечения и социального страхования.

Список литературы

1. Алпатова Г. М. У истоков социального государства: У. Беверидж // Вестник Пермского университета. Сер.: История и Политология. 2009. № 1. С. 92–97.
2. Аронсон Д., Отт Э. Рост государственного сектора // Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. / под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. М. : Экономич. шк., 2002. Т. 1. С. 638–665.
3. Аткинсон Э. Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора. М. : Аспект Пресс, 1995. 832 с.
4. Афанасьев М. П., Афанасьев Я. М. Методологические и теоретические основы формулировки закона А. Вагнера. Подход к его тестированию // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 47–70.
5. Барабашева Н. С., Венгеров А. Б. Право и распределение. М. : Изд-во МГУ, 1988. 279 с.
6. Белозеров С. А. Особенности национальных систем пенсионного обеспечения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33, вып. 1. С. 51–77. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.104.
7. Бернацкий М. В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб. : Типо-лит. Шредера, 1911. 489 с.
8. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за 100 лет его существования (1802–1902) / под ред. Г. В. Левицкого. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1903. Т. 2. 645 с.
9. Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1971. Т. 4. 500 с.

10. Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. Л. : Гос. фин. изд-во СССР, 1929. 251 с.
11. Вагнер А. Вступление. Разногласия по вопросам о характере и значении статистики // История и теория статистики в монографиях Вагнера, Рюмелина, Эттингена. СПб. : Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1879. 267 с.
12. Вагнер А. О научном мышлении и популяризации в науке. СПб. : Изд. Б. Н. Звонарева, 1900. 36 с.
13. Вагнер А. Русские бумажные деньги. Исследование народно-экономическое и финансовое. С приложением проекта восстановления металлического обращения / пер., доп. и прим. Н. Х. Бунге. Киев : Универ. типогр., 1871. 392 с.
14. Вагнер А. Социальный вопрос. СПб. : Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1906. 44 с.
15. Вигдорчик Н. А. Социальное страхование. М. : Практич. медицина, 1912. 293 с.
16. Гловели Г. Д. История экономических учений. М. : Юрайт, 2013. 777 с.
17. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени : в 2 т. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. Т. 2 : 1870 – наше время. 624 с.
18. Ковалевский С. М. Обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве (Правовые вопросы). М. : Анкил, 2004. 224 с.
19. Кричевский Н. А. Антискрепа. М. : Концептуал, 2017. 320 с.
20. Куприянова Л. В. Российские предприниматели и проблемы социального страхования. 1880–1905 годы // Отечественная история. 1996. № 5. С. 50–76.
21. Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс права социального обеспечения. М. : Юстициформ, 2009. 656 с.
22. Лушникова М. В., Лушников А. М. Развитие науки финансового права в России. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2013. 952 с.
23. Маркс К. О книге Адольфа Вагнера. М. : Л. : Гос. соц.-экономич. изд-во, 1931. 35 с.
24. Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика. М. : Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
25. Миклашевский А. Н. История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономики XIX века. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1909. 646 с.
26. Мюллер А. Рабочие секретариаты и государственное страхование рабочих в Германии. СПб. : С. Скирмунт, 1907. 201 с.
27. П-енко Ал. Международный конгресс 1900 г. // Право. 1900. № 27. С. 1393–1400.
28. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 282 с.
29. Роик В. Д. Основы социального страхования: организация, экономика и право. М. : Изд-во РАГС, 2007. 456 с.
30. Роик В. Д. Социальная политика, социальное обеспечение и страхование. М. : Юрайт, 2019. 521 с.
31. Роик В. Д. Социальное страхование в меняющемся мире: каким будет выбор России? СПб. : Питер, 2014. 362 с.
32. Роик В. Д. Социальное страхование: история, проблемы, пути совершенствования. М. : Ин-т Труда М-ва труда РФ, 1994. 126 с.
33. Роик В. Д. Социальный бюджет. М. : Проспект, 2016. 288 с.
34. Роик В. Д. Экономика, финансы и право социального страхования: Институты и страховые механизмы. М. : Альпина Паблишер, 2013. 257 с.
35. Социальное обеспечение: настоящее и будущее / под ред. М. Л. Захарова, Ю. В. Воронина. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2017. 284 с.
36. Степанов В. Л. Социальное законодательство О. фон Бисмарка и законы о страховании рабочих в России // Отечественная история. 1997. № 2. С. 59–73.
37. Тарусина Н. Н., Лушников А. М., Лушникова М. В. Социальные договоры в праве. М. : Проспект, 2017. 480 с.
38. Финансы капиталистических государств. М. : Госфиниздат, 1934. 38 с.
39. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М. : Дело ЛТД, 1993. 864 с.
40. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы; хозяйство, нравы и право. М. : К. Т. Солдатенков, 1902. 368 с.
41. Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб. : Экономич. шк., 2001. Т. 3. 1664 с.
42. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М. : Сов. энцикл., 1972. Т. 1. 560 с.
43. Яроцкий В. Г. Страхование рабочих в связи с ответственностью предпринимателей : в 2 т. СПб. : Тип. А. Бенке, 1895. Т. 2. 1116 с.
44. Яроцкий В. Г. Финансовое право. СПб. : Типо-литография М. М. Станкевич, 1898. 333 с.

References

1. Alpatova G. M. U istokov sotsial'nogo gosudarstva: U. Beveridzh [At the Origins of the Welfare State: W. Beveridge]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya i Politologiya – Perm University Herald. Series: History and Political Science*, 2009, no. 1, pp. 92–97.
2. Aronson D., Ott E. Rost gosudarstvennogo sektora [The Growth of the Public Sector]. *Panorama ekonomicheskoi mysli kontsa XX stoletiy. T. 1 – Panorama of Economic Thought at the End of the Twentieth Century. Vol. 1*. Moscow, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2002, pp. 638–665.
3. Atkinson A. B., Stiglitz J. E. *Lektsii po ekonomicheskoi teorii gosudarstvennogo sektora* [Lectures on the Economic Theory of the Public Sector]. Moscow, Aspekt Press, 1995. 832 p.
4. Afanasyev M. P., Afanasyev Ya. M. Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy formulirovki zakona A. Vagnera. Podkhod k ego testirovaniyu [The Theoretical and Methodological Foundations of the Wagner's Law. Approaches to Testing It]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, 2009, no. 3, pp. 47–70.
5. Barabasheva N. S., Vengerov A. B. *Pravo i raspredelenie* [Law and Distribution]. Moscow, MSU Publ., 1988. 279 p.

6. Belozеров S. A. Osobennosti natsional'nykh sistem pensionnogo obespecheniya [Specifics of National Pension Plans]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika – St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 33, iss. 1, pp. 51–77. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.104.
7. Bernatskii M. V. *Teoretiki gosudarstvennogo sotsializma v Germanii i sotsial'no-politicheskie vozzreniya knyazyza Bismarka* [Theorists of State Socialism in Germany and the Socio-Political Views of Prince Bismarck]. St. Petersburg, Shreder's typolithography, 1911. 489 p.
8. Levitskii G. V. (Ed.). *Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Yur'evskogo, byvshego Derptskogo universiteta za 100 let ego sushchestvovaniya (1802–1902). T. 2* [Biographical Dictionary of Professors and Teachers of the Imperial Yuryevsky, the Former Dorpat University for 100 Years of Its Existence (1802–1902). Vol. 2]. Yuriyev, K. Mattisen's typography, 1903. 645 p.
9. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. T. 4* [Great Soviet Encyclopedia. Vol. 4]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1971. 500 p.
10. Bukovetskii A. I. *Vvedenie v finansovuyu nauku* [Introduction to Financial Science]. Leningrad, State financial publishing house of the USSR, 1929. 251 z.
11. Wagner A. Vstuplenie. Raznoglasiya po voprosam o kharaktere i znachenii statistiki [Introduction. Disagreements on the Nature and Significance of Statistics]. *Istoriya i teoriya statistiki v monografiyakh Vagnera, Ryumelina, Ettingena – History and Theory of Statistics in the Monographs of Wagner, Rümelin, Ettingen*. St. Petersburg, L. F. Panteleev's publishing house, 1879. 267 p.
12. Wagner A. *O nauchnom myshlenii i populyarizatsii v nauke* [About Scientific Thinking and Popularization in Science]. St. Petersburg, B. N. Zvonarev's publishing house, 1900. 36 p.
13. Wagner A. *Russkie bumazhnye den'gi. Issledovanie narodno-ekonomicheskoe i finansovoe. S prilozheniem proekta vosstanovleniya metallicheskogo obrashcheniya* [Russian Paper Money. National Economic and Financial Research. With the Attachment of the Metal Treatment Recovery Project]. Kyiv, University typography, 1871. 392 p.
14. Wagner A. *Sotsial'nyi vopros* [Social Issue]. St. Petersburg, Typography of company «Obshchestvennaya pol'za», 1906. 44 p.
15. Vigdorichik N. A. *Sotsial'noe strakhovanie* [Social Insurance]. Moscow, Prakticheskaya meditsina Publ., 1912. 293 p.
16. Gloveli G. D. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of Economic Doctrines]. Moscow, Yurait Publ., 2013. 777 p.
17. *Kembridzhskaya ekonomicheskaya istoriya Evropy Novogo i Noveishego vremeni. T. 2: 1870 – nashe vremya* [Cambridge Economic History of Europe in the Early Modern and Modern Periods. Vol. 2: 1870 – Present Day]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 624 p.
18. Kovalevskii S. M. *Obyazatel'noe sotsial'noe strakhovanie ot neschastnykh sluchaev na proizvodstve (Pravovye voprosy)* [Compulsory Social Insurance Against Industrial Accidents (Legal Issues)]. Moscow, Ankil Publ., 2004. 224 p.
19. Krichevskii N. A. *Antiskrepa* [Anti-Bonding]. Moscow, Kontseptual Publ., 2017. 320 p.
20. Kupriyanova L. V. Rossiiskie predprinimateli i problemy sotsial'nogo strakhovaniya. 1880–1905 gody [Russian Entrepreneurs and Problems of Social Insurance. 1880–1905]. *Otechestvennaya istoriya – Domestic History*, 1996, no. 5, pp. 50–76.
21. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Kurs prava sotsial'nogo obespecheniya* [Course of Social Security Law]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2009. 656 p.
22. Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. *Razvitie nauki finansovogo prava v Rossii* [Development of the Science of Financial Law in Russia]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2013. 952 p.
23. Marx K. *O knige Adol'fa Vagnera* [About the Book of Adolf Wagner]. Moscow, Leningrad, State Social and Economic Publ., 1931. 35 p.
24. Musgrave R., Musgrave P. *Gosudarstvennye finansy: teoriya i praktika* [Public Finance: Theory and Practice]. Moscow, Biznes Atlas Publ., 2009. 716 p.
25. Miklashevskii A. N. *Istoriya politicheskoi ekonomii. Filosofskie, istoricheskie i teoreticheskie nachala ekonomiki XIX veka* [History of Political Economy. Philosophical, Historical and Theoretical Beginnings of the Economy of the Nineteenth Century]. Yuriyev, K. Mattisen's typography, 1909. 646 p.
26. Mueller A. *Rabochie sekretariaty i gosudarstvennoe strakhovanie rabochikh v Germanii* [Work Secretariats and State Insurance of Workers in Germany]. St. Petersburg, S. Skirmunt Publ., 1907. 201 p.
27. P-enko A.I. Mezhdunarodnyi kongress 1900 g. [International Congress of 1900]. *Pravo – Law*, 1900, no. 27, pp. 1393–1400.
28. Raikher V. K. *Obshchestvenno-istoricheskie tipy strakhovaniya* [Social and Historical Types of Insurance]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1947. 282 p.
29. Roik V. D. *Osnovy sotsial'nogo strakhovaniya: organizatsiya, ekonomika i pravo* [Fundamentals of Social Insurance: Organization, Economics and Law]. Moscow, Russian Academy of Public Administration Publ., 2007. 456 p.
30. Roik V. D. *Sotsial'naya politika, sotsial'noe obespechenie i strakhovanie* [Social Policy, Social Security and Insurance]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 521 p.
31. Roik V. D. *Sotsial'noe strakhovanie v menyayushchemsya mire: kakim budet vybor Rossii?* [Social Insurance in a Changing World: What Will Russia's Choice Be?]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 362 p.
32. Roik V. D. *Sotsial'noe strakhovanie: istoriya, problemy, puti sovershenstvovaniya* [Social Insurance: History, Problems, Ways of Improvement]. Moscow, Institute of Labor of the Ministry of Labor of the Russian Federation Publ., 1994. 126 p.
33. Roik V. D. *Sotsial'nyi byudzhel* [Social Budget]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 288 p.
34. Roik V. D. *Ekonomika, finansy i pravo sotsial'nogo strakhovaniya: Instituty i strakhovye mekhanizmy* [Economics, Finance and Social Insurance Law: Institutions and Insurance Mechanisms]. Moscow, Al'pina Pabliher Publ., 2013. 257 p.

35. Zakharov M. L., Voronin Yu. V. (Eds.). *Sotsial'noe obespechenie: nastoyashchee i budushchee* [Social Security: Present and Future]. Moscow, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., 2017. 284 p.
36. Stepanov V. L. *Sotsial'noe zakonodatel'stvo O. fon Bismarka i zakony o strakhovanii rabochikh v Rossii* [Social legislation O. von Bismarck and the Laws on Insurance of Workers in Russia]. *Otechestvennaya istoriya – Domestic History*, 1997, no. 2, pp. 59–73
37. Tarusina N. N., Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. *Sotsial'nye dogovory v prave* [Social Contracts in Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 480 p.
38. *Finansy kapitalisticheskikh gosudarstv* [Finances of Capitalist States]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1934. 38 p.
39. Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. *Ekonomika* [Economics]. Moscow, Delo LTD Publ., 1993. 864 p.
40. Schmoller G. *Narodnoe khozyaistvo, nauka o narodnom khozyaistve i ee metody; khozyaistvo, nrvy i pravo* [National Economy, Science of the National Economy and Its Methods; Economy, Morals and Law]. Moscow, K. T. Soldatenkov Publ., 1902. 368 p.
41. Schumpeter J. *Istoriya ekonomicheskogo analiza. T. 3* [History of Economic Analysis. Vol. 3]. St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola Publ., 2001. 1664 p.
42. *Ekonomicheskaya entsiklopediya. Politicheskaya ekonomiya. T. 1* [Economic Encyclopedia. Political Economy. Vol. 1]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1972. 560 p.
43. Yarotskii V. G. *Strakhovanie rabochikh v svyazi s otvetstvennost'yu predprinimatelei. T. 2* [Insurance of Workers in Connection With the Liability of Entrepreneurs. Vol. 2]. St. Petersburg, A. Benke's typography, 1895. 1116 p.
44. Yarotskii V. G. *Finansovoe pravo* [Financial Law]. St. Petersburg, M. M. Stankevich's typolithography, 1898. 333 p.

Дата поступления статьи | Article received date

23.04.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

15.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

УДК 349.3

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-346-355

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СЕДЕЛЬНИКОВА Марина Геннадьевна*

✉ sedelnikovam@mail.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

ПУЗЫРЁВА Александра Александровна[^]

✉ paa_tasovsky@mail.ru

Ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Россия

***Аннотация.** В статье анализируются некоторые проблемы формирования понятийного аппарата права социального обеспечения. Авторами поддерживается ранее высказанный в научной литературе тезис об отсутствии системности в использовании отдельных понятий и терминов в данной сфере, что является одним из ключевых факторов, препятствующих эффективной реализации социально-обеспечительных норм. На основе анализа использования понятий «семья», «член семьи» в законодательстве о социальном обеспечении делается вывод о наличии дефектов конструирования отраслевого терминологического аппарата. Авторы солидарны с сформулированной ранее точкой зрения о межотраслевом характере указанных понятий. Приводится сравнительный анализ законодательства о социальном обеспечении и отдельных положений семейного, жилищного и гражданского законодательства, а также иных нормативных правовых актов, использующих указанные межотраслевые понятия, рассматриваются разъяснения высших судебных инстанций по данному вопросу. По результатам проведенного исследования сформулирован ряд выводов и рекомендаций, направленных на совершенствование отраслевого законодательства. В частности, авторы приходят к выводу о невозможности выработки единых понятий «семья», «член семьи» для всех отраслей права, поскольку цели правового регулирования у каждой из них различны. Кроме того, в статье анализируются новейшие нормативные правовые акты, закрепляющие ежемесячные выплаты семьям, имеющим детей, рассматриваются дефекты законодательной техники в связи с использованием в них понятий «семья», «член семьи». Складывающаяся правоприменительная и судебная практика в связи с назначением гражданам указанных ежемесячных выплат подтверждает вывод авторов о необходимости совершенствования отраслевого законодательства, обеспечения системного единства используемого понятийного аппарата. В заключение авторами указываются способы решения обозначенных в статье проблем, к числу которых в первую очередь следует отнести кодификацию законодательства о социальном обеспечении, на что неоднократно указывалось в научной литературе.*

***Ключевые слова:** право социального обеспечения, межотраслевое взаимодействие, понятийный аппарат права социального обеспечения, понятие «семья», пособия, ежемесячные денежные выплаты, кодификация.*

Some Issues of Formation of the Conceptual Apparatus of Social Security Law

Sedelnikova Marina G.**

✉ sedelnikovam@mail.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

Puzyreva Aleksandra A.^{^^}

✉ paa_tasovsky@mail.ru

12 Korolenko st., Omsk, 644010, Russia

***Abstract.** The article analyzes some problems of the formation of the conceptual apparatus of social security law. The authors support the thesis previously expressed in scientific literature about the lack of consistency in the use of certain concepts and definitions in this area, which is one of the key factors that impede the effective implementation*

* Доцент кафедры гражданского процесса Сибирского юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.

[^] Преподаватель кафедры гражданского процесса Сибирского юридического университета.

** Docent of the Department of Civil Procedure Law at the Siberian Law University, Candidate of Legal Sciences, Docent.

^{^^} Lecturer of the Department of Civil Procedure Law at the Siberian Law University.

of social security regulations. Based on the analysis of the use of the concepts “family”, “family member” in the social security legislation, it is concluded that there are defects in the design of the sectoral terminological apparatus. The Authors agree with the previously formulated point of view on the intersectoral nature of these concepts. A comparative analysis of the legislation on social security and individual provisions of family, housing and civil legislation, as well as other regulatory legal acts using these intersectoral concepts, is given, clarifications of the highest courts on this issue are considered. Based on the results of the study, a number of conclusions and recommendations are formulated, which are aimed at improving the sectoral legislation. In particular, the authors come to the conclusion that it is impossible to develop uniform concepts of “family”, “family member” for all branches of law, since the goals of legal regulation are different for each of them. In addition, the article analyzes the latest normative legal acts that secure monthly payments to families with children, examines the defects in legislative technology in connection with the use of the concepts of “family”, “family member” in them. The emerging law enforcement and judicial practice in connection with the appointment of these monthly payments to citizens confirms the authors' conclusion about the need to improve sectoral legislation, to ensure the systemic unity of the used conceptual apparatus. In conclusion, the authors point out ways to solve the problems identified in the article, among which, first of all, one should include the codification of legislation on social security, which has been repeatedly indicated in the scientific literature.

Keywords: social security law, intersectoral interaction, conceptual apparatus of social security law, the concept of “family”, benefits, monthly cash payments, codification.

Совершенствование социально-обеспечительного законодательства, повышение его качества невозможно без серьезных доктринальных исследований. В полной мере это относится к терминологической составляющей отрасли, ее понятийному аппарату. И хотя обозначенные вопросы всегда находились в центре внимания научного сообщества, уровень терминологической проработанности права социального обеспечения вряд ли можно признать удовлетворительным. Характерное для современного этапа развития ситуативное законодательное реагирование, приобретшее в последние годы массовый характер, лишь усугубляет обозначенные проблемы, выводит их на новый качественный уровень.

Адресованные чрезвычайно широкому кругу субъектов, в первую очередь гражданам, большинство из которых не имеет юридической подготовки, законодательные акты в сфере социального обеспечения далеко не всегда соответствуют базовым требованиям, закрепленным теорией права (логичность, простота и ясность, отсутствие правовой неопределенности и двусмысленности законодательных формулировок). Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что сложности с пониманием и применением социально-обеспечительного законодательства существуют даже у судебского корпуса.

С сожалением следует признать, что регулятивные свойства нормативных правовых актов

в сфере социального обеспечения и отдельных социально-обеспечительных норм по-прежнему остаются на достаточно низком уровне ввиду правовых коллизий, пробелов, нарушений правил юридической техники. Значительно снижают эффективность социально-обеспечительного регулирования и дефекты конструирования отраслевого терминологического аппарата.

Т. К. Миронова, исследуя новации в понятийном аппарате права социального обеспечения, раскрывает отдельные проблемы, сопутствующие его развитию, к числу которых автор относит «узкоцелевой характер» внедряемых понятий (определений), «размывание» базовых понятий ввиду появления их «аналогов», формирование тенденции неоправданного расширения отраслевого понятийного аппарата посредством введения чуждых отрасли терминов и понятий и, безусловно, отсутствие единообразия терминов и понятий [10, с. 154].

Системность – важнейший признак понятийного аппарата любой отрасли права. С. Ю. Головина справедливо утверждает, что понятийный аппарат – не простой набор терминов и их определений, а совокупность взаимосвязанных, согласованных и соподчиненных понятий, каждое из которых имеет свое место и назначение [6, с. 22].

Вместе с тем понятийный аппарат права социального обеспечения, к сожалению, таким качеством не отличается. Неясности и неточности, смешение понятий, противоречия

в формулировках статей и отсутствие терминологического единства в понятийном аппарате права социального обеспечения негативно влияют на качество нормативных правовых актов. Все это снижает уровень формальной определенности норм, содержащихся в них, что не только существенно осложняет правореализационный процесс, но и может привести к ошибкам в правоприменительной деятельности.

Сказанное в полной мере можно отнести к законам, закрепляющим «демографические меры социального обеспечения» [1, с. 68], их число постоянно возрастает, происходит своеобразное накопление «ошибок-отклонений» от исходных ключевых понятий, в связи с этим проблема определенности содержания последних вышла на качественно новый уровень.

Поскольку объектом предоставляемых социально-обеспечительных благ является семья, полагаем необходимым обратиться к проблемам правоприменения, которые возникают в связи с использованием в праве социального обеспечения данного понятия, а также смежного понятия «член семьи».

Понятия «семья», «член семьи» закреплены в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ), Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ), в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ряде других нормативных правовых актов¹. В каждом из них в данные понятия имеют разное значение [11, с. 59]. При этом легальная дефиниция закреплена лишь в Федеральном законе от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»² (далее – Закон № 134-ФЗ).

Таким образом, следует согласиться с позицией тех авторов, которые полагают, что понятия «семья», «член семьи» являются межотраслевыми [11, с. 59], т. е. используются различными отраслями права применительно к конкретному кругу общественных отношений, которые они регулируют. Соответственно, такие понятия

могут иметь различное содержание, зависящее от сферы правового регулирования, в которой они используются.

По словам Е. А. Токаревой «основная задача правоприменителя при работе с межотраслевыми понятиями (терминами) заключается в определении приоритетной принадлежности термина к определенной отрасли права. Системность понятийного аппарата и терминологии должна исключать придание одному и тому же понятию (термину) самостоятельных и несовпадающих значений» [11, с. 60].

Обращение ученых к проблеме использования межотраслевых понятий (терминов) в праве социального обеспечения заслуживает положительной оценки. Вместе с тем некоторые положения приведенных рассуждений носят дискуссионный характер. По справедливому утверждению С. Ю. Головиной, большинство терминов понимаются правильно благодаря контексту, в котором они употребляются [6, с. 14]. Поэтому понятия не должны рассматриваться в отрыве от той правовой среды, в которой они используются. Она же, в свою очередь, будет различна в зависимости от конкретной отрасли права. Более того, не всегда получается выдерживать однородность содержания тех или иных понятий (терминов) даже в рамках одной отрасли права. Примером тому может служить понятие «стаж». Оно известно и трудовому праву, и праву социального обеспечения. Однако его наполнение будет зависеть именно от среды (отрасли), в которой он используется. И даже в праве социального обеспечения понятие «стаж» может иметь разное содержание (например, страховой стаж для целей пенсионного обеспечения и страховой стаж для целей выплаты пособия по временной нетрудоспособности). Указанное обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость проведения комплексного исследования обозначенной проблематики.

Право социального обеспечения является частью отечественной системы права, поэтому оно

¹ См., напр.: *О вынужденных переселенцах* : закона Рос. Федерации от 19 февр. 1993 г. № 4530-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 52, ст. 5110 (ст. 1) ; *О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации* : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // Там же. 2002. № 30, ст. 3032 (ст. 13.2) ; *Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации* : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ // Там же. 2010. № 31, ст. 4174 (ст. 1) ; *О статусе судей в Российской Федерации* : закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Рос. газ. 1992. 29 июля (ст. 20) ; *Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом* : утвержд. Указом Президента Рос. Федерации от 14 сент. 2012 г. № 1289 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 38, ст. 5074 (подп. «в» п. 6) и др.

² *Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 43, ст. 4904.*

оперирует различными понятиями (терминами), первоначально выработанными иными отраслями права (например, трудового, административного, семейного права и др.). Анализ социально-обеспечительного законодательства позволяет прийти к выводу, что использование межотраслевых понятий (терминов) в праве социального обеспечения возможно следующими способами:

1. Синонимичное использование понятий (терминов). В таких случаях терминология, закрепленная в социально-обеспечительном законодательстве, тождественна содержанию понятия, используемого в иной отрасли права. В частности, смысл терминов «опека» или «доверенность» в праве социального обеспечения соответствует содержанию данных понятий, закрепленных в ГК РФ.

2. Использование понятия в другом значении, чем то, что используется в других отраслях права. Например, термин «*злоупотребление со стороны пенсионера*» (ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»³), аналогичен понятию «*злоупотребление правом*», которое содержится в ГК РФ (ст. 10). Вместе с тем его содержание имеет другое значение, отличное от частноправового [8, с. 155–166].

3. Употребление специальных понятий, которые первоначально были разработаны на базе понятийного аппарата иной отрасли права (например, «социальный страховой риск»).

Приведенные механизмы закрепления в отраслевом законодательстве межотраслевых терминов и их использование справедливо не только применительно к рассматриваемым понятиям «семья», «член семьи». В целом в настоящее время проблематика межотраслевого взаимодействия права социального обеспечения, а также формы его выражения представляется чрезвычайно актуальной не только для отраслевой науки, но и практики.

До настоящего времени не выработан единый подход к решению вопроса о формулировке понятия «семья», универсального для всех отраслей права, а также унификации круга лиц, которые относятся к ее членам. Данное обстоятельство осложняется еще и тем, что понятие

«семья», «член семьи» используется и за пределами правового поля. В целом заслуживает внимания утверждение С. Ю. Головиной, согласно которому «чем большее распространение имеет слово в обыденной жизни, тем меньше единства в понимании его содержания и роли в правовой норме» [5, с. 4]. Сторонники единства понятийного аппарата указывают на необходимость осуществления правовой охраны семьи⁴, при которой обеспечивалось бы единство регулирования правоотношений, в которых используются данные понятия [7, с. 116–117; 11, с. 60–62; 13, с. 2–6]. Однако каждая из отраслей права, оперирующая данными понятиями, преследует свои цели правового регулирования. Поэтому выработать единое для всех отраслей права определение указанного понятия достаточно сложно (и вряд ли необходимо). Вместе с тем это не оправдывает того обстоятельства, что в рамках одной отрасли права (и даже одного института!) данные понятия могут иметь разное содержание.

Для уяснения спорных вопросов, возникающих при использовании понятий «семья», «член семьи» в праве социального обеспечения, высшими судебными инстанциями неоднократно давались соответствующие разъяснения. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»⁵ (далее – постановление Пленума ВС РФ № 14) при определении круга лиц, относящихся к нетрудоспособным иждивенцам собственника жилого помещения, следует руководствоваться пп. 2 и 3 Закона № 173-ФЗ. Данные разъяснения отсылают нас к нормативному правовому акту, являющемуся базовым в другой отрасли права. Аналогичная отсылка содержится и в п. 33 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»⁶.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965.

⁴ Подробнее о необходимости повышения эффективности правового регулирования социального обеспечения в зарубежных странах путем закрепления в законодательстве отдельных терминов, в частности термина «многодетная семья» см.: *Social Security for Family and Child in Kazakhstan: Theory and Practice* / A. S. Madiyarova [et al.] // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. 2017. № 1. P. 1–8.

⁵ Рос. газ. 2009. 8 июля.

⁶ Там же. 2010. 5 февр.

Конституционный Суд Российской Федерации в п. 6.1 постановления от 19 июня 2002 г. № 11-П путем использования отсылки к ст. 7 Закона № 125-ФЗ уточнил смысл и содержание понятий «иждивение» и «нетрудоспособный член семьи». Последний пример касается исключительно общественных отношений, связанных с применением Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 г. № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»⁷ (далее – Закон № 1244-1) и не применим к иным общественным отношениям. Сказанное может служить дополнительным аргументом в пользу того, что даже в рамках одной отрасли термины могут иметь различное значение. Отличие может быть обусловлено особым статусом пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, чрезвычайностью обстоятельств, в связи с которыми умер (погиб) кормилец. Таким образом, разные подходы законодателя к определению содержания того или иного термина в праве социального обеспечения объясняются рядом факторов, ключевым из которых является конкретный круг однородных общественных отношений, при регулировании которых данный термин используется.

Понятия «семья», «член семьи» в социально-обеспечительном законодательстве применяются для нормативного закрепления круга лиц, которые имеют право на тот или иной вид социального обеспечения [3, с. 215], что выступает юридически значимым обстоятельством для предоставления пенсии по случаю потери кормильца⁸, страховых выплат в случае смер-

ти застрахованного лица в рамках обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний⁹, ежемесячной денежной компенсации, выплачиваемой нетрудоспособным членам семьи в случае смерти граждан, которым при жизни полагались компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием чернобыльской катастрофы, а также ряд иных мер социальной поддержки¹⁰, ежемесячной компенсации за потерю кормильца – участника ликвидации последствий чернобыльской катастрофы¹¹ и др.

Однако круг таких лиц на сегодняшний день не является унифицированным. Так, для получения пенсии по случаю потери кормильца необходимо наличие родственной связи с умершим. Вместе с тем право нетрудоспособных иждивенцев на получение страховых выплат в случае смерти застрахованного лица в обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний возникает у них независимо от степени родства или свойства с умершим кормильцем.

Приведенные законодательные различия применительно к определению круга лиц в сходных общественных отношениях не вполне оправданы, о чем уже говорилось в научной литературе [7, с. 205, 214–215]. В соответствии со ст. 1088 ГК РФ в случае смерти кормильца право на возмещение вреда имеют любые нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего и ставшие нетрудоспособными в течение определенного периода после его смерти. По справедливому замечанию Е. Г. Азаровой, «частные

⁷ По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), Федеральных законов от 12 февраля 2001 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», от 19 июня 2000 года «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 года «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 июня 2002 г. № 11-П // Рос. газ. 2002. 2 июля.

⁸ См., напр.: *О страховых пенсиях ...* (ч. 2 ст. 10) ; *О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей* : закон Рос. Федерации от 12 февр. 1993 г. № 4468-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 9, ст. 328 (ст. 29; далее – Закон № 4468-1) ; *О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации* : федер. закон от 15 дек. 2001 г. № 166-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51, ст. 4831 (ч. 5 ст. 7.1, ч. 3 ст. 7.2, ст. 10; далее – Закон № 166-ФЗ).

⁹ *Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний* : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3803 (чч. 2–4 ст. 7).

¹⁰ Части 2, 4 ст. 14 Закона № 1244-1.

¹¹ Статья 41 Закона № 1244-1.

лица несут ответственность перед более широким кругом лиц, нуждающихся в материальной поддержке, чем государство, отказывающееся некоторым гражданам в праве на пенсионное обеспечение лишь на том основании, что формально не признает их членами семьи» [2, с. 126]. По данному вопросу требуется более гибкий подход законодателя, с помощью которого в пользу граждан могла бы решиться проблема отказов в назначении указанных видов социального обеспечения. Например, в случае совместного проживания родителей с вдовой умершего сына (в связи с уходом за совершеннолетним нетрудоспособным лицом) или в случае смерти брата, сестры, бабушки или дедушки, являющихся кормильцами для лиц, у которых имеются трудоспособные родители [2, с. 121–122]¹².

Наконец, понятиями «семья» и «член семьи» оперирует и Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей»¹³ (далее – Закон № 418-ФЗ). Достаточно высокий размер выплаты семьям в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка (далее – ежемесячная выплата) может улучшить материальное положение семей, подпадающий под критерии нуждаемости, установленные законом. Однако невозможно обойти отдельные недостатки названного нормативного правового акта. В частности, в Законе № 418-ФЗ отсутствуют основания для отказа в назначении указанных выплат, положения, которые устанавливали бы ответственность граждан за предоставление заведомо недостоверных сведений, а также нормы, регулирующие

порядок и основания восстановления пропущенного срока, установленного ч. 2 ст. 2 Закона № 418-ФЗ. В связи с этим Минтруд России был вынужден издать разъяснения по вопросам применения отдельных положений названного закона по истечении всего лишь трех месяцев с момента вступления его в силу¹⁴.

Сложность вызывает и определение состава семьи для расчета среднедушевого дохода семьи при назначении ежемесячной выплаты. Так, в состав семьи, учитываемый при данном расчете, включаются родители (усыновители), опекуны ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого у гражданина возникло право на получение ежемесячной выплаты, супруги родителей несовершеннолетних детей и несовершеннолетние дети (ч. 10 ст. 4 Закона № 418-ФЗ). В законе также перечислены лица, чей доход не принимается во внимание при расчете среднедушевого дохода семьи (ч. 11 данной статьи).

Из буквального толкования этих положений следует, что сведения о доходах должны представляться в отношении каждого из родителей ребенка. При таком подходе непонятно, необходимо ли представить сведения о доходах одного из родителей, если он уклоняется от обязанностей по воспитанию ребенка. Как представить данные сведения, если его место жительства неизвестно? Следует ли принимать во внимание доходы отца, если он не состоит в браке с матерью ребенка?

На данные вопросы правоприменительная практика не может дать однозначный ответ¹⁵.

¹² См., напр.: *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Котельникова Никиты Артемьевича на нарушение его конституционных прав статьей 1148 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также подпунктом 1 пункта 2 и пунктом 3 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 июля 2011 г. № 899-О-О. Федерации»; *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Тыхеевой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 1 пункта 2 статьи 9 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2015 г. № 757-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2018. № 1, ч. 1, ст. 2.

¹⁴ *Письмо* Минтруда России от 7 марта 2018 г. № 12-1/10/П-1584. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См., напр.: *Решение* Калачинск. гор. суда Ом. обл. от 21 нояб. 2018 г. по делу № 2-809/2018. URL: https://kalachinskourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=107467203&delo_id=1540005; *Решение* Кировск. район. суда г. Омска от 14 марта 2019 г. по гражд. делу № 2-1144/2019. URL: https://kirovcourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=33405118&case_uid=42c39bdc-8ae1-4034-af75-a02b40a78e64&delo_id=1540005; *Решение* Совет. район. суда г. Омска от 10 июля 2019 г. по делу № 2-2041/2019. URL: https://sovetsky--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=35794415&case_uid=60762f79-b6d5-48a0-bc01-0950ebc99948&delo_id=1540005; *Решение* Куйбышевск. район. суда г. Омска от 13 февр. 2019 г. по делу № 2-752/2019. URL: https://kuybcourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=26392753&case_uid=48d922ca-c8ed-476c-8f26-01e422ebd3ba&delo_id=1540005; *Апелляционное определение* Верхов. суда Респ. Башкортостан от 21 мая 2019 г. по делу № 33-9860/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; *Апелляционное определение* Ом. обл. суда от 16 мая 2019 г. по делу № 33-3031/2019. URL: https://oblsud-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=5696094&result=1&delo_id=5&new=5&hide_parts=0

Согласно позиции Минтруда России Закон № 418-ФЗ не содержит в качестве условия назначения ежемесячной выплаты факт совместного проживания родителей ребенка, поэтому при раздельном проживании лиц, указанных в ч. 10 ст. 4 Закона № 418-ФЗ, их доходы подлежат *учету* при назначении ежемесячной выплаты¹⁶.

Судебная практика занимает иную позицию по данному вопросу. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Омского областного суда указала, что при определении среднедушевого дохода семьи подлежат учету доходы *конкретной* семьи, проживающей совместно и ведущей общее хозяйство¹⁷. Даная позиция была поддержана Верховным Судом Российской Федерации¹⁸.

Приведенная судебная практика интересна также тем, что суды, используя аналогию права, ссылались на различные нормативные правовые акты, содержащие понятие «семья». Например, в мотивировочной части судебного решения Судебная коллегия по гражданским делам Омского областного суда использовала положения абз. 2 подп. «б» п. 11 постановления Пленума ВС РФ № 14, конкретизирующего, кто считается членами семьи собственника *жилого помещения*. Однако это вступает в противоречие с позицией Верховного Суда Российской Федерации, в соответствии с которой круг членов семьи, связанных правами и обязанностями, определяется в зависимости от целей правового регулирования в различных отраслях права¹⁹. Закон № 418-ФЗ не допускает прямого применения норм жилищного законодательства ввиду отсутствия отсылочных норм и различных целей правового регулирования, поэтому при разрешении спора о предоставлении ежемесячной выплаты ссылка на постановление Плену-

ма ВС РФ № 14 недопустима. Более оправдано использование понятия «семья», закрепленное в Законе № 134-ФЗ²⁰. В Законе № 418-ФЗ имеется норма, отсылающая к указанному нормативному акту (ст. 1).

Неоднозначность судебной практики, складывающейся по данному вопросу привела к переосмыслению законодательной позиции. Так, в настоящее время Минтруда России разработан проект Методических указаний по осуществлению органами государственной власти субъектов Российской Федерации и города Байконура переданных им полномочий Российской Федерации по назначению и осуществлению ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка²¹ (далее – Методические рекомендации). В пункте 14 Методических рекомендаций закреплено, что в составе семьи не учитываются родители, фактически не проживающие совместно с ребенком, не ведущие совместное хозяйство (не состоящие в браке), а также их супруги. Представляется, что поскольку данная уточняющая процедура порядка назначения ежемесячной выплаты норма адресована не только правоприменителям, но и гражданам, она должна содержаться не в подзаконном нормативном акте, целью принятия которого является издание обязательных указаний по осуществлению переданных полномочий, а в самом Законе № 418-ФЗ. Также возможно было бы закрепить ее в Порядке осуществления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка и (или) второго ребенка, обращения за назначением указанных выплат, а также перечня документов (сведений), необходимых для назначения ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого и (или) второго ребенка²², тем более что основное назначение данного нормативного правового акта заключается как раз

¹⁶ Письмо Минтруда России от 7 марта 2018 г. № 12-1/10/П-1584 ...

¹⁷ Апелляционное определение Ом. обл. суда от 7 авг. 2019 г. по делу № 33-5060/2019. URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6072343&result=1&delo_id=5&new=5&hide_parts=0

¹⁸ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 20 нояб. 2019 г. по делу № 50-КФ19-922. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/10542545#10542545>

¹⁹ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 24 авг. 2005 г. № 84-Г05-4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

²⁰ См., напр.: Определение Ом. обл. суда от 9 сент. 2019 г. по делу № 4Г-1484/2019. URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6175555&result=0&delo_id=2800001&new=2800001&hide_parts=0; Определение Ом. обл. суда от 16 сент. 2019 г. по делу № 4Г-1457/2019. URL: https://oblsud--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=6163274&result=0&delo_id=2800001&new=2800001&hide_parts=0

²¹ Об утверждении Методических указаний по осуществлению органами государственной власти субъектов Российской Федерации и г. Байконура переданных им полномочий Российской Федерации по назначению и осуществлению ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка : проект приказа Минтруда России. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Утв. приказом Минтруда России от 29 дек. 2017 г. № 889н. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

в определении процедуры (порядка) назначения ежемесячной выплаты.

Следует отметить, что в социально-обеспечительном законодательстве понятие «семья» в различных нормативных правовых актах раскрывается различными способами. Ю. В. Васильева отмечает, что «понятия чаще всего определяются при помощи обобщенной формулы (через род и видовое отличие), казуистического перечня или их комбинирования» [4, с. 339].

Так, в ранее упомянутом Законе № 134-ФЗ используется родовидовой способ закрепления понятия «семья». В новейших нормативных правовых актах социально-обеспечительного законодательства, содержащих понятие «семья»²³ законодатель отошел от указанного подхода, избрав казуистический способ раскрытия данного понятия путем закрепления перечня лиц, входящих в ее состав. Представляется, что выбор такого подхода обусловлен преимущественным использованием данной нормы в процедурных правоотношениях (в частности, при определении состава семьи для расчета среднедушевого дохода семьи). Вместе с тем рассматриваемое понятие напрямую влияет и на определение права граждан посредством установления нуждаемости заявителя, которая в свою очередь определяется через величину среднедушевого дохода семьи.

Выбор законодателем такого приема раскрытия содержания понятия «семья» не вызывает каких-либо возражений, поскольку в социально-обеспечительном законодательстве казуистические определения встречаются достаточно часто. Однако использование двух разных способов (родовидового и казуистического) применительно к одному и тому же понятию, которое используется в однородных правоотношениях и применяется для сходных целей правового регулирования представляется не вполне оправданным. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает отсутствие единства понятийного аппарата

та и системности социально-обеспечительного законодательства.

Сказанное вызывает беспокойство и в ситуации, когда на федеральном уровне закреплены нормы, не раскрывающие содержания используемых в них понятий. Так, в п. 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»²⁴ имеется понятие «нуждающаяся в поддержке семья»²⁵. В данной норме одновременно закреплено и неунифицированное понятие «семья», и критерий нуждаемости. Указанное обстоятельство привело к существенному различию содержания нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, в связи с чем семьи с детьми в различных регионах оказались в неравных условиях [1, с. 69; 12, с. 159–164].

Более того, бессистемность и даже хаотичность использования понятийного аппарата в законодательстве о социальном обеспечении прослеживается и на примере терминологии, обозначающей социальные выплаты, адресованные семьям с детьми. Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»²⁶ закреплена система государственных *пособий* гражданам, имеющим детей. Они, как самостоятельный вид социального обеспечения, обладают рядом признаков – срочный, возмездно-неэквивалентный характер, наличие определенной целевой направленности (возмещение утраченного заработка, трудового дохода либо компенсация дополнительных расходов) [9, с. 44].

Новейшее социально-обеспечительное законодательство, закрепляющее отдельные выплаты семьям, имеющим детей, именуется аналогичные социально-обеспечительные предоставления по-разному. В частности, уже ранее упомянутое ежемесячное пособие, ежемесячная денежная выплата на ребенка в возрасте от трех до семи лет включительно, хотя по существу их правовая природа более тяготеет к пособиям. Тем более,

²³ См., напр.: *О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей ... ; О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей* : указ Президента Рос. Федерации от 20 марта 2020 г. № 199 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12, ст. 1745 ; *Об утверждении основных требований к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет включительно, примерного перечня документов (сведений), необходимых для назначения указанной ежемесячной выплаты, и типовой формы заявления о ее назначении* : постановление Правительства Рос. Федерации от 31 марта 2020 г. № 384. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

²⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 19, ст. 2343.

²⁵ Аналогичные выплаты многодетным семьям известны зарубежным странам (в частности, Германии) еще с середины прошлого века [14, р. 17–19].

²⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1929.

что критерий нуждаемости, который объединяет названные ежемесячные выплаты, известен и некоторым пособиям, в частности, пособию на ребенка.

Понятийный аппарат любой отрасли права является инструментом, обслуживающим отрасль права и обеспечивающим своеобразный фундамент эффективного правоприменения. Как и отрасль права в целом, используемые в ее рамках понятия, термины и дефиниции не выступают статичным явлением, они подвержены изменениям, обусловленным различного рода факторами (экономическими, политическими, идеологическими и др.). К сожалению, немалое значение

играют и субъективные факторы – ошибки и дефекты законотворческой техники. Уточнение в социально-обеспечительном законодательстве понятий «семья», «член семьи» могло бы существенно упорядочить практику предоставления отдельных социально-обеспечительных благ. Полагаем, что решение обозначенных в данной статье проблем заключается в унификации отраслевой терминологии, которая – в идеале – может быть осуществлена с помощью кодификации отраслевых источников, необходимость которой обсуждается в научной литературе достаточно давно, но до сих пор не получила своего реального воплощения.

Список литературы

1. Азарова Е. Г. Многодетная семья и проблемы ее социального обеспечения // Журнал российского права. 2014. № 3 (207). С. 63–78. DOI: 10.12737/2581.
2. Азарова Е. Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 112–127. DOI: 10.12737/article_597714e88ee358.48297247.
3. Благодар А. Л. Система права социального обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 430 с.
4. Васильева Ю. В. Кодификация российского законодательства о социальном обеспечении: теоретические и практические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 402 с.
5. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. 178 с.
6. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 53 с.
7. Гусева Т. С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 347 с.
8. Курченко О. С. Злоупотребление социально-обеспечительными правами: постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2016. № 6 (111). С. 155–166.
9. Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения в условиях рыночной экономики: теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 56 с.
10. Миронова Т. К. Новации в понятийном аппарате права социального обеспечения и их влияние на предмет отрасли // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 153–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.153-162.
11. Токарева Е. А. Проблемы использования понятий «члены семьи» и «семья» в праве социального обеспечения // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2-2. С. 59–63.
12. Трутаева А. В. Развитие законодательства о государственных пособиях гражданам, имеющим детей, в свете принятия Указа Президента Российской Федерации № 606: проблемы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 159–164.
13. Шершень Т. В. В год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2008. № 5. С. 2–7.
14. Hoskins D., Bixby L. E. Women and Social Security: Law and Policy in Five Countries. Washington D. C. : United States Government Printing Office, 1973. 102 p.

References

1. Azarova E. G. *Mnogodetnaya sem'ya i problemy ee sotsial'nogo obespecheniya* [Multichild Family and Problems of Its Social Welfare]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2014, no. 3 (207), pp. 63–78. DOI: 10.12737/2581.
2. Azarova E. G. *Pensionnoe obespechenie detei, poteryavshikh kormil'tsa: osobennosti pravovogo regulirovaniya* [Pension Provision for Children Who Lost Their Bread-Winners: Peculiarities of Legal Regulation]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2017, no. 8 (248), pp. 112–127. DOI: 10.12737/article_597714e88ee358.48297247.
3. Blagodir A. L. *Sistema prava sotsial'noe obespecheniya*. Dis. d-ra yurid. nauk [The System of Social Security Law. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2014. 430 p.
4. Vasil'eva Yu. V. *Kodifikatsiya rossiiskogo zakonodatel'stva o sotsial'nom obespechenii: teoreticheskie i prakticheskie problemy*. Dis. d-ra yurid. nauk [Codification of Russian Legislation on Social Security: Theoretical and Practical Problems. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2010. 402 p.
5. Golovina S. Yu. *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava* []. Yekaterinburg, Ural State Law University Publ., 1997. 178 p.
6. Golovina S. Yu. *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [The Conceptual Apparatus of Labor Law. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Yekaterinburg, 1998. 53 p.
7. Guseva T. S. *Sotsial'noe obespechenie sem'i, materinstva, ottovstva i detstva v Rossii: teoreticheskie i prakticheskie problemy*. Dis. d-ra yurid. nauk [Social Security of Family, Motherhood, Fatherhood and Childhood in Russia: Theoretical and Practical Problems. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2012. 347 p.

8. Kurchenko O. S. Zloupotreblenie sotsial'no-obespechitel'nymi pravami: postanovka problemy [Abuse of Social Security Rights: a Problem Statement]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal – Russian Juridical Journal*, 2016, no. 6 (111), pp. 155–166.
9. Machul'skaya E. E. *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v usloviyakh rynochnoi ekonomiki: teoriya i praktika pravovogo regulirovaniya*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [The Law of Social Security in a Market Economy: Theory and Practice of Legal Regulation. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2000. 56 p.
10. Mironova T. K. Novatsii v ponyatiinom apparate prava sotsial'nogo obespecheniya i ikh vliyanie na predmet otrasli [New in the Conceptual Framework of Social Security Law and Its Impact on the Field in Question]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava – Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 9 (82), pp. 153–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.153-162.
11. Tokareva E. A. Problemy ispol'zovaniya ponyatii «chleny sem'i» i «sem'ya» v prave sotsial'nogo obespecheniya [Problems of Using the Concepts “Family Members” and “Family” in Social Security Law]. *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel' – Tauride Scientific Observer*, 2015, no. 2-2, pp. 59–63.
12. Trutaeva A. V. Razvitie zakonodatel'stva o gosudarstvennykh posobiyakh grazhdanam, imeyushchim detei, v svete prin'yatiya Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 606: problemy teorii i praktiki [The Development of the Law on State Benefits to Citizens with Children in Connection with the Adoption of the Decree of the President of the Russian Federation no. 606 of 7 may 2012: Theory and Practice]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii – Bulletin of Saratov State Law Academy*, 2017, no. 3 (116), pp. 159–164.
13. Shershen' T. V. V god sem'i o ponyatii sem'i v sovremennom rossiiskom prave [In the Year of the Family on the Concept of a Family in Modern Russian Law]. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*, 2008, no. 5, pp. 2–7.
14. Hoskins D., Bixby L. E. *Women and Social Security: Law and Policy in Five Countries*. Washington D. C., United States Government Printing Office, 1973. 102 p.

Дата поступления статьи | Article received date
10.05.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
19.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.359

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-356-366

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТАТЬЕЙ 226¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАЛАШНИКОВА Елена Сергеевна*

✉ kalashnikova_es@mail.ru

Ул. Трудовая, 44, Благовещенск, 675009, Россия

***Аннотация.** Статья посвящена теоретическому обоснованию необходимости введения уголовно-правовых запретов на криминальные посягательства в сфере незаконного перемещения предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ; исследуются принципы и основания криминализации контрабанды в связи с ее повышенной общественной опасностью. Анализ основных составляющих социальной обусловленности уголовной ответственности позволяет установить обоснованность введения новых или существования уже действующих норм уголовного закона. Рассматривается общественная опасность контрабанды (ст. 226¹ УК РФ) как обязательный признак преступления, раскрывающий его социальную природу, а также социальная обусловленность установления уголовной ответственности по ст. 226¹ УК РФ в зависимости от степени и характера общественной опасности данного вида преступлений. Социальная оценка деяния как преступления основывается на его общественной опасности, юридически констатированной в принятом в установленном порядке нормативном правовом акте (федеральном законе), включенном в Уголовный кодекс Российской Федерации. Обращается внимание на то, что общественная опасность контрабанды заключается в угрозе внешнеэкономической безопасности России. При этом общественная опасность незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС (таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС) предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, в первую очередь связана с причинением вреда рыночным экономическим отношениям, развивающимся на пространстве ЕАЭС, образующем единую таможенную территорию, также с причинением материального вреда государству в виде неуплаченных таможенных платежей, гибелью либо повреждением особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов как предметов контрабанды. В условиях глобализации, развития рыночных отношений контрабанда по-прежнему остается наиболее распространенным и наиболее опасным из таможенных преступлений. Существование уголовно-правового запрета на ее совершение остается социально обусловленным, поскольку является сдерживающим фактором, позволяющим государству адекватно реагировать на указанные способы преступного поведения.*

***Ключевые слова:** контрабанда, статья 226¹ УК РФ, общественная опасность, социальная обусловленность.*

* Старший помощник Благовещенского транспортного прокурора Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры.

Social Conditionality of Criminal Liability for a Crime Under Art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation

Kalashnikova Elena S.**

✉ kalashnikova_es@mail.ru

44 Trudovaya st., Blagoveshchensk, 675009, Russia

Abstract. The article is devoted to theoretical justification for the introduction of criminal prohibitions on criminal assault in the illicit movement of goods, specified in article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; the principles and bases of criminalization of smuggling in connection with her increased public danger. The analysis of the main components of social conditionality of criminal responsibility allows us to establish the validity of the introduction of new or existing criminal law norms. The article considers the public danger of smuggling (art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation), as an obligatory sign of a crime, revealing its social nature and social conditionality of the criminal liability under article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, depending on the extent and nature of public danger of the given kind of crimes. The social assessment of an act as a crime is based on its social danger, which is legally established in a normative legal act (Federal law) adopted in accordance with the established procedure and included in the criminal code of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that the public danger of smuggling is a threat to the foreign economic security of Russia. At the same time, there is a public danger of illegal movement across the customs border of the EEU (the customs border of the Customs Union within the framework of the EEU) of items specified in art. 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation is primarily concerned with causing harm to market economic relations developing in the EEU area, which forms a single customs territory, as well as causing material damage to the state in the form of unpaid customs payments, death or damage to particularly valuable wild animals and aquatic biological resources as contraband items. Smuggling as a negative social phenomenon includes the organization of activities related to violation of the customs and border regime. In the context of globalization and the development of market relations, smuggling is still the most common and most dangerous of customs crimes. Accordingly, the existence of a criminal law ban on its Commission remains socially conditioned, since it is a deterrent that allows the state to respond adequately to these types of criminal behavior.

Keywords: smuggling, article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, public danger, social stipulation.

Установление уголовной ответственности отображает логически и социально обоснованный процесс криминализации общественно опасных деяний, в ходе которого получают отражение представления о социальной справедливости, являющейся «мерилом» ожиданий общества от существующей системы уголовно-правового принуждения [1, с. 76–79]. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) выступает единственным источником уголовного законодательства, и новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в него (ст. 1). Поскольку нормотворческая деятельность подчинена строгой юридической процедуре, произвольное установление уголовно-правовых запретов становится невозможным. Тем самым их «инструментальная» ценность способствует

установлению строгих масштабов запрещенного поведения и действий.

Определение социальной обусловленности действующих уголовно-правовых норм справедливо признается актуальной научной задачей [3, с. 13–19]. В связи с этим, а особенно с учетом уровня современного правового регулирования ответственности за таможенные правонарушения и преступления, представляет интерес исследование аспектов социальной обусловленности контрабанды предметов, указанных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ.

Контрабанду предметов относят к международным преступлениям. Одной из основных отраслей международного права является международное уголовное право [29, р. 321–330], осуществляющее правоохранительную функцию, которая выражается в выявлении и пресечении

** Senior Assistant of the Blagoveshchensk Transport Prosecutor at the East Siberian Transport Prosecutor's Office.

международных преступлений и правонарушений международного характера [6, с. 128–134].

Охранительная функция права состоит в защите жизненно важных интересов мирового сообщества в целом и каждого государства в отдельности, общества и личности, в поддержании правопорядка путем установления запретов и ограничений на перемещение объектов, угрожающих ценностям, признаваемым мировым сообществом, а также путем определения таможенных преступлений и иных правонарушений [19, с. 106–107].

Исследуя вопросы социальной обусловленности уголовной ответственности, нужно обратить внимание на ряд существенных обстоятельств.

Во-первых, отправной точкой для разработки уголовно-правового запрета выступает появление новых видов человеческого поведения, представляющего собой угрозу для нормального порядка функционирования общественных отношений [13, с. 42–43]. Их еще нельзя именовать общественно опасными, поскольку нормативный запрет их совершения отсутствует, а применение по аналогии уголовно-правовых норм не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Однако при устойчивой распространенности их совершения разрушающее воздействие на общественные отношения усиливается, и это может послужить основой для анализа характера и степени общественной опасности и последующей криминализации деяния.

Во-вторых, имеет значение сопоставительный анализ различных охранительных правовых инструментов, с помощью которого становится ясно, что только уголовно-правовой запрет способен служить адекватной защитой прав и законных интересов личности, общества и государства. При значительной дифференциации юридической ответственности разработка новых уголовно-правовых норм должна быть подчинена строгому учету характера и степени общественной опасности деяний. На при-

мере современного состояния правового регулирования ответственности в сфере таможенного дела можно видеть, в частности, что различные виды контрабанды влекут не только уголовно-правовые последствия (так, товарная контрабанда, за исключением табачных изделий и алкогольной продукции, преследуется в соответствии с административно-правовыми нормами: ст.ст. 16.1, 16.2, 16.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях). Из этого следует, что уголовная ответственность не является единственным способом правового реагирования на совершение контрабанды.

Следует отметить, что сформулированные в уголовно-правовой доктрине тезисы относительно критериев установления уголовной ответственности нашли поддержку в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, им обосновано, что процессы криминализации и декриминализации должны соответствовать справедливости¹ и что установление уголовной ответственности должно определяться критериями целесообразности, справедливости и социальной обусловленности². Тем самым появление уголовно-правового запрета, не отвечающего параметрам социальной обусловленности, главными из которых выступают характер и степень общественной опасности деяний, неконституционно.

Социальная оценка деяния как преступления основывается на его общественной опасности [21, с. 81–91], юридически констатированной в принятом в установленном порядке нормативном правовом акте (федеральном законе), включенном в Уголовный кодекс Российской Федерации. По мнению некоторых авторов, при этом учитывается способность органов уголовной юстиции адекватно реагировать на то количество общественно опасных деяний, которые совершаются в объективной реальности [27, с. 302]. Как представляется, этот тезис отражает

¹ По делу о проверке конституционности части второй статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, касающихся порядка приведения судебных решений в соответствие с новым уголовным законом, устраняющим или смягчающим ответственность за преступление, в связи с жалобами граждан А. К. Айжанова, Ю. Н. Александрова и других : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 апр. 2006 г. № 4-П // Рос. газ. 2006. 28 апр.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ломовой Ирины Олеговны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 5 пункта 13 постановления Государственной Думы от 24 апреля 2015 года № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 нояб. 2015 г. № 2659-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

принцип разумной криминализации, т. е. установление приоритета использования инструментов уголовно-правовой охраны только в тех случаях, когда иные отрасли права не могут защитить нормальный порядок функционирования общественных отношений.

С помощью криминализации не только реализуются меры социального контроля над преступностью [2, с. 7], но также обеспечивается защищенность личности, общества и государства от преступных посягательств, отличающихся не только самодетерминацией [17], но и способностью к значительной вариативности.

Не случайно, например, уже в период действия ст. 226¹ УК РФ перечень предметов, указанных в ее диспозиции, был дополнен такими позициями, как ценные дикие животные и водные биологические ресурсы³. Причиной этого стало увеличение количества выявленных фактов незаконного ввоза (вывоза) пород редких животных и водной фауны. Например, как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, дополняющему вышеуказанными позициями ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, в 2012 г. в результате контрабанды диких птиц государству был нанесен ущерб на сумму свыше 240 млн руб.⁴

Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу РФ, включает 413 видов животных, в том числе 258 видов позвоночных животных, из них – 65 видов млекопитающих (20 % общего количества видов млекопитающих, описанных на территории России)⁵. Столь значительный вариативный ряд, наряду со сверхкрупным ущербом от незаконных действий, отражает обоснованность состоявшегося законодательного решения и его направленность на охрану общественных отношений, связанных с обеспечением надлежащего порядка деятельности по сохранению редких видов животных и биологического разнообразия.

Как известно, до декабря 2011 г. уголовная ответственность за контрабанду предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, наступала по общим

правилам, регламентирующим последствия незаконного перемещения через таможенную границу товаров различного назначения. В статье 188 УК РФ была выделена квалифицированная часть (ч. 3), в которой предусматривалось наказание за контрабанду оружия, культурных ценностей, сильнодействующих, радиоактивных, взрывчатых и иных опасных веществ, а также наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Однако в связи с предстоящим в 2012 г. вступлением России в ВТО и необходимостью гармонизации национального законодательства в рамках функционирования Евразийского экономического союза товарная контрабанда (незаконное перемещение через таможенную границу товаров, находящихся в свободном гражданском обороте) была декриминализована⁶, а иные – особо опасные – виды данного преступления получили отражение в запретах, более соответствующих их непосредственному объекту. Такой подход соответствовал сложившейся социально-правовой ситуации, связанной с международной экономической интеграцией.

Социальная обусловленность установления уголовной ответственности по ст. 226¹ УК РФ может быть проиллюстрирована и на примере соотношения различных видов контрабанды, выявляемой таможенными органами. В современный период объемы внешнеэкономической деятельности являются значительными, и на этом фоне количество нелегальных операций, связанных с незаконным перемещением через таможенную границу товаров, легальный оборот которых ограничен, имеет тенденцию к увеличению. По данным ФТС России, в 2018 г. по факту совершения таможенных преступлений было возбуждено 1 745 уголовных дел, из которых 532 (30,5 %) – по признакам преступлений, предусмотренных ст. 226¹ УК РФ. Это число более чем в два раза превышает количество уголовных дел, возбужденных по факту совершения контрабанды наркотических средств, более чем в 10 раз – количество выявленных случаев контрабанды

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ // Рос. газ. 2013. 5 июля.

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 233026-6. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=233026-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=233026-6)

⁵ Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 17 февр. 2014 г. № 212-р. Доступ из СПС «Гарант».

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 дек.

алкогольной и табачной продукции, более чем в 8 раз – выявленных случаев контрабанды денежных средств⁷. Таким образом, таможенные преступления представляют серьезную угрозу мировому правопорядку [20, с. 777–785]. Из этого можно заключить, что уголовная ответственность по ст. 226¹ УК РФ отвечает критерию социальной обусловленности, наступая в связи с достаточно высокой распространенностью данного вида противоправного поведения. Кроме того, с учетом особенностей правового регулирования оборота предметов, перечисленных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, необходимо отметить, что именно уголовно-правовые инструменты охраны общественных отношений соответствуют характеру и степени общественной опасности их контрабанды.

Так, перечень предметов, контрабанда которых наказывается по ст. 226¹ УК РФ, обладает сложной структурой, включающей позиции, различные по назначению. Однако оборот большей части из них сам по себе требует установления серьезных ограничений (огнестрельное оружие, стратегически важные товары, ядовитые, отравляющие вещества), поскольку их свободное функционирование представляет угрозу для жизнедеятельности человека либо такие ограничения продиктованы особой ценностью этих предметов (ценные дикие животные, биологические ресурсы, культурные ценности), и их выбытие из-под российской юрисдикции ставит в угрожающее положение развитие общества и государства, сохранение для будущих поколений биологического разнообразия и культурного наследия.

При таких обстоятельствах наступление только уголовной ответственности за контрабанду этих предметов является полностью оправданным. В отличие от видов «экономической» контрабанды (ст.ст. 200¹, 200² УК РФ), в составах которых предусмотрен признак крупного размера, относящийся к их стоимости, в ст. 226¹ УК РФ количество незаконно перемещаемых предметов не имеет значения. Для сравнения, «экономическая» контрабанда может влечь и административную ответственность, если стоимость незаконно перемещаемых предметов не образует признака крупного размера.

О распространенности контрабанды вообще можно судить из приведенных на рисунке дан-

ных, отражающих результаты оперативно-служебной деятельности таможенных органов РФ за 2017–2018 гг. [26, с. 53].

Рис. 1. Сведения о количестве возбужденных уголовных дел по ст.ст. 200¹, 200², 226¹, 229.1 УК РФ

Из приведенных данных видно, что в 2017–2018 гг. наиболее активно факты контрабанды выявлялись Северо-Западным, Сибирским и Дальневосточным таможенным управлением, которые осуществляют оперативно-служебную деятельность в наиболее сложных условиях, поскольку их подразделения реализуют должностные полномочия на территориях обслуживания, характеризующихся высоко активной внешне-экономической деятельностью, а также большим транзитным потоком грузов и человеческих ресурсов. В результате значительный объем работы позволяет активно выявлять факты контрабанды, в том числе контрабанды оружия и других предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ.

Характеризуя социальную обусловленность установления уголовной ответственности за данный вид контрабанды, необходимо отметить следующее.

Контрабанда предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, является структурным компонентом сверхдоходного криминального бизнеса и способом незаконного обогащения лиц, причастных к транснациональной организованной преступной деятельности. Так, нелегальная торговля оружием, по данным Интерпола, приносит доходы, исчисляемые миллиардами долларов [10, с. 101]. По сведениям Всемирного фонда дикой природы, контрабанда редких видов флоры

⁷ Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за январь–декабрь 2018 года. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=26951:-9-2018-&catid=55:2011-01-24-16-40-26

и фауны по объему уступает только незаконному трансграничному перемещению наркотиков и оружия и приносит прибыль не менее 1,5 млрд долларов в год [18, с. 4–5]. Совершение контрабанды культурных ценностей чревато их утратой для будущих поколений и наносит ущерб, в том числе и непосредственно музейному делу, нарушая нормальный порядок экспонирования таких произведений. Контрабанда сильнодействующих, радиоактивных, ядовитых веществ, а также ядерных материалов, товаров стратегического назначения и оборудования, используемого для их производства, угрожает не только безопасности общества, но и безопасности государства, поскольку при ее совершении в распоряжении враждебных России стран могут оказаться сведения, составляющие государственную тайну.

Незаконное перемещение оружия и иных опасных предметов может привести к дестабилизации ситуации в различных регионах, способствовать возникновению кровавых вооруженных конфликтов, спровоцировать активизацию террористической деятельности [7, с. 57–62]. Стратегия национальной безопасности одной из угроз признает деятельность организованных групп, в том числе транснациональных, связанную с незаконным оборотом оружия⁸. При этом, как известно, очаги нестабильности присутствуют в непосредственной близости от территориальных границ России. Требуется не только активизация деятельности по выявлению контрабанды оружия, но и бескомпромиссное привлечение ее участников к уголовной ответственности.

Криминализация общественных отношений происходит, как справедливо указывают некоторые авторы, в условиях противоречивого процесса глобализации [12, с. 146–151]. Контрабанда как негативное социальное явление включает организацию деятельности, связанной с нарушением таможенного и пограничного режима. В условиях глобализации, когда правила трансграничного перемещения различных товаров, работ, услуг и ресурсов тяготеют к упрощению, контрабанда особо опасных предметов может мимикрировать и получать новые импульсы к расширению. Существование уголовно-правового запрета на ее совершение остается социально обусловленным, поскольку является сдерживающим фактором, позволяющим государству

адекватно реагировать на указанные способы преступного поведения.

Понятие общественной опасности получило достаточно подробное научное осмысление. Традиционно она признается материальным признаком преступления [9, с. 17]; свойством, отражающим способность преступного деяния причинять реальный или потенциальный вред общественным отношениям [25, с. 10]; характеристикой, отражающей социальную природу преступного поведения [24, с. 9], объективное антисоциальное состояние деяния [16, с. 56], т. е. его антиобщественную направленность. На этих устоявшихся тезисах основаны предложения рассматривать общественную опасность как генератор «состояния незащищенности» общественных отношений в результате совершения преступления, «социальную непереносимость» преступных деяний [23, с. 38–42] или содержание преступной деятельности [5, с. 62–69]. В целом каждое из высказанных суждений не противоречит другим, а также учитывает положения ч. 1 ст. 14 УК РФ, определяющие преступление как общественно опасное противоправное виновно совершенное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Следует поддержать мнение ученых, полагающих, что именно общественная опасность является исключительным свойством, присущим преступлению [14, с. 45]. Признание ее наличия в составе любого правонарушения [15, с. 31] представляется чрезмерным и не отвечающим задачам уголовного законодательства. Аналогично не вполне целесообразным видится характеристика процесса криминализации деяний с помощью категории «вредоносность». Так, степень вредоносности асоциальных поведенческих актов выступает необходимым критерием, благодаря которому законодатель признает то или иное деяние соответствующей разновидностью девиантного поведения – преступлением, административным правонарушением, гражданско-правовым деликтом [11, с. 51]. Но такой подход представляется чрезмерно усложненным и ведущим к затруднениям в разграничении этих разновидностей. Следует разграничить опасность и вредоносность: опасность – критерий криминализации, вредоносность – нет.

Общественная опасность определяется, таким образом, нарушением нормального порядка

⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утв. указом Президента Рос. Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Рос. газ. 2015. 31 дек.

общественных отношений, ущербом, который в результате совершения преступления им причиняется, а также значимостью этих отношений для личности, общества и государства. Общественная опасность конкретных форм человеческого поведения, запрещенных уголовным законом, отражается в отдельных уголовно-правовых нормах. Тем самым законодатель показывает, какой вред для общества наносится при совершении преступлений, а кроме того, непосредственно в нормах Особенной части УК РФ детализирует структуру общественных отношений, испытывающих негативное воздействие в результате преступного посягательства.

Следует также отметить, что предметное определение общественной опасности включает несколько научных подходов.

Сторонники одного из них полагают, что общественная опасность – это обязательный признак преступления, раскрывающий его социальную природу [28, с. 185–188]. Содержание общественной опасности изменчиво, испытывает воздействие эволюции преступного поведения (например, при возникновении новых преступных проявлений в динамично развивающихся сферах человеческой деятельности), и это влечет модернизацию законодательного описания отдельных видов преступных посягательств.

Сторонники другого подхода также полагают, что общественная опасность не является постоянной величиной [8, с. 242]. Признак общественной опасности эволюционирует, вследствие чего общественно опасными становятся те деяния, которые признаются в этом качестве законодателем в определенный период. В целом это справедливо, однако существует достаточно большое количество уголовно-правовых запретов, целесообразность сохранения которых с древнейших времен сомнений не вызывает (в том числе, ответственность за наиболее опасные виды контрабанды).

И наконец, имеется научная позиция, в соответствии с которой деяние становится общественно опасным не столько по воле законодателя, сколько в связи с нарушением охраняемых законом интересов личности, общества и государства. Действительно, законодатель в таких случаях устраняет объективно существующий пробел, который может быть выявлен в результате правоприменительной, конституционно-контрольной, научной и иной деятельности.

Соответственно, изначально такие деяния являются в условиях объективной реальности, затем – в связи с их устойчивой распространенностью – в поле зрения законодателя. Действуя в целях преодоления имеющегося правового пробела, законодатель легитимизирует представления об общественной опасности конкретного деяния в Уголовном кодексе РФ, устанавливая пределы наказания за его совершение.

Анализ высказанных суждений позволяет заключить, что в правовой доктрине сложилось понимание общественной опасности как доминантного признака преступления, отражающего его антисоциальную направленность и способность нанести неизбежный или высоко вероятный вред общественным отношениям.

В соответствии с правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ основными характеристиками общественной опасности выступают ее характер и степень. Характер общественной опасности определяется ценностью объекта посягательства (его направленностью на охраняемые уголовным законом ценности) и существенностью (устранимостью, возможностью компенсации) причиненного вреда. В свою очередь, степень общественной опасности зависит от интенсивности преступного поведения, характера и размера наступивших последствий, формы вины, роли подсудимого в совершении группового преступления, наличия (отсутствия) обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание⁹.

Проецируя эти подходы на состав контрабанды предметов, указанных в ч. 1 ст. 226¹ УК РФ, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, общественная опасность данного вида контрабанды детерминируется особым правовым режимом оборота, использования или доступа к этим предметам. То есть, их свободное (неподконтрольное) трансграничное перемещение изначально недопустимо, поскольку они или обладают опасными свойствами (оружие, радиоактивные вещества), или требуют особого обращения (культурные ценности), или находятся под особой охраной (стратегически важные товары, объекты животного или растительного мира). При нарушении установленных правил их перемещения через таможенную границу возникает реальная угроза их выбытия из законного владения либо угроза их использования в противоправных целях. Степень реализации этой

⁹ О практике назначения судами уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 // Рос. газ. 2015. 29 дек.

угрозы зависит и от того, в какой момент пресекается факт контрабанды.

Во-вторых, характер общественной опасности данного вида контрабанды определяется тем, что при ее совершении нарушается нормальный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, а также состояние защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории. При этом может быть нанесен неустраняемый вред (например, при фактическом выбытии культурных ценностей из музейного фонда, при их утрате или повреждении, сопряженном с невозможностью реставрации).

В-третьих, степень общественной опасности контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, определяется ее умышленной направленностью и корыстной мотивацией, созданием условий для причинения вреда жизни, здоровью и другим благам, высоко организованным характером преступной деятельности.

Кроме характера и степени общественной опасности, параметром социальной обусловленности криминализации деяний является, несомненно, структура общественных отношений, нормальный порядок которых может быть нарушен в результате преступных действий. На примере ст. 226¹ УК РФ, включенной в главу о преступлениях против общественной безопасности, это представляется бесспорным. Поддержание общественной безопасности на уровне, соответствующем установленной конституционно главной задаче государства – защите прав человека, определяет социальную обусловленность уголовной ответственности за данный вид контрабанды.

Значение структуры общественных отношений, подвергающихся разрушающему воздействию при совершении преступлений, достаточно велико. Исходя из этой структуры, ученые определяют наличие действительной потребности в установлении конкретного уголовно-правового запрета. Обоснованность и своевременность криминализации общественно опасных деяний уже были предметом научных исследований [22, с. 10]. Поддержание состояния защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории возможно только посредством уголовно-правового запрета.

Аргументируя этот тезис, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, бесконтрольное трансграничное перемещение таких предметов способствует их последующему незаконному обороту на территории государства.

Во-вторых, при широком распространении контрабанды таких предметов создается дополнительная угроза жизни и здоровью людей (например, при внутренней и трансграничной перевозке опасных предметов и веществ).

В-третьих, такие предметы могут использоваться для совершения иных преступлений лицами, ставшими их незаконными владельцами, что ослабляет защищенность социума от насильственных и иных посягательств (например, при увеличении объемов нелегального оборота оружия за счет предметов, незаконно перемещенных на территорию государства из-за границы).

Приведенные аргументы позволяют положительно оценить установление уголовной ответственности за совершение контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, в главе о преступлениях против общественной безопасности.

При оценке социальной обусловленности установления уголовной ответственности за контрабанду предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, необходимо обратить внимание и на такое обстоятельство, как связь противоправного поведения с коррупционной деятельностью сотрудников таможенных органов. Она служит дополнительным условием, отражающим необходимость криминализации контрабанды. Обосновывая это суждение, можно привести следующие доводы.

При вовлечении в совершение данного преступления сотрудников таможенных органов реализация преступного умысла облегчается, создается возможность для беспрепятственного перемещения через таможенную границу товаров, свободный оборот которых ограничен или запрещен, защищенное состояние национальной безопасности подвергается разрушающему воздействию. В системе органов ФТС России антикоррупционное противодействие ведется достаточно активно (так, в 2018 г. было возбуждено 251 уголовное дело в отношении сотрудников таможенных органов, избличенных в получении взяток и совершении других преступлений коррупционной направленности¹⁰).

¹⁰ Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2018 год. URL: http://service.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=27144:-----2018-&catid=76:2011-01-25-08-23-45&Itemid=1856

Однако поскольку коррупционное поведение должностных лиц таможенных органов характеризуется высокой латентностью [4, с. 183–191], его взаимосвязь с преступлениями, совершаемыми другими лицами, не всегда очевидна.

Например, приговором суда по ч. 3 ст. 226¹, ч. 3 ст. 291 УК РФ осуждены восемь граждан, объединившихся в организованную группу, занимавшуюся незаконным вывозом из России редких видов птиц (сокол, кречет). Лидеры группы вступили в преступный сговор с сотрудниками правоохранительных органов, контролировавших погрузку транзитного багажа в авиатранспортные средства. Сумма ущерба, причиненного преступными действиями, доказанного при рассмотрении настоящего дела, превысила 50 млн руб. При этом за незаконные действия, совершаемые должностными лицами, виновными выплачивались суммы, не превышающие 20 тыс. руб. по каждому из доказанных эпизодов¹¹. Из этого можно заключить, что «коррупционный взнос» рассматривается лицами, причастными к контрабанде предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, как допустимые издержки, облегчающие безопасное и длительное ведение криминального бизнеса и не являющиеся при этом существенными на фоне потенциально ожидаемой прибыли. Приведенный пример иллюстрирует, что уголовная ответственность по ст. 226¹ УК РФ получает субординационную взаимосвязь с противодействием коррупции, т. е. выполняет и внутрисистемную задачу.

Контрабанда предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, приобретает черты общественной опасности, отличающие ее в этой части от других преступлений, предусмотренных гл. 24 УК РФ.

Таким образом, установление уголовной ответственности за контрабанду предметов, свободный оборот которых ограничен, является социально обусловленным, поскольку данное деяние разрушает нормальный порядок функционирования общественных отношений, регулирующих порядок доступа к этим предметам или их использования, способствует существованию доходного трансграничного криминального бизнеса, способствует совершению коррупционных преступлений сотрудниками таможенных органов.

В заключение необходимо сделать следующие выводы.

1. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за контрабанду предметов, указанных в ст. 226¹ УК РФ, определяется рядом параметров, главными из которых выступают относительная распространенность этой формы противоправного поведения, создание угрозы нормальному порядку оборота указанных предметов, а также достаточно высокая общественная опасность.

2. Характер общественной опасности данного вида контрабанды определяется тем, что при ее совершении нарушается нормальный порядок перемещения товаров и иных предметов через таможенную границу, а также состояние защищенности личности, общества и государства от незаконного оборота опасных предметов на его территории.

3. Степень общественной опасности контрабанды предметов, перечисленных в ст. 226¹ УК РФ, определяется ее умышленной направленностью и корыстной мотивацией, созданием условий для причинения вреда жизни, здоровью и другим благам, высоко организованным характером преступной деятельности.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права : учеб. 2-е изд. М. : Проспект, 2008. 565 с.
2. Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 182 с.
3. Атагимова Э. И., Потемкина А. Т., Цопанова И. Г. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета и ее реализация в законодательстве // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 13–19.
4. Ахметов М. Г. Современные взгляды на противодействие коррупции в таможенных органах Российской Федерации // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 6. С. 183–191. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-183-191.
5. Безбородов Д. А. Показатели общественной опасности многосубъектных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 62–69.
6. Волеводз А. Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал. 2010. № 11 (30). С. 128–134.
7. Вольф С. П. О проблеме контрабанды оружия в России // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2014. № 2. С. 57–62.

¹¹ *Архив* Химкинского городского суда Московской области за 2017 г. Уголовное дело № 1-258/2017.

8. Гишинский Я. И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 322 с.
9. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М. : Юрлитинформ, 2012. 152 с.
10. Задоян А. А., Мацкевич И. М., Чучаев А. И. Проблемы криминологического предупреждения незаконного оборота оружия. М. : Проспект, 2016. 128 с.
11. Иванов Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации : моногр. М. : Проспект, 2017. 80 с.
12. Клейменов М. П., Клейменов И. М. Криминализация государства в контексте глобализации // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2018. № 2. С. 146–151.
13. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М. : Городец, 2007. 332 с.
14. Кузнецова Н. Ф. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М. : Изд-во МГУ, 1989.
15. Куликов Е. А. Общественная опасность деяния как главный признак правонарушения // Юридические исследования. 2016. № 1. С. 18–48. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.1.17662.
16. Ляпунов Ю. И. Категория общественной опасности как универсальная категория уголовного права. М. : МЮЗСШ МВД СССР, 1989.
17. Макаров В. В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 183 с.
18. Надзор за объектами СИТЕС в Восточной Европе. Варшава : ОБСЕ, 2016. 109 с.
19. Овчинников С. Н. О функциях международного таможенного права // Евразийская адвокатура. 2013. № 2 (3). С. 106–107.
20. Овчинников С. Н. Таможенные преступления в международном праве: проблема разграничения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 777–785. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).777-785.
21. Прокументов Л. М. Основание криминализации (декриминализации) деяний // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2014. № 4. С. 81–91.
22. Радошнова Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 276 с.
23. Рожнов А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? // Правовая парадигма. 2017. Т. 16, № 3. С. 38–42. DOI: 10.15688/le.jvolsu.2017.3.6.
24. Смирнов А. М. Учение об общественно опасных формах преступного деяния : моногр. М. : Юрлитинформ, 2016. 202 с.
25. Сотсков Ф. Н. Общественная опасность деяния в уголовном праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 176 с.
26. Таможенная служба Российской Федерации в 2018 году. М. : ФТС России, 2019.
27. Уголовное право. Общая часть. Преступление : академ. курс в 10 т. / отв. ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. Т. 5 : Понятие преступления. Состав преступления. 595 с.
28. Шеслер А. В. Понятие преступления в российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 2 (31). С. 185–188.
29. Sekuloski V. International Criminal Law // European Scientific Journal. 2013. Vol. 9, № 28. P. 321–330.

References

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 565 p.
2. Antonov A. D. *Teoreticheskie osnovy kriminalizatsii i dekriminalizatsii*. Dis. kand. jurid. nauk [Theoretical Foundations of Criminalization and Decriminalization. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2001. 182 p.
3. Atagimova E. I., Potemkina A. T., Tsopanova I. G. *Sotsial'naya obuslovlennost' ugolovno-pravovogo zapreta i ee realizatsiya v zakonodatel'stve* [Social Conditionedness of the Criminal Law Ban and Its Implementation in the Law]. *Pravovaya informatika – Legal Informatics*, 2016, no. 3, pp. 13–19.
4. Akhmetov M. G. *Sovremennye vzglyady na protivodeistvie korruptsii v tamozhennykh organakh Rossiiskoi Federatsii* [Today's Views on Counteracting Corruption in Customs Bodies of the Russian Federation]. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova – Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2017, no. 6, pp. 183–191. DOI: 10.21686/2413-2829-2017-6-183-191.
5. Bezborodov D. A. *Pokazateli obshchestvennoi opasnosti mnogosub'ektnykh prestuplenii* [Indicators of Social Danger of Multi-Subject Crimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2018, no. 3 (86), pp. 62–69.
6. Volevodz A. G. *Mezhdunarodnaya pravookhranitel'naya deyatelnost' i mezhdunarodnye pravookhranitel'nye organizatsii: opredelenie ponyatii* [International Law Enforcement Activity and Institutions of International Law Enforcement: Notions]. *Evrasiiskii juridicheskii zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2010, no. 11 (30), pp. 128–134.
7. Wolf S. P. *O probleme kontrabandy oruzhiya v Rossii* [About the Problem of Smuggling Weapons in Russia]. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii – Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2014, no. 2, pp. 57–62.
8. Gilinskii Ya. I. *Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyi kontrol'* [Deviance, Crime, Social Control]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004. 322 p.
9. Epifanova E. V. *Obshchestvennaya opasnost' kak nauchnaya kategoriya, zakonodatel'naya definiitsiya: istoriya i sovremennost'* [Social Danger as a Scientific Category, Legislative Definition: History and Modernity]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2012. 152 p.

10. Zadoyan A. A., Matskevich I. M., Chuchaev A. I. *Problemy kriminologicheskogo preduprezhdeniya nezakonno go oborota oruzhiya* [Problems of Criminological Prevention of Illegal Arms Trafficking]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 128 p.
11. Ivanov N. G. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak ontologicheskaya osnova kriminalizatsii* [Social Danger of an Act as an Ontological Basis of Criminalization]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 80 p.
12. Kleimenov M. P., Kleimenov I. M. *Kriminalizatsiya gosudarstva v kontekste globalizatsii* [Criminalization of the State in the Context of Globalization]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*, 2018, no. 2, pp. 146–151.
13. Kuznetsova N. F. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of Qualification of Crimes]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. 332 p.
14. Kuznetsova N. F. *Ugolovnyi zakon: opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal Law: the Experience of Theoretical Modeling]. Moscow, MSU Publ., 1989.
15. Kulikov E. A. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak glavnyi priznak pravonarusheniya* [Social Danger of a Deed as the Main Attribute of a Misdeed]. *Yuridicheskie issledovaniya – Legal Studies*, 2016, no. 1, pp. 18–48. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.1.17662.
16. Lyapunov Yu. I. *Kategoriya obshchestvennoi opasnosti kak universal'naya kategoriya ugovnogo prava* [The Category of Public Danger as a Universal Category of Criminal Law]. Moscow, 1989.
17. Makarov V. V. *Kriminologicheskoe issledovanie samodeterminatsii prestupnosti*. Dis. kand. jurid. nauk [Criminological Study of Self-Determination of Crime. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2014. 183 p.
18. *Nadzor za ob'ektami SITES v Vostochnoi Evrope* [Supervision of CITES Objects in Eastern Europe]. Warsaw, OSCE Publ., 2016. 109 p.
19. Ovchinnikov S. N. *O funktsiyakh mezhdunarodnogo tamozhennogo prava* [About Functions of the International Customs Law]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*, 2013, no. 2 (3), pp. 106–107.
20. Ovchinnikov S. N. *Tamozhennye prestupleniya v mezhdunarodnom prave: problema razgranicheniya* [Customs Crimes in International Law: the Problem of Delimitation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 4, pp. 777–785. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(4).777-785.
21. Prozumentov L. M. *Osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyani* [The Grounds for Criminalization and Decriminalization of Acts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo – Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 4, pp. 81–91.
22. Radoshnova N. V. *Kriminalizatsiya (dekriminalizatsiya) v ugovnom prave Rossii*. Dis. kand. jurid. nauk [Criminalization (Decriminalization) in the Criminal Law of Russia. Cand. Legal Sci. Dis.]. Saratov, 2015. 276 p.
23. Rozhnov A. P. *Nuzhna li rossiiskomu pravu kategoriya obshchestvennoi opasnosti?* [Does the Russian Law Need the Category of Public Danger?]. *Pravovaya paradigma – Legal Concept*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 38–42. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.3.6.
24. Smirnov A. M. *Uchenie ob obshchestvenno opasnykh formakh prestupnogo deyaniya* [The Teaching About Socially Dangerous Forms of a Criminal Act]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 202 p.
25. Sotskov F. N. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya v ugovnom prave Rossii*. Dis. kand. jurid. nauk [The Public Danger of an Act in the Criminal Law of Russia. Cand. Legal Sci. Dis.]. Moscow, 2009. 176 p.
26. *Tamozhennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v 2018 godu* [Customs Service of the Russian Federation in 2018]. Moscow, Federal Customs Service of Russia Publ., 2019.
27. Lopashenko N. A. (Ed.). *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. T. 5 : Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Criminal Law. A Common Part. The Crime. Vol. 5: Crime Concept. Corpus Delicti]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 595 p.
28. Shekler A. V. *Ponyatie prestupleniya v rossiiskom ugovnom zakonodatel'stve* [The Concept of a Crime in the Russian Criminal Legislation]. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2014, no. 2 (31), pp. 185–188.
29. Sekuloski B. *International Criminal Law. European Scientific Journal*, 2013, vol. 9, no. 28, pp. 321–330.

Дата поступления статьи | Article received date

24.12.2019

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

08.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

УДК 343.3/.7

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-367-376

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УГОНА СУДНА ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ЛИБО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА (СТАТЬЯ 211 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

КРАЕВ Денис Юрьевич*

✉ k.d1979@yandex.ru

Литейный пр., 44, Санкт-Петербург, 191104, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, предусмотренного ст. 211 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на то что данная статья присутствует в УК РФ с момента его принятия, следует констатировать недостаточность теоретических исследований, посвященных ее анализу, а также существование в судебной практике сложностей применения этой нормы. Кроме того, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ в ст. 211 УК РФ была введена новая часть 4, предусматривающая ответственность за сопряженность угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава с террористическим актом либо иным осуществлением террористической деятельности, что ввиду отсутствия специальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ породило дополнительные квалификационные проблемы для правоприменителя. Анализируя действующее законодательство, положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», научные позиции и судебные решения по данным вопросам, автор приходит к следующим, как представляется, интересным для теории и практики выводам. Маломерные суда водного транспорта относятся к предмету угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 211 УК РФ, и сопряженного с ним террористического акта требует квалификации по совокупности ч. 4 ст. 211 и ст. 205 УК РФ. Военные воздушные и водные суда (военные катера, подводные лодки и др.) также являются предметом преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, сопряженные с убийством, посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, государственного или общественного деятеля, квалифицируются по совокупности ст.ст. 211 и 105, 277, 295, 317 УК РФ. При угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона, совершенном с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, помимо п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ, дополнительной квалификации по чч. 1, 2 ст. 111, ст.ст. 112, 115, 117, 119 УК РФ не требуется. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава нередко сопряжен с нарушением предусмотренных ст. 263 УК РФ правил безопасности движения и эксплуатации соответствующего транспорта: содеянное охватывается ст. 211 УК РФ, если нарушение указанных в ст. 263 УК РФ правил выразилось в самом угоне; если же нет – возможна квалификация по совокупности ст.ст. 211, 263 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация, угон, захват в целях угона, судно воздушного транспорта, маломерные суда водного транспорта, железнодорожный подвижной состав, насилие, опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия; смерть человека или иные тяжкие последствия, террористический акт, террористическая деятельность, сопряженность, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена.

* Доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Some Issues of Qualification of the Hijacking of an Aircraft, a Sea-Going Ship, or a Railway Train (Article 211 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Kraev Denis Yu.**

✉ k.d1979@yandex.ru

44 Liteiny pr., Saint Petersburg, 191104, Russia

Abstract. The article is devoted to the problems of qualification of hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train, provided for by Art. 211 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite the fact that Art. 211 has been present in the Criminal Code of the Russian Federation since its adoption, it should be noted that there is a lack of theoretical research on its analysis, as well as the existence in court practice of the difficulties of applying this norm (in addition, Federal Law No. 130 of May 5, 2014 -FZ in Art. 211 of the Criminal Code of the Russian Federation a new Part 4 was introduced, providing for liability for the combination of hijacking of a ship of air or water transport or railway rolling stock with a terrorist act or other terrorist second activity that, in the absence of specific explanations of the Plenum of the Supreme Court, has created additional challenges for law-qualification). This determines the relevance of the chosen topic. Analyzing the current legislation, the provisions of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 9, 2008 No. 25 "On judicial practice in cases of crimes related to violation of the rules of the road and the operation of vehicles, as well as their unlawful seizure without the purpose of theft", scientific positions and court decisions on these issues, the author comes to the following conclusions that seem interesting for theory and practice. Small boats of water transport relate to the subject of hijacking of a ship of air or water transport or railway rolling stock, and the commission of a crime under Part 4 of Art. 211 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the associated terrorist act, requires qualification in the aggregate of Part 4 of Art. 211 and Art. 205 of the Criminal Code. Military aircraft and boats, submarines, etc.) are also the subject of a crime under Art. 211 of the Criminal Code. The of hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train, as well as the seizure of such a ship or train for the purpose of hijacking, associated with the murder, assault on the life of a law enforcement officer, person conducting justice or preliminary investigation, a state or public figure are qualified in the aggregate of Art. 211 and Art. 105, Art. 277, Art. 295, Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation. When of hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train, as well as hijacking such a ship or train for the purpose of hijacking, committed with the use of violence dangerous to the life or health of the victim, or with the threat of such violence, in addition to item "c" of Part 2 of Art. 211 of the Criminal Code of the Russian Federation of additional qualification in parts 1, 2 of Art. 111, Art. 112, Art. 115, Art. 117, Art. 119 of the Criminal Code is not required. The of hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train is often fraught with violation of the traffic safety rules and operation of the relevant transport provided for in Art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation: the deed is covered by Art. 211 of the Criminal Code, if the violation specified in Art. 263 of the Criminal Code of the Russian Federation expressed itself in theft; if not, qualification is possible in the aggregate of art. 211,263 of the Criminal Code.

Keywords: qualification; hijacking; hijacking; air transport vessel; small vessels of water transport; railway train; violence dangerous to life or health, or the threat of such violence; death of a person or other grave consequences; terrorist act; terrorist activity; conjugation; violation of traffic safety rules and operation of railway, air, sea and inland water transport and the subway.

Частью 1 ст. 211 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона. В отличие от ст. 211

УК РФ ст. 213² УК РСФСР 1960 г. содержала состав угона только находящихся на земле или в полете воздушных судов.

Норму, аналогичную предусмотренной ч. 1 ст. 211 УК РФ, содержат уголовные кодексы, например, Беларуси (ст. 311), Казахстана (ст. 270),

** Docent of the Department of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law at Saint-Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Docent.

Киргизии (ст. 251). Сходные составы имеются в УК Молдовы (ст. 275), УК Украины (ст. 278), УК Франции (ст. 224-6) и т. д.

В УК РФ статья, посвященная угону судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава расположена в гл. 24 «Преступления против общественной безопасности», однако в УК ряда стран (например, Беларуси, Молдовы, Украины) рассматриваемое преступление отнесено законодателем к транспортным.

Нормативной основой противодействия угону судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава являются Гагская конвенция «О борьбе с незаконным захватом воздушных судов» 1970 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г., Монреальская конвенция «О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации» 1971 г., Токийская конвенция «О преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов» 1963 г. и др. [7, с. 235].

В теории и судебно-следственной практике квалификация деяний, предусмотренных ст. 211 УК РФ, вызывает определенные сложности, поэтому рассмотрим некоторые вопросы уголовно-правовой оценки угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава.

1. Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, является общественная безопасность в сфере движения и эксплуатации судов воздушного и водного транспорта, а также железнодорожных подвижных составов [1, с. 17; 2, с. 270], а предметом – судно воздушного транспорта, судно водного транспорта и железнодорожный подвижной состав.

Согласно ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации воздушное судно – это летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности

земли или воды (самолеты, дирижабли, планеры, автожиры, вертолеты¹ и др.)

В соответствии с Федеральным законом от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» железнодорожный подвижной состав – это локомотивы, грузовые вагоны, пассажирские вагоны локомотивной тяги и мотор-вагонный подвижной состав, а также иной предназначенный для обеспечения осуществления перевозок и функционирования инфраструктуры железнодорожный подвижной состав (ст. 2)².

Так, по одному из дел предметом угона железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ) стал тепловоз ЗТЭ10МК³.

Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации определяет судно как «самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для использования в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река– море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода» (ст. 3). К судам водного транспорта относятся, в частности, корабли, катера, яхты.

Так, Ч. был осужден по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ за угон теплохода⁴.

В статье 7 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации содержится положение о том, что маломерное судно – это судно, длина которого не должна превышать 20 м и общее количество людей на котором не должно превышать 12.

Статья 166 УК РФ устанавливает ответственность за угон автомобиля или иного транспортного средства, не относящегося к судну водного или воздушного транспорта либо железнодорожному подвижному составу, поскольку более строгое наказание за угон последних предусмотрено отдельной ст. 211 УК РФ.

В судебной практике угон маломерных судов водного транспорта чаще квалифицируется по ст. 166 УК РФ⁵, а не по ст. 211 УК РФ⁶.

¹ См., напр.: Апелляционное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 апр. 2013 г. № 2-АПУ13-4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Рос. газ. 2003. 18 янв.

³ Приговор Хабаровского краевого суда от 20 сент. 2018 г. по делу № 2-20/18. URL: <http://www.sudact.ru>

⁴ Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 21 февр. 2003 г. Дело № 44-о02-181. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Так, Верховный Суд РФ в своем определении от 4 сентября 2002 г. № 32-кпо02-1вт отметил, что П. Р., П. Д., Б. правильно были осуждены приговором Саратовского областного суда от 12 апреля 2002 г. по ч. 4 ст. 166 УК РФ, поскольку «маломерное судно – катер “Амур” не относится к судну водного транспорта, за угон которого предусмотрена уголовная ответственность по ст. 211 УК РФ» (Доступ из СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Например, Волжским районным судом Саратовской области З. был осужден по ч. 1 ст. 211 УК РФ за угон моторной лодки (Дело № 1-64/2004 // Архив Волжск. район. суда Саратов. обл. за 2004 г.).

В научной литературе на этот счет нет единства мнений.

Так, часть правоведов предлагает квалифицировать угоны маломерных судов водного транспорта по ст. 166 УК РФ [1, с. 8, 18; 5, с. 93].

Другие считают, что «на сегодняшний день по УК РФ действия, выразившиеся в неправомерном завладении маломерными водными судами без цели хищения, не являются преступлениями» [3, с. 35–41]. Возможно, имеется в виду, что вопрос о признании неправомерного завладения маломерными водными судами без цели хищения малозначительным решается с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, согласно которой, «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»? В противном случае согласиться с рассматриваемым утверждением нельзя.

Некоторые ученые относят маломерные суда водного транспорта к предмету преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ [4, с. 451].

Как отмечает А. И. Коробеев, «в советский период угоны водно-транспортных средств были криминализованы лишь в УК Латвии (ст. 297). В УК РСФСР 1960 г. на сей счет имелся пробел. Практика поэтому вынуждена была квалифицировать подобные действия чаще всего по ст. 213 УК РФ (нарушение действующих на транспорте правил), реже – по ст. 212¹ УК РФ (угоны транспортных средств). С принятием УК РФ 1996 г. ситуация резко изменилась. В статье 211 УК РФ не содержится никаких ограничений ни по категориям водно-транспортных средств, ни по субъекту. Нет поэтому ни малейших оснований для того, чтобы искусственно разрывать единое понятие водно-транспортных средств и одну часть угонов морских и речных судов квалифицировать по ст. 211, а другую – по ст. 166 УК РФ... К предмету рассматриваемого преступления можно отнести... моторные боты, катера, лодки, катамараны, яхты, водные мотоциклы и т. п... По этой же норме (а не по ст. 166 УК РФ, как ошибочно полагают отдельные ученые) следует квалифицировать действия лиц, угоняющих маломерные морские или речные суда (моторные лодки, катера, яхты и т. п.). Противоречивую позицию по данному вопросу заняла высшая судебная

инстанция страны. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25... необоснованно констатируется, что к предмету преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, можно относить катера и моторные лодки» [2, с. 250, 271].

Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» «под иными транспортными средствами, за угон которых без цели хищения предусмотрена уголовная ответственность по статье 166 УК РФ, следует понимать транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации предоставляется специальное право (автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, мопеды, трактора и другие самоходные машины, иные транспортные средства с двигателем внутреннего сгорания или электрическим двигателем, а также маломерные катера, моторные лодки и иные суда, угон которых не содержит признаков преступления, предусмотренного статьей 211 УК РФ). Не являются предметом данного преступления велосипеды, гребные лодки, гужевого транспорт и т. п.»⁷.

На наш взгляд, поскольку ст. 211 УК РФ не содержит ограничений ни по форме собственности на водное или воздушное судно либо железнодорожный подвижной состав, ни по их грузоподъемности, длине, взлетной массе, целевому назначению, валовой вместимости, мощности двигателя и т. д., к предмету рассматриваемого преступления, исходя из действующей редакции ст. 211 УК РФ, относятся в том числе и маломерные суда водного транспорта: если бы законодатель посчитал необходимым исключить их из предмета угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, то внес бы в диспозицию ч. 1 ст. 211 УК РФ (при принятии уголовного закона в 1996 году или в дальнейшем) соответствующую оговорку, например, «за исключением маломерных судов водного транспорта», как это сделано, в частности, в ст. 268 «Захват воздушного и водного транспортного средства» УК Латвии («захват на земле, воде или в полете

⁷ Рос. газ. 2008. 26 дек.

воздушного или водного транспортного средства, за исключением малогабаритных транспортных средств»). В УК Беларуси такое исключение предусмотрено в сходной со ст. 166 УК РФ норме о «неправомерном завладении транспортным средством или маломерным судном и поездке на нем без цели хищения (угоне)» (ст. 214 «Угон транспортного средства или маломерного судна»).

И отечественный законодатель в самом УК РФ проводит четкое нормативное разграничение между неправомерными действиями с «легкими (сверхлегкими) воздушными судами или маломерными судами» (ст. 263) и со всем остальным воздушным, морским и внутренним водным транспортом. Поэтому исключение маломерных судов водного транспорта из сферы действия ст. 211 УК РФ должно осуществляться не судебными органами, а законодателем, если он сочтет это нужным. Тем более, что сделать это несложно: надо лишь добавить в диспозицию ч. 1 ст. 211 УК РФ оговорку «за исключением маломерных судов водного транспорта» или же указать на «маломерное судно водного транспорта» в качестве предмета угона в ч. 1 ст. 166 УК РФ.

Военные воздушные и водные суда (военные катера, подводные лодки и др.) также являются предметом преступления, предусмотренного ст. 211 УК РФ, поскольку данная норма не содержит ограничения по их ведомственной принадлежности, а в гл. 33 УК РФ «Преступления против военной службы» отсутствует специальный состав угона или захвата водных и воздушных военных судов.

2. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, характеризуется прямым умыслом и целью угона при захвате судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава⁸: лицо осознает общественную опасность совершаемого им угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного

состава, а равно захвата такого судна или состава в целях угона и желает это совершить.

Целями и мотивами угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава нередко становятся желание переместиться в определенное место в пределах территории РФ или за ее границу (при наличии соответствующих признаков содеянное дополнительно квалифицируется по ст. 322 УК РФ); перевезти на судне (составе) предмет хищения⁹; в состоянии алкогольного опьянения «покататься» на них самому или «прокатить» знакомых лиц; облегчить совершение другого преступления, например, захвата заложников, террористического акта, государственной измены, шпионажа, диверсии, побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (в случаях совершения указанных преступлений требуется дополнительная квалификация по ст.ст. 205, 206, 275, 276, 281, 313 УК РФ¹⁰) и т. д.

Если лицо, совершившее угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, наряду с этим похищает находящееся в нем имущество, содеянное подлежит квалификации по ст. 211 и соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за хищение (например, по ст. 158 УК РФ).

Так, приговором Самарского областного суда от 13 мая 2019 г. П. был осужден по ч. 1 ст. 211 УК РФ за угон железнодорожного подвижного состава – тепловоза. Кроме того, П. и И. были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ за совершение кражи дизельного топлива из баков тепловоза группой лиц по предварительному сговору¹¹.

Сходное решение Забайкальский краевой суд принял по делу Д. и Ч.¹²

3. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 211 УК РФ, может быть совершено как с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения

⁸ См., напр.: Апелляционное определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 апр. 2014 г. № 4-АПУ14-21сп. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Так, С. был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ за тайное хищение 3702 кг дизельного топлива и по ч. 1 ст. 211 УК РФ – за угон железнодорожного подвижного состава – тепловоза с целью транспортировки данного дизельного топлива за пределы места его нахождения (Приговор Челябин. обл. суда от 13 сент. 2017 г. по делу № 2-48/17. URL: <http://www.sudact.ru>).

¹⁰ Предлагаемая здесь квалификация по совокупности ст. 211 УК РФ и ст. ст. 205, 206, 275, 276, 281, 313, 322 УК РФ обусловлена не совпадением, в первую очередь, объективной и субъективной стороны угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава и указанных преступлений.

¹¹ Приговор Самар. обл. суда от 13 мая 2019 г. по делу № 02-6/19. URL: <http://www.sudact.ru>

¹² Приговор Забайкал. краевого суда от 3 июня 2014 г. по делу № 2-42/2014. URL: <http://www.sudact.ru>

такого насилия, так и без насилия либо угрозы его применения (например, в случае угона судна в отсутствие экипажа и пассажиров).

К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относятся побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), не повлекших вреда здоровью и не создавших реальной опасности для жизни или здоровья¹³.

При угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона, совершенных с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, помимо ч. 1 ст. 211 УК РФ, дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК РФ не требуется.

По пункту «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ квалифицируются угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, совершенные «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия».

Насилие, опасное для жизни или здоровья – это насилие, которое повлекло причинение любого вида вреда здоровью либо хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья¹⁴.

Как отмечает Верховный Суд РФ, «для правильной квалификации посягательств, совершаемых с применением физического насилия, важное значение имеет вопрос о случаях идеальной совокупности и конкуренции норм. Речь идет о том, какой объем физического насилия охватывается без дополнительной квалификации соответствующим признаком конкретного состава преступления, а когда требуется дополнитель-

ная квалификация по статьям о преступлениях против жизни, здоровья и физической свободы. На практике основным способом решения указанной проблемы является сопоставление строгости конкретных санкций, поскольку характер общественной опасности преступления, степень важности того или иного объекта уголовно-правовой охраны, в том числе и опасность причиненного ему вреда, формально отражены в санкции. Квалификация сложного насильственного преступления производится по одной статье (или части) в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за применение физического насилия в соответствующих статьях главы 16 УК РФ»¹⁵.

Следовательно, при угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона, совершенном с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, помимо п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ, дополнительной квалификации по чч. 1–2 ст. 111, ст. 112, ст. 115, ст. 117, ст. 119 УК РФ¹⁶ не требуется.

4. Для квалификации по ч. 3 ст. 211 УК РФ по признаку «повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» должна быть установлена причинная связь между угоном либо захватом соответствующего судна или состава в целях угона и смертью человека или иными тяжкими последствиями. В этих случаях дополнительная квалификация по ст.ст. 109, 118 УК РФ является излишней.

Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, сопряженные с убийством, посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование,

¹³ См., напр.: *Обзор* качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : утв. постановлением Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2005 г. ; *О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2002 г. № 29 (п. 21) ; *О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения* : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 9 дек. 2008 г. № 25 (п. 23). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Обзор* качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : обзор судеб. практики Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2005 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См., напр.: *Апелляционное определение* Верхов. Суда Рос. Федерации от 18 апр. 2013 г. № 2-АП/13-4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

государственного или общественного деятеля квалифицируются по совокупности ст.ст. 211 и 105, 277, 295, 317 УК РФ.

Признак «иные тяжкие последствия» – оценочный; он устанавливается в каждом конкретном случае исходя из всех обстоятельств произошедшего, и к таким последствиям, как отмечается в теории [2, с. 283; 6, с. 55], относятся причинение тяжкого вреда здоровью нескольким лицам; столкновение судов воздушного или водного транспорта либо железнодорожных подвижных составов; существенное повреждение судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, подвергшихся угону или захвату; уничтожение имущества его пассажиров или членов экипажа, а также находящегося на борту такого судна или состава груза в особо крупных размерах; масштабное загрязнение атмосферы и иных компонентов природной среды; нарушение транспортных сообщений на длительный срок и т. д.

5. Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава нередко сопряжен с нарушением предусмотренных в ст. 263 УК РФ правил безопасности движения и эксплуатации соответствующего транспорта, поэтому возникает вопрос об одновременном вменении угонщику ст.ст. 211 и 263 УК РФ.

Некоторые авторы, ориентируясь на правило квалификации по совокупности ст.ст. 166 и 264 УК РФ нарушений правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств при их угоне, повлекших указанные в ст. 264 УК РФ последствия, предлагают правовую оценку по совокупности ст. 211 со ст. 263 УК РФ в случае нарушения угонщиком судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава правил, указанных в ст. 263 УК РФ, если такое нарушение повлекло по неосторожности причинение крупного ущерба или тяжкого вреда здоровью либо смерти одному или нескольким лицам.

Как справедливо разъяснялось в действовавшем до принятия 9 декабря 2008 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 «О судебной

практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 октября 1969 г. № 50 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения (ст. ст. 211–212¹ УК РСФСР)», «если лицо, неправомерно завладевшее транспортным средством без цели хищения, при управлении им допустило нарушение правил безопасности и эксплуатации транспортных средств, повлекшее последствия, указанные в ст. 211 УК РСФСР, его действия надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 211 и 148¹ УК РСФСР» (п. 18)¹⁷.

Судебная практика и сейчас квалифицирует по ст.ст. 166 и 264 УК РФ нарушение лицом, управляющим предварительно им угнанным автомобилем, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть потерпевшего¹⁸.

Однако при угоне автомобиля ситуация, очевидно, не такая, как при перемещении угнанного самолета в иное место посадки: само по себе отклонение от установленного маршрута полета, т. е. именно то, в чем и может выражаться угон самолета (ст. 211 УК РФ), уже является нарушением предусмотренных ст. 263 УК РФ правил, а перемещение машины при угоне (ст. 166 УК РФ) в другое место без ведома ее хозяина само по себе не является нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, о которых идет речь в ст. 264 УК РФ.

Поэтому в тех случаях, когда нарушение предусмотренных в ст. 263 УК РФ правил безопасности движения и эксплуатации соответствующего транспорта заключалось в угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (т. е. являлось «практически естественным следствием

¹⁷ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Например, приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 20 октября 2016 г., которым Лебедев В. В. был осужден по ч. 1 ст. 166 и ч. 4 ст. 264 УК РФ и признан виновным в том, что совершил угон, т. е. неправомерное завладение автомобилем без цели хищения, и нарушение лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения и управляющим данным автомобилем правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека (Дело № 1-639/2016. URL: <http://www.sudact.ru>).

угона» [5, с. 121]), содеянное квалифицируется по ст. 211 УК РФ без дополнительного вменения ст. 263 УК РФ (ст. 211 УК РФ охватывает предусмотренные в ст. 263 УК РФ последствия в виде неосторожного причинения крупного ущерба или тяжкого вреда здоровью либо смерти одному или нескольким лицам). В иных случаях не исключается правовая оценка по совокупности ст.ст. 211 и 263 УК РФ.

Таким образом, квалификация содеянного зависит от характера действий при угонах: от того, какие правила безопасности движения и эксплуатации соответствующего транспорта были нарушены и в чем конкретно заключалось это нарушение. Содеянное охватывается ст. 211 УК РФ, если нарушение указанных правил выразилось в самом угонах¹⁹; если же нет (например, при неразрешенной выброске с летящего угонаемого самолета груза или парашютистов) – возможна квалификация по совокупности ст.ст. 211 и 263 УК РФ²⁰.

6. Нередко террористы для достижения своих целей угонают или захватывают воздушные суда, в связи с чем ч. 4 ст. 211 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, «сопряженные с совершением террористического акта».

Под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями (ст. 205 УК РФ).

Совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 211 УК РФ, и сопряженного с ним террористического акта требует квалификации по совокупности ч. 4 ст. 211 и ст. 205 УК РФ.

Есть мнение, что в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ действия виновных, совершивших угон

судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженный с террористическим актом, полностью охватываются ч. 4 ст. 211 УК РФ и квалификации по совокупности со ст. 205 УК РФ не требуют (в качестве дополнительного аргумента в пользу такой квалификации приводится сравнительный анализ санкций ч. 4 ст. 211 и ч. 3 ст. 205 УК РФ: они абсолютно идентичны).

Однако последний аргумент, на наш взгляд, является контраргументом предложенной правовой оценки только по ч. 4 ст. 211 УК РФ без вменения ст. 205 УК РФ: поскольку санкции рассматриваемых преступлений совпадают, уже необходима квалификация по их совокупности, иначе останется безнаказанным либо факт угона (захвата), либо террористический акт (одно преступление как бы «поглотит» другое).

Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ «совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание».

Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, сопряженный с совершением террористического акта, не относится к указанному в ч. 1 ст. 17 УК РФ *исключению* из совокупности преступлений: законодательно учтенная совокупность преступлений подразумевает совершение двух или более преступлений, а в ч. 4 ст. 211 УК РФ при формулировании такого квалифицирующего признака угона, как «сопряженный с совершением террористического акта», речь идет об ответственности не за несколько преступлений – угон и террористический акт, с которым такой угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава сопряжен, а только за одно преступление – угон с особой характеристикой, т. е. угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, отягченный *связью* с террористическим актом (и именно за эту связь и следует повышенное наказание по ч. 4 ст. 211 УК РФ).

¹⁹ Например, в виде отклонения от установленного маршрута движения.

²⁰ Конечно, при условии, что не выразившееся в угонах судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава нарушение предусмотренных ст. 263 УК РФ правил повлекло по неосторожности причинение крупного ущерба или тяжкого вреда здоровью либо смерти потерпевшего.

С помощью математического инструментария это можно представить так:

угон, сопряженный с совершением теракта (ч. 4 ст. 211 УК) ≠ угон (ст. 211) + теракт (ст. 205),

угон, сопряженный с совершением теракта = угон, отягченный связью с терактом,

где, согласно правилам русского языка, «сопряженный с совершением теракта» – это причастный оборот, отвечающий на вопрос «какой?», и обозначающий признак, свойство, качество предмета, к которому относится (в данном случае таким предметом является «угон»)²¹.

По тем же причинам к указанному в ч. 1 ст. 17 УК РФ *исключению* из совокупности преступлений не относится и предусмотренный ч. 4 ст. 211 УК РФ захват судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава в целях угона, сопряженный с совершением террористического акта (как и составы указанных в пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийств, сопряженных с другими преступлениями, что мы подробно анализировали в своей статье «Основной вопрос квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями (пп. “в”, “з”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ)»).

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»²², террористическая деятельность – это деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы

для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

В УК РФ ответственность за данные деяния предусмотрена, в том числе, ст.ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5.

В своем постановлении от 9 февраля 2020 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» Пленум Верховного Суда РФ указал, что в ч. 4 ст. 205.1 УК РФ установлена ответственность за действия в виде организации, совершения или руководства совершением преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 211 УК РФ; при этом дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 211 УК РФ не требуется (п. 17.2)²³.

Действительно, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» одновременно с дополнением ст. 211 УК РФ ч. 4 в ст. 205.1 УК РФ была введена новая часть 4, в которой законодатель выделил специальную норму об ответственности за организацию совершения или руководство совершением преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 211 УК РФ, поэтому, согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ, эти деяния должны квалифицироваться по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ, а не по ч. 3 ст. 33, ч. 4 ст. 211 УК РФ²⁴.

Список литературы

1. Князева Е. А. Угон и захват судна воздушного или водного транспорта (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
2. Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность : моногр. М. : Юрлитинформ, 2015. 488 с.
3. Лапулина Н. Н. Объект и предмет угона водного транспорта // Современное право. 2005. № 1. С. 35–41.
4. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. / под ред. Ф. Р. Сундунова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012. 941 с.
5. Узденов А. И. Угон транспортного средства по уголовному законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. 213 с.

²¹ *Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д.* Русский язык. Теория. 5–9 кл. : учеб. 9-е изд., стер. М. : Дрофа, 2020. С. 175.

²² *Рос. газ.* 2006. 10 марта.

²³ Там же. 2012. 17 февр.

²⁴ Там же. 2014. 7 мая.

6. Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Задоян А. А. Преступления против общественной безопасности : учеб.-практ. пособие. М. : Проспект, 2010. 256 с.
7. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford : Oxford University Press, 2015. 240 p. P. 235.

References

1. Knyazeva E. A. *Ugon i zakhvat sudna vozdušnogo ili vodnogo transporta (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie)*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Hijacking and Seizure of an Aircraft or Water Transport (Criminal Law and Criminological Research). Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Yekaterinburg, 2013. 27 p.
2. Korobeev A. I. *Transportnye prestupleniya i transportnaya pre-stupnost'* [Transport Crimes and Transport Crime]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 488 p.
3. Lapupina N. N. *Ob'ekt i predmet ugona vodnogo transporta* [Object and Subject of Theft of Water Transport]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*, 2005, no. 1, pp. 35–41.
4. Sundurov F. R., Talan M. V. (Eds.). *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. The Special Part]. Moscow, Statut Publ., 2012. 941 p.
5. Uzdenov A. I. *Ugon transportnogo sredstva po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii*. Dis. kand. jurid. nauk [Theft of a Vehicle Under the Criminal Law of the Russian Federation. Cand. Legal Sci. Dis.]. Rostov-on-Don, 2008. 213 p.
6. Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Zadoyan A. A. *Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti* [Crimes Against Public Safety]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 256 p.
7. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 240 p.

Дата поступления статьи | Article received date

28.03.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

06.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

УДК 343.9

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-377-385

ПРЕДМЕТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ОСУЖДЕННЫМ ВИДА ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

ТЮФЯКОВ Николай Александрович*

✉ tna-1971@mail.ru

Пр. Комарова, 7, Омск, 644112, Россия

ХОМЯКОВ Андрей Михайлович[▲]

✉ khomyakov.a@prokuratura.ru

Ул. Тарская, 4, Омск, 644099, Россия

***Аннотация.** Актуальность и новизна работы состоит в наиболее детальном определении предмета прокурорского надзора при рассмотрении судом материалов об изменении осужденным вида исправительного учреждения. Надзорная деятельность прокуратуры в сфере исполнения наказания в местах лишения свободы должна быть направлена на безусловное соблюдение прав и законных интересов лиц, отбывающих уголовное наказание. Вместе с тем в исправительных учреждениях по-прежнему имеются серьезные проблемы, негативно влияющие на выполнение задач и целей уголовного наказания. Причиной этого по-прежнему является поверхностный и непрофессиональный подход к изучению личности осужденных, являющихся субъектами правоотношений, наступающих при изменении их поведения (в положительную или отрицательную сторону) в местах лишения свободы. Прокурорский надзор в связи с этим рассматривается как одна из гарантий прав осужденных на улучшение их правового положения, что в полной мере реализует конституционный принцип уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости и законности. Изучение материалов прокурорских проверок, судебной практики, анализ статистических материалов, диссертационных исследований, монографий и журналов, входящих в международные глобальные научные базы, позволили определить наиболее эффективные пути решения выявленных проблем. К ним следует отнести необходимость непосредственного, своевременного и поэтапного участия прокуроров в данном процессе, а также высокие требования к его профессиональным и личностным качествам. Выделение и анализ данных факторов позволили в качестве вывода детально определить предмет деятельности прокурора в заявленном исследовании – это активная и квалифицированная деятельность прокурора (прокурорский надзор) в сфере уголовно-исполнительного законодательства, направленный на выявление, пресечение (предупреждение) и устранение нарушений прав и законных интересов осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы.*

***Ключевые слова:** прокурор, процессуальный порядок, прокурорский надзор, осужденный, суд, судебное заседание, администрация исправительного учреждения.*

The Subject of the Prosecutor's Activity in Court Proceedings on Cases Involving Changing a Convict's Type of Correctional Institution

Tyufyakov Nikolai A.**

✉ tna-1971@mail.ru

7 Komarova pr., Omsk, 644092, Russia

Khomyakov Andrei M.▲▲

✉ khomyakov.a@prokuratura.ru

4 Tarskaya st., Omsk, 644099, Russia

* Старший преподаватель кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат юридических наук.

▲ Старший помощник прокурора Омской области по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний.

** Senior Lecturer of the Department of Psychology and Pedagogy in Activities of Internal Affairs' Bodies at the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Legal Sciences.

▲▲ Senior Assistant to the Prosecutor of the Omsk region for the supervision of the legality of the execution of criminal penalties.

Abstract. *The relevance of the work consists in the clearest definition of the subject of Prosecutor's supervision when the court considers materials on changing a convict's type of correctional institution. The Prosecutor's office's supervision of the execution of sentences in places of deprivation of liberty should be aimed at unconditionally observing the rights and legitimate interests of persons serving criminal sentences, however, there are still serious problems in correctional institutions that negatively affect the implementation of the tasks and goals of criminal punishment. The reason for this is still cases of "superficial" and non-professional approach to the study of the personality of convicts who are subjects of legal relations that occur when their behavior changes (in a positive or negative direction) in places of deprivation of liberty. The Prosecutor's supervision and its activities in this regard are considered as one of the guarantees of the rights of convicts to improve their legal status, which fully implements the constitutional principle of respect for the dignity of the individual, humanism, justice and the rule of law. The materials of Prosecutor's checks, judicial practice, analysis of statistical materials, materials of dissertations, monographs and journals included in the international global scientific databases studied in the course of the research allowed us to determine the most effective ways to solve the problems considered. These include the need for direct, timely and step-by-step participation of prosecutors in this process, as well as high requirements for their professional and personal qualities. The selection and analysis of these factors allowed the authors to determine in detail the subject of the Prosecutor's activity in the mentioned study – it is an active and qualified activity of the Prosecutor (Prosecutor's supervision) in the field of criminal enforcement legislation, aimed at identifying, preventing (preventing) and eliminating violations of the rights and legitimate interests of convicted persons serving a sentence of imprisonment. The main research methods used were: analysis of theoretical and regulatory sources; comparison; generalization and analysis of documents. Their application allowed the author to analyze the subject in question in the relationship and interdependence of its constituent elements, their integrity, comprehensiveness and objectivity.*

Keywords: *Prosecutor; procedural order; Prosecutor's supervision, convicted person, court, court session, administration of correctional institution.*

В соответствии с ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации каждый осужденный за преступление имеет право в установленном федеральным законом порядке просить о помиловании или смягчении наказания. В этом заключается принципиальное отношение государства к личности любого гражданина, что влечет «существенное изменение доктрины и содержания уголовного судопроизводства, придавая ему направленность прежде всего на охрану прав и законных интересов личности» [1, с. 145]. Эти гарантии в полной мере распространяются на правоотношения, возникающие при изменении осужденному вида исправительного учреждения, поскольку могут существенно повлиять на его участь, значительно расширяя или ограничивая его права и свободы¹.

В статье 78 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) отмечается, что осужденным «может быть изменен вид исправительного учреждения», поэтому наряду с судебным и ведомственным контролем

за соблюдением их прав на перевод в другое исправительные учреждения (далее – ИУ) с более льготным режимом отбывания наказания особая роль принадлежит органам прокуратуры, которые организуют свою деятельность в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»² и нормативными правовыми актами Генерального прокурора РФ³, конкретизирующими эти задачи.

Прокурорам, осуществляющим надзор в сфере уголовно-исполнительного законодательства, надлежит систематически проводить проверки исполнения требований закона при изменении вида ИУ осужденным и их переводе из одного учреждения в другое.

Прокурорский надзор, таким образом, еще на стадии подготовки материалов администрацией учреждения является одной из важнейших правовых гарантий осужденных к лишению свободы на улучшение своего положения и смягчение наказания.

¹ О жалобе гражданина Гладкова В. Н. : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 нояб. 2004 г. № 363. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : в ред. Федер. закона от 29 июля 2017 г. № 238-ФЗ // Рос. газ. 1992. 25 нояб. ; 2017. 10 авг.

³ Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : приказ Генпрокуратуры России от 16 янв. 2014 г. № 6 (ред. от 21 авг. 2019 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Непосредственное участие прокурора в этом процессе начинается еще на стадии подготовки документов администрацией ИУ для осуществления данного перевода и состоит в тщательной проверке и анализе подготовленных материалов.

В представлении администрации ИУ на перевод отражаются следующие сведения: поведение осужденного за весь период отбывания им наказания; отношение к труду и учебе; количество и характер поощрений и взысканий; проведенные с ним воспитательные и профилактические мероприятия и его отношения к ним; его отношения к совершенному деянию; возмещении ущерба и вреда, причиненного преступлением.

Кроме того, прокурору необходимо проверить и ряд других обстоятельств, имеющих существенное значение для разрешения вопроса о переводе осужденного. Например, отбытие им положенной части срока наказания. Для положительно характеризующихся осужденных, отбывающих наказание в тюрьме, при переводе в ИУ любого вида он должен составлять не менее половины срока назначенного судом наказания. Такой же срок установлен для осужденных при переводе из ИУ особого режима в колонию строгого режима. Не менее одной четвертой срока наказания должен отбыть осужденный, находящийся в облегченных условиях, при переводе из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение. Осужденные, отбывающие наказание в колонии строгого режима и претендующие на перевод в колонию-поселение должны отбыть не менее одной трети срока наказания. Лица, ранее условно-досрочно освобождавшиеся от отбывания наказания и совершившие новое преступление в период оставшейся неотбытой части наказания, – не менее половины назначенного срока наказания. Осужденные за совершенные особо тяжких преступлений должны отбыть не менее двух третей срока.

Особое внимание прокурора должно быть уделено категории осужденных за преступления террористического характера, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.3, ч. 1 ст. 205.4, ст. 205.5, чч. 2–4 ст. 206, ст. 208, чч. 2–4 ст. 211, ст.ст. 277–279, 281, 317, 361 УК РФ⁴, которым закон исключает изменение вида исправительного учреждения. Этим подчеркивается «необходимость

продолжения усилий по стимулированию новых исследований и оценки эффективности принимаемых мер в сфере борьбы с терроризмом» [9].

Прокурор должен оценить, было ли поведение осужденного положительно стабильным именно за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее подготовке материалов для направления их в суд. По нашему мнению, в учет должны браться даже материалы, характеризующие поведение осужденного еще на стадии предварительного расследования во время его пребывания в следственном изоляторе. Это будет отражать истинные мотивы осужденного и его позицию к применяемым мерам исправления, а также в определенной степени доказывать осознание им вины за совершенное преступление еще на начальном этапе отбытия наказания.

Под поведением осужденного в связи с этим следует понимать выполнение им требований установленного порядка отбытия наказания в виде лишения свободы, которые определены действующим уголовно-исполнительным законодательством и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений⁵.

Рассмотрим отдельные положения представления администрации ИУ, составляющие характеристику осужденного, которые подлежат тщательному изучению прокурора.

В представлении должно быть указано точное количество и характер поощрений с момента поступления осужденного в исправительное учреждение (следственный изолятор). Обязательному учету и анализу подлежат поощрения, объявленные в других ИУ. Следует рассмотреть количество и характер взысканий и профилактических бесед за нарушение установленного порядка отбывания наказания. Делается вывод о соотношении грубейших и малозначительных нарушений режима на разных стадиях отбытия наказания. Выясняется, не было ли причиной объявления взысканий осужденному результатом субъективного отношения администрации к нему. Признавался или он злостным нарушителем режима, состоял или состоит на профилактическом учете.

Количество и характер поощрений и взысканий анализируются во взаимосвязи на различных

⁴ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 516-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ *Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений* : приказ Минюста Рос. Федерации от 16 дек. 2016 г. № 295. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

этапах отбытия наказания и должно показывать динамику исправительного воздействия на осужденного. Информация о количестве поощрений и взысканий оформляется в виде отдельной справки в качестве приложения и сверяется с информацией, содержащейся в представлении.

Поведение в быту должно характеризоваться доброжелательными взаимоотношениями с другими осужденными и представителями администрации, соблюдением правил личной и общественной гигиены, содержанием в чистоте и опрятности одежды, должном санитарном состоянии предметов личного и общественного пользования, спального места.

В представлении следует указывать, где, с какого времени и по какой специальности работает осужденный, выполняет ли он нормы выработки по основному месту работы, соблюдает ли трудовую дисциплину и правила техники безопасности. Отношение осужденного к труду также определяется степенью его ответственности и добросовестностью участия в работах по благоустройству исправительного учреждения и прилегающих к нему территорий. Прокурором должно быть проверено наличие в его деле письменного согласия на увеличение продолжительности работ без оплаты труда, если он к таковым привлекался.

Необходимо учесть, что определение критерия «отношение осужденного к труду» распространяется только на тех осужденных, на кого возложена обязанность трудиться. Он не распространяется на пенсионеров по старости, инвалидов первой и второй групп и осужденных, не обеспеченных работой [2, с. 223].

Если осужденный проходит обучение в образовательном учреждении при ИУ, его отношение к этому должно определяться в соответствии со ст. 43 «Обязанность и ответственность обучающихся» Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁶. Выполнение требований закона анализируется через отношение осужденного непосредственно к педагогическому процессу (посещаемость занятий, успеваемость, поведение на занятиях и переменах), стремление к самообразованию и получению образования повышенного уровня.

Отношение осужденного к воспитательным мероприятиям должно выражаться в участии

в культурно-массовых и спортивных мероприятиях; пользовании библиотекой; отношении к религии; участии в кружковой работе при домах культуры и др. Обязательно определение роли и степени участия осужденного в перечисленных мероприятиях.

Психологические особенности личности и черты характера осужденного также подлежат обязательному отражению в представлении. Так называемый социально-психологический профиль [8] составляется на основании психодиагностических исследований его личности психологами и социальными педагогами ИУ. В нем отражаются: целеустремленность, самостоятельность, самообладание, дисциплинированность, стремление к преодолению трудностей, подверженность влиянию окружающих, конфликтность, коммуникабельность, агрессивность, замкнутость и другие качества, определяющие положительные или отрицательные стороны личности осужденного. В представлении также обязательно отмечаются выявленные в ходе психологического исследования осужденного криминально значимые качества его личности, а также генезис формирования у него преступного поведения, наличие возможных психических отклонений – «психическое здоровье» [10].

Прокурором в обязательном порядке должно быть оценено стремление осужденного поддерживать социально полезные связи. Оно предполагает отношения с близкими родственниками, формы и периодичность общения (переписка, свидания, получение посылок и передач), стремление к восстановлению социально полезных связей.

Отношение осужденного к совершенному деянию определяется с учетом анализа объективных данных, указанных в приговоре и свидетельствующих о его стабильно положительном поведении как до осуждения (включая прежние судимости, наличие рецидива преступлений), так и в процессе судебного разбирательства (признание вины, раскаяние в содеянном, рассмотрение уголовного дела в особом порядке, обжалование приговора). Подлежит учету информация о фактах условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, амнистии и помиловании.

⁶ Рос. газ. 2012. 31 дек.

Положение в коллективе осужденных характеризуется его отношением к коллективу (положительное или отрицательное) и социальной ролью в нем. Отражается отношение к криминальной субкультуре, заключающееся в наличии профессионально-преступных знаний, умений, навыков, способностей и привычек, реализуемых в групповой криминальной деятельности.

Готовность к постпенитенциарной ресоциализации определяется участием осужденного в решении предстоящих вопросов трудового и бытового устройства. Оценке подлежит желание и действия осужденного по приобретению социально-полезных навыков и профессий, которые могли бы пригодиться после освобождения.

Полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, является одним из условий изменения осужденному вида исправительного учреждения, которое отражает отношение осужденного к совершенному преступлению. Частичное возмещение материального вреда не препятствует переводу, если имеются фактические данные, указывающие на возможность его возмещения в обозримом будущем (гарантированное трудоустройство, регулярные денежные переводы на счет осужденного, пользование дополнительными услугами, предоставляемыми ИУ и т. д.)

Обязательному вниманию подлежит и использование осужденным иных способов заглаживания вреда, причиненного в результате преступления. К ним следует относить добровольный характер действий осужденного по возмещению морального или физического вреда. Это, как правило, денежная или иная материальная компенсация, предоставленная потерпевшему, либо принесение ему личных или публичных извинений и раскаяние в содеянном («извинительные письма»).

Если осужденный отбывает наказание за совершение преступления в возрасте старше 18 лет против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, и на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы был признан страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, в представлении должны содержаться данные о примененных к нему принудительных мерах медицинского характера и его отношению к лечению. Одновременно с представлением на та-

кого осужденного в суд направляется заключение его лечащего врача.

Должностные лица ИУ, подготовившие, согласовавшие и утвердившие указанное представление, должны нести персональную ответственность за достоверность и объективность указанных в нем сведений, поэтому прокурор при выявлении нарушений вправе потребовать привлечения виновных лиц к строгой ответственности.

Наряду с характеризующим материалом прокурор изучает и личное дело осужденного, а при необходимости проводит и личную встречу с ним. Информация, содержащаяся в характеристике на осужденного за весь период отбывания наказания, должна соответствовать информации, имеющейся в личном деле осужденного. По результатам проверки прокурором выдается письменное заключение о целесообразности такого перевода.

Данные действия прокурора еще на досудебной стадии являются первым этапом в порядке реализации института изменения осужденному вида исправительного учреждения.

Вторым этапом является участие прокурора в судебном заседании, которое представляет деятельность по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Глава 47 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет общий порядок разрешения данных вопросов.

При назначении заседания конкретный порядок проведения и заслушивания заинтересованных сторон определяется судом по своему усмотрению, однако по существу рассматриваемого вопроса прокурор обязан высказать свое мнение, которое должно быть судом учтено.

Возникает вопрос о том, необходимо ли личное участие прокурора в судебном заседании, ведь заключение уже дано и суд вправе его огласить и принять к сведению.

На наш взгляд, непосредственное участие прокурора в судебном заседании крайне необходимо, так как его надзорная деятельность основана на методе постоянного наблюдения и анализа, предполагая при этом различные способы оперативного реагирования на нарушения закона и восстановление законных прав и свобод осужденного. Кроме того, участвуя в судебном заседании, прокурор может составить более полное представление о личности осужденного и его поведении. В этом случае именно прокурору необходимо

будет доказать суду законность и обоснованность действий администрации ИУ по изменению (или нет) вида учреждения осужденному, либо допущенную ведомственную ошибку.

В 2019 г. по ряду ходатайств осужденных в суды г. Омска об изменении им вида исправительного учреждения, несмотря на представления администраций исправительных учреждений с положительными характеристиками, прокурорами даны отрицательные заключения. Например, 10 января 2019 г. Советский районный суд рассмотрел представления администрации ФКУ ИК-7 УФСИН России по Омской области и ходатайства осужденных Б. и Г. о переводе их из исправительной колонии особого режима в исправительную колонию строгого режима и оставил их без удовлетворения. Прокурором при изучении материалов личных дел было установлено, что поведение осужденных не носило стабильно-положительного характера. У осужденных имелось по 16 и 6 соответственно, грубых нарушений установленного порядка отбывания наказания за весь период отбывания наказания с наложением на них дисциплинарных взысканий. Было объявлено соответственно 22 и 5 поощрений каждому. Кроме того, осужденным Г. не предпринято мер к возмещению ущерба на сумму 200 000 рублей.

11 января 2019 г. по аналогичным основаниям Омским районным судом Омской области отказано в удовлетворении ходатайства осужденного М. о переводе его из исправительной колонии общего режима в колонию-поселение. Прокурором при изучении материалов личного дела было установлено, что осужденным было допущено 9 нарушений установленного порядка и при этом объявлено всего 3 поощрения⁷.

Таким образом, основаниями отказов судов в изменении осужденным вида исправительного учреждения являлись заключения о нецелесообразности удовлетворения ходатайств осужденных и представлений администрации ИУ, а также убедительная позиция прокуроров в суде.

Приведенные примеры не единичны, и прокуроров часто упрекают в чрезмерно жесткой

позиции при подходе к изменению осужденным вида исправительного учреждения. Об этом свидетельствует и статистика отказов судов в данном переводе. По итогам 2019 г. из 35 438 рассмотренных ходатайств и представлений судами общей юрисдикции Российской Федерации было отказано в 8 882 (25,06 %) случаях⁸.

Однако на это есть и определенные причины, которые обусловлены и сформировавшейся у прокурорских работников на протяжении многих десятилетий психологии обвинителя и правовом регулировании его деятельности [6, с. 7]. Многие осужденные «встав на путь к свободе» и желая любым способом выйти из мест заключения, часто занимают приспособленческую позицию, «зарабатывая» себе положительные характеристики, по сути, вводя администрацию учреждения, а затем и суд в заблуждение относительно своих намерений.

В этом случае именно прокурору надлежит установить законность и объективность всех юридически значимых обстоятельств применения к осужденному рассматриваемого института. Поэтому участие прокурора в суде является важным аспектом его деятельности, которому необходимо уделять повышенное внимание. Здесь необходимо учитывать все, начиная со специальной и общей квалификации прокурорского работника и заканчивая его умением обоснованно и убедительно донести до суда свое мнение.

Приказом Генерального прокурора РФ от 25 декабря 2012 г. № 465⁹ определяются высочайшие требования к квалификации прокурорских работников, участвующих в судебных заседаниях при рассмотрении судами вопросов, связанных с исполнением приговоров. При рассмотрении вопросов, связанных с изменением осужденным вида исправительного учреждения, в заседаниях суда предписано участвовать исключительно прокурорам по надзору за соблюдением законов в ИУ.

Оценка качества и эффективности участия прокурора в судебном процессе производится из «его реального вклада в принятие судом законного, обоснованного и справедливого решения»¹⁰.

⁷ Материалы предоставлены прокуратурой Омской области по итогам рассмотрения представлений УФСИН и ходатайств осужденных за 2019 г.

⁸ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

⁹ *Об участии* прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генер. прокурора Рос. Федерации от 25 дек. 2012 г. № 465. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Там же.

Оценивается активность, профессионализм, принципиальность и объективность в отстаивании выбранной позиции. Данный подход должен способствовать развитию творческой инициативы прокурора и служить стимулом к качественному и эффективному выполнению им служебного и нравственного долга.

В целях реализации требований приказа Генерального прокурора в прокуратуре Омской области создана и реализуется многоступенчатая система повышения профессионального уровня прокурорских работников, участвующих в судебных заседаниях, как по поддержанию обвинения, так и рассмотрению иных вопросов. Применяются различные формы коллективного и индивидуального обучения.

С учетом изменения законодательства, анализа судебной и прокурорской практики, обобщения положительного опыта разрабатываются планы учебных занятий, которые регулярно проводят руководители подразделений прокуратуры либо специально подготовленные сотрудники на расширенных или «кустовых» совещаниях.

Особое внимание уделяется обучению молодых сотрудников, не имеющих достаточного опыта участия в судебных процессах. На первоначальном этапе за данной категорией закрепляются наиболее опытные практические работники, которые составляют индивидуальный план обучения и осуществляют контроль за его реализацией.

Теоретические основы включают изучение действующего законодательства и изменений закона. Стажировка проходит без отрыва от практики. Молодые прокуроры совместно с наставниками посещают исправительные учреждения, знакомятся с подготавливаемыми администрацией материалами и посещают судебные заседания, что позволяет получить непосредственный опыт. Данная форма обучения достаточно хорошо зарекомендовала себя и по-прежнему является перспективной в повышении профессионализма прокурорских работников.

Отличительной особенностью прокурорского надзора в целом является то, что он позволяет также оперативно восстановить нарушенные права осужденных и оценить целесообразность применения к нему нормы, предусмотренной ст. 78 УИК РФ. В ходе досудебных прокурор-

ских проверок и участия прокурора в судебном заседании выявляются и устраняются не только нарушения, но и их причины, что служит их недопущению в последующем [3, с. 56].

Характеризуя данное положение, отметим, что при выявлении нарушений уголовно-исполнительного законодательства в части прав осужденных прокурором в соответствии со ст. 33 «Полномочия прокурора» Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в орган, исполняющий наказание, могут быть внесены протесты и представления об устранении данных нарушений, а постановление суда может быть обжаловано в порядке ст. 401 УПК РФ.

Следует заметить, что из года в год прокуроры усиливают свое влияние на происходящие негативные процессы в органах, исполняющих наказание. Так, по итогам 2019 г. при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний в местах лишения свободы прокурорами Российской Федерации было проведено 53 297 (+4,2 %) проверок, выявлено 123 410 (+7,0 %) нарушений закона. По выявленным нарушениям было принесено 7 648 (+17,9 %) протестов, по удовлетворенным протестам было отменено (изменено) 7 270 (+17,6 %) незаконных правовых актов, внесено 28 665 (+5,7 %) представлений¹¹.

Третьим (возможным) этапом является своевременное обжалование прокурором незаконных и необоснованных судебных решений, что также входит в предмет деятельности прокурора на постсудебной стадии и отражает его принципиальность и беспристрастность в отстаивании норм закона. Так, в 2019 г. прокурорами в порядке ст. 401 УПК РФ было принесено 38 300 (+2,1 %) апелляционных представлений на решение суда, из которых 35 747 (82,0 %)¹² были удовлетворены, что показывает высокую эффективность деятельности прокурорских работников.

Реализуя надзорные функции, органы прокуратуры обеспечивают контроль за фактическим устранением выявленных нарушений, изложенных в протестах или представлениях [4]. Для восстановления нарушенных прав осужденных и привлечения к ответственности должностных лиц за невыполнение законных требований прокурора предусмотрена ответственность

¹¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2019 г. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1795898/>

¹² Там же.

в соответствии со ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В 2019 г. по представлению прокурора привлечено 44 174 (+9,3 %) должностных лиц к дисциплинарной и 2 190 (+18,4 %) к административной ответственности¹³.

Таким образом, следует определить, что предметом деятельности прокурора при участии в рассмотрении судами дел об изменении осужденным вида исправительного учреждения является активный, целенаправленный и поэтапный надзор прокуратуры «по выявлению, пресечению, устранению и предупреждению нарушений законов в уголовно-исполнительной сфере» [7,

с. 248] в целях защиты конституционных прав и законных интересов граждан, находящихся в местах лишения свободы¹⁴, являясь эффективным механизмом их правовой защиты.

На наш взгляд, именно при надзоре в уголовно-исполнительной сфере прокурор может полностью реализовать смысл и сущность всей прокурорской деятельности, так как цели и задачи имеют точное определение, а будучи основным контрольно-надзорным механизмом в уголовном судопроизводстве, прокурорский надзор позволяет прокурору не только эффективно осуществлять уголовное преследование, но и одновременно выполнять правозащитную функцию [5, с. 427].

Список литературы

1. Категории прав и законных интересов личности и их использование в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Гриненко, Г. А. Гуджабидзе, В. Д. Потапов, Н. С. Железняк // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 139–147. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).139-147.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / науч. ред.: А. С. Михлин, В. И. Селиверстов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2009. 587 с.
3. Магомедрасулов М. М., Чобанян А. Г. Особенности прокурорского надзора за законностью исполнения уголовных наказаний // Прокурор. 2016. № 2. С. 55–59.
4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М. : Юрайт, 2014. 851 с.
5. Роль прокурора в предупреждении и устранении следственных ошибок: российский и немецкий опыт / Х. Путцке, А. Н. Тарбагаев, А. Д. Назаров, Л. В. Майорова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 424–430. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).424-430.
6. Соколов А. Ф. Участие прокурора в судебном заседании в досудебном производстве // Законность. 2010. № 12 (914). С. 6–8.
7. Уголовно-исполнительное право России : в 2 т. / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М. : Юрайт, 2015. Т. 1 : Общая часть. 287 с.
8. Brennan T., Breitenbach M., Dieterich W. Towards an Explanatory Taxonomy of Adolescent Delinquents: Identifying Several Social-Psychological Profiles // Journal of Quantitative Criminology. 2008. Vol. 24, iss. 2. P. 179–203. DOI: 10.1007/s10940-008-9045-7.
9. Lum C., Kennedy L. W., Sherley A. Are Counter-Terrorism Strategies Effective? The Results of the Campbell Systematic Review on Counter-Terrorism Evaluation Research // Journal of Experimental Criminology. 2006. Vol. 2, iss. 4. P. 489–516. DOI: 10.1007/s11292-006-9020-y.
10. Perry A. E., Johnson M. D. Applying the Consolidated Standards of Reporting Trials (CONSORT) to studies of mental health provision for juvenile offenders: a research note // Journal of Experimental Criminology. 2008. Vol. 4, iss. 2. P. 165–185. DOI: 10.1007/s11292-008-9051-7.

References

1. Grinenko A. V., Gudzhabidze G. A., Potapov V. D., Zheleznyak N. S. Kategorii prav i zakonnykh interesov lichnosti i ikh ispol'zovanie v sfere ugovol'nogo sudoproizvodstva [Categories of Rights and Lawful Interests of Individuals and Their Use in the Sphere of Criminal Justice]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 139–147. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(1).139-147.
2. Mikhlin A. S., Seliverstov V. I. (Eds.). *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2009. 587 p.
3. Magomedrasulov M. M., Chobanyan A. G. Osobennosti prokurorskogo nadzora za zakonnost'yu ispolneniya ugovolnykh nakazanii [Features of the Prosecutor's Supervision Over the Legality of the Execution of Criminal Sentences]. *Prokuror – Procurator*, 2016, no. 2, pp. 55–59.
4. Lebedev V. M. (Ed.). *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Scientific-Practical Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurait Publ., 2014. 851 p.
5. Putzke H., Tarbagaev A.N., Nazarov A.D., Maiorova L.V. Rol' prokurora v preduprezhdenii i ustranении sledstvennykh oshibok: rossiiskii i nemetskii opyt [The Role of the Prosecutor in the Prevention and Elimination of Investigative Errors: Russian and German Experience].

¹³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации ...

¹⁴ Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 16 янв. 2014 г. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

sian and German Experience]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 424–430. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).424-430.

6. Sokolov A. F. Uchastie prokurora v sudebnom zasedanii v dosudebnom proizvodstve [Participating of Public Prosecutor in the Judicial Meeting in a Pre-Trial Production]. *Zakonnost' – Zakonnost Journal*, 2010, no. 12 (914), pp. 6–8.

7. Eminov V. E., Orlov V. N. (Eds.). *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii T. 1: Obshchaya chast'* [Penal Law of Russia. Vol. 1: General Part]. Moscow, Yurait Publ., 2015. 287 p.

8. Brennan T., Breitenbach M., Dieterich W. Towards an Explanatory Taxonomy of Adolescent Delinquents: Identifying Several Social-Psychological Profiles. *Journal of Quantitative Criminology*, 2008, vol. 24, iss. 2, pp. 179–203. DOI: 10.1007/s10940-008-9045-7.

9. Lum C., Kennedy L. W., Sherley A. Are Counter-Terrorism Strategies Effective? The Results of the Campbell Systematic Review on Counter-Terrorism Evaluation Research. *Journal of Experimental Criminology*, 2006, vol. 2, iss. 4, pp. 489–516. DOI: 10.1007/s11292-006-9020-y.

10. Perry A. E., Johnson M. D. Applying the Consolidated Standards of Reporting Trials (CONSORT) to Studies of Mental Health Provision for Juvenile Offenders: a Research Note. *Journal of Experimental Criminology*, 2008, vol. 4, iss. 2, pp. 165–185. DOI: 10.1007/s11292-008-9051-7.

Дата поступления статьи | Article received date
28.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
07.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-386-393

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ (НАЗНАЧЕНИЕ) УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

НАУМОВ Кирилл Александрович*

✉ kirill_naumov@list.ru

Пер. Сивцев Вражек, 43, Москва, 119002, Россия

Аннотация. Актуальность освещаемой проблемы объясняется сущностью целеполагания любой деятельности, определяющей ее конечный результат и процедурное построение. От нее зависит направление действий государственных органов по реагированию на преступления, а также арсенал средств, предоставленных для этого правоприменителю. В УПК РФ отсутствует норма, прямо формулирующая цель и задачи уголовного судопроизводства. Законодателем применена такая нестандартная категория, как «назначение», пришедшая на смену привычным, просуществовавшим более 40 лет положениям о задачах уголовного судопроизводства, закрепленным в ранее действовавшем кодексе. Поскольку процессуальный закон не называет цели и задачи уголовного процесса, анализ целевых установок современного уголовного судопроизводства, сущности категорий «назначение», «цель», «задача», их соотношения и значения приобретает особую значимость. Автором проанализированы точки зрения процессуалистов дореволюционного и современного периодов. Сделан вывод о разграничении приведенных понятий. В отличие от взглядов большинства ученых, автор считает, что назначение и цель являются тождественными понятиями, поскольку ими определяется конечный результат процессуальной деятельности. Цель видится как конечный результат деятельности, а задача обуславливается целью и рассматривается в качестве итога ее отдельной стадии. Поэтому автор условно соотносит эти категории как общее (цель) и частное (задача). Задач может быть много, и они в определенных условиях подвергаются изменениям, а цель всегда одна. Цель любого уголовного процесса определяется необходимостью упорядочения спора сторон, возникшего по поводу совершенного преступления. Отсутствие четко сформулированных элементов целеполагания препятствует оценке эффективности деятельности по разрешению уголовно-правового конфликта. Отмечаются недостатки юридической конструкции телеологических норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. На основе сопоставления взглядов ученых-процессуалистов, анализа нормативно-правовых актов автор пришел к умозаключению, что результатом уголовного процесса должны являться защита прав и законных интересов лиц, организаций, общества и государства от преступных посягательств; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Задачи, несмотря на их неопределенность с точки зрения правового регулирования, составляют устоявшуюся формулу: быстрое и полное раскрытие преступления, назначение виновному справедливого наказания, воспитание и профилактика. Автор полагает, что действующая конструкция норм о назначении уголовного процесса не отражает безусловную необходимость охраны интересов общества и государства, а также не определяет конкретные задачи как ориентир правоприменителя на их выполнение по каждому уголовному делу для достижения поставленной цели. Поэтому предлагается собственная юридическая конструкция нормы о задачах судопроизводства, дополняющая действующие положения.

Ключевые слова: цель, задача, назначение, уголовное судопроизводство, сущность, эффективность, досудебное производство, телеология, цель уголовного процесса, соотношение цели и задач, понятие назначения, публичность, целеполагание.

* Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета, адвокат адвокатской палаты г. Москвы.

Goals and Tasks (Purpose) of Criminal Proceedings

Naumov Kirill A.**

✉ kirill_naumov@list.ru

43 Sivtsev Vrazhek lane, Moscow, 119002, Russia

Abstract. The relevance of the problem covered is explained by the essence of goal-setting of any activity, which determines its final result and procedural structure. The direction of actions of state bodies in responding to crimes depends on it, as well as the arsenal of means provided for this to the law enforcement officer. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not have a norm directly formulating the goal and objectives of criminal judicial proceedings. The legislator has applied such a non-standard category as “purpose”, which replaced the customary provisions that existed for more than 40 years on the tasks of criminal proceedings, enshrined in the previously existing code. Since the procedural law does not name the goals and objectives of the criminal process, the analysis of the target settings of modern criminal justice, the essence of the categories “purpose”, “goal”, “task”, their correlation and meaning is of particular importance. The Author analyzes the points of view of the processors of the pre-revolutionary and modern periods. The conclusion about the differentiation of the given concepts is made. Unlike the views of most scholars, the Author believes that purpose and goal are identical concepts, since they determine the final result of procedural activities. The goal is seen as the end result of the activity, and the task is determined by the goal and is considered as the result of its separate stage. Therefore, the Author conditionally correlates these categories as general (goal) and particular (task). There can be many tasks, and they are subject to changes under certain conditions, and the goal is always the same. The goal of any criminal process is determined by the need to streamline the dispute between the parties arising from the crime committed. The absence of clearly formulated elements of goal-setting prevents the assessment of the effectiveness of activities to resolve a criminal-legal conflict. The flaws in the legal structure of teleological norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation are noted. On the basis of a comparison of the views of procedural scholars, analysis of regulatory legal acts, the author came to the conclusion that the result of the criminal process should be the protection of the rights and legitimate interests of individuals, organizations, society and the state from criminal encroachments; protection of the individual from illegal and unjustified accusations, convictions, restrictions on his rights and freedoms. The tasks, despite their uncertainty from the point of view of legal regulation, constitute an established formula: quick and complete disclosure of a crime, the appointment of a just punishment to the guilty, education and prevention. The Author believes that the current structure of norms on the appointment of criminal proceedings does not reflect the absolute need to protect the interests of society and the state, and also does not define specific tasks as a guideline for the law enforcement officer to fulfill them in each criminal case in order to achieve this goal. Therefore, we propose our own legal structure of the norm on the tasks of legal proceedings, complementing the current provisions.

Keywords: goal, task, appointment, criminal procedure, essence, efficiency, pre-trial proceedings, teleology, purpose of criminal proceedings, ratio of purpose to tasks, concept of purpose, publicity, targeting.

В уголовном судопроизводстве цели и задачи выступают важнейшими ориентирами, которые в условиях публичности являются установкой для государственных органов и должностных лиц, направляющей их действия. Достигнутый результат позволяет определить эффективность деятельности, а также дифференцировать ответственность за отступления от предписаний закона. Правильное целеопределение позволит сократить социальные и ресурсные затраты на функционирование системы уголовного процесса, ускорить досудебное производство,

повысить его эффективность, обеспечить справедливость судопроизводства, гарантии прав участников процесса, формировать кадровый потенциал уполномоченных государственных органов и, как итог, создать процедурный механизм досудебного производства, наиболее предпочтительный для Российской Федерации, а также привести систему органов уголовного судопроизводства в оптимальное состояние для эффективного решения поставленных перед ними задач.

Древнегреческий философ Аристотель, высказываясь о мудрости, писал, что самое

** Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the Siberian Law University, Lawyer of the Moscow Bar Association.

основное из знаний и преобладающее над служебным есть то, в котором содержится понимание цели, ради которой все в отдельности должно осуществляться [11, с. 24]. Как правильно заметил И. А. Пикалов, «...для того, чтобы сделать вывод о целесообразности того или иного решения или действия, необходимо в первую очередь определить конечную цель, которую следует достигнуть, а также совокупность промежуточных задач, через выполнение которых возможно достижение поставленной цели» [6, с. 138]. Для уголовно-процессуальной деятельности, особенно применительно к расследованию конкретных преступлений, адекватное формулирование целевых установок является необходимой предпосылкой эффективности [9, с. 161]. По справедливому высказыванию О. Л. Васильева, всякая деятельность, не имеющая перед собой конкретной цели, бессмысленна [1, с. 20].

Следует заметить, что цели уголовного судопроизводства мало изучены в аспекте повышения эффективности процесса. Невыясненными остаются проблемы субординации и координации целей уголовного процесса, возможной их конкуренции. Из этого вытекает одна из причин современного кризиса уголовной юстиции – противопоставление таких явлений, как «эффективность» и «демократизация» в организации уголовного процесса и его оптимизации. Например, возможно повысить эффективность правосудия, связанную с установлением истины по уголовным делам, ценой отказа от некоторых гарантий прав личности. Однако нельзя «добыть» истину любыми средствами, не останавливаясь перед чрезмерным, а порой и противозаконным ущемлением прав и интересов личности. Поэтому особо актуальным вопросом остается четкое определение цели уголовного процесса и его задач.

Категории «назначение», «цель», «задача» составляют целеполагание деятельности и, соответственно, определяют ее функционально-процедурное построение. Назначение (цель) и задачи всей системы соответствуют и всем ее элементам в отдельности. Если представить отдельную фазу деятельности в ее логической завершенности, самостоятельности, можно определить ее цель как цель частную, результат, который субъекты такого этапа желают достигнуть и представляют его как идеальный образ итогов своей деятельности. Соответственно и достичь ее можно лишь путем определения и решения обусловленных данной целью задач.

В обыденном понимании назначение тождественно предназначению, т. е. «то, для чего». «Назначение – цель, предназначение» [5, с. 346]. А «предназначение» от слова «предназначить» – «определить для какой-нибудь цели». В русском языке слова «назначение» и «цель» являются синонимами. Возможно, по этим причинам широкое распространение в уголовно-процессуальной науке получила если не тождественность, то непротивопоставление понятий «назначение», «цель» и «задача». При рассмотрении деятельности как процесса, протекающего во времени, ее назначение, «запрограммированное» изначально, остается неизменным и в дальнейшем, до достижения результата. Однако можно рассматривать назначение в качестве внешней оценки, которая употребляется в различных сферах жизнедеятельности (например, «целевое назначение», «функциональное назначение», «военное назначение», «медицинское назначение», «сельскохозяйственное назначение» и т. д., т. е. при характеристике неодушевленных предметов).

С учетом этого можно констатировать, что назначение деятельности, в том числе уголовно-процессуальной, – это ее целевая характеристика, выражающая конечный результат процесса, а поэтому представляется верным отождествлять «назначение» и «цель».

Цель выступает элементом поведения человека, его сознательной деятельности. Она предвосхищает результаты человеческого поведения, ею обусловлено его «направление». В начале XX в. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон именовали целью представление, которое человек стремится осуществить, включая сюда же представление, стремление к его осуществлению и представление о тех средствах, которыми цель может быть осуществлена [13, с. 265]. Иными словами цель – это результат деятельности, в сознании человека – идеальная модель его планируемых, последующих действий.

Термин «задача» в толковых словарях русского языка представлен как «то, что требует исполнения, разрешения» [5, с. 187]. Интересен подход к определению задачи в психологии, где она определяется как данная в определенных условиях цель деятельности, которая должна достигаться преобразованием этих условий согласно определенной процедуре [8, с. 49]. Задача – это цель отдельного этапа деятельности в конкретном временном промежутке при определенных

условиях. Она устанавливает конкретные пути достижения цели. Цель – это желаемый конечный результат деятельности, а задача – это результат отдельной ее стадии. Представляется, что соотношение этих категорий условно можно установить как общее (цель) и частное (задача). Цель достигается решением задач. И в уголовном судопроизводстве с его стадийностью это наглядно проявляется: каждая стадия имеет свои задачи.

Рассмотрение цели (назначение) и задач в их соотношении приводит к выводу, что это элементы одного порядка, входящие в целеполагание деятельности. Их нельзя рассматривать в отрыве друг от друга, так как это два взаимодействующих элемента. Отождествляя эти термины, П. С. Элькинд отмечала, что цель – категория более философская, а задача – приближенная к практической деятельности [15, с. 100]. Однако, как представляется, цель – это конечный итог деятельности и она конкретизируется в задачах. Цель – общий результат в перспективе, а задача – частный результат в зависимости от определенных условий. Стоит согласиться с Н. В. Азаренком и А. А. Давлетовым, которые отмечают, что задачи производны от более общей категории «цель» и «задачи без цели бесперспективны, цель без задач недостижима» [2, с. 24].

Что же является целью (назначением) уголовного судопроизводства? Рассматривая целевые характеристики уголовного процесса как особого вида государственной правоприменительной деятельности, следует отметить, что в теории отечественного уголовного процесса исторически отсутствует единое мнение в определении цели уголовного судопроизводства.

Так, один из процессуалистов дореволюционного периода Н. Стояновский полагал, что «высшей целью уголовного судопроизводства является справедливое осуществление и приведение в действие уголовных законов» [10, с. 3]. Действительно, уголовно-процессуальное право устанавливает процедуру применения уголовного материального права. В. А. Линовский полагал, что «конечная цель уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы, открывая и наказывая преступление, удовлетворить требованиям закона правды и справедливости» [4, с. 43]. Более современные взгляды также не отличаются единством подхода. П. С. Элькинд к целям уголовного судопроизводства относил быстрое и полное раскрытие преступлений, вы-

явление и устранение причин и условий, способствующих их совершению, изобличение виновных, обеспечение правильного применения закона, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был бы привлечен к уголовной ответственности и осужден, а неосновательно привлеченный или осужденный был бы реабилитирован [15, с. 102]. Так, разграничивая понятие «цель» (цель производства по конкретному делу) и «задача» (задачи уголовного судопроизводства как отрасли государственной деятельности), В. Т. Томин пришел к выводу, что целью советского уголовного процесса являются: изобличение лиц, виновных в совершении преступления, применение к ним справедливого наказания или иных мер государственного или государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретном случае достижение целей уголовного наказания без назначения наказания, а также внесение изменений в качественную и количественную характеристики наказания в случаях, когда такие изменения будут способствовать достижению целей наказания [12, с. 25]. Р. А. Хашимов, подробно исследовавший категорию «цель» в уголовном судопроизводстве, полагает, что «цель в уголовном процессе есть цель социальная, выражаемая и отображаемая в сознании субъектов правотворчества в виде идеального и желаемого образа будущего состояния» [14, с. 7]. Подобным образом рассматривал цель уголовного процесса как желаемый результат деятельности участников уголовного процесса и А. П. Попов [7, с. 23].

Конечным результатом уголовного судопроизводства являются не только вопросы определения виновного и наказания. Разрешить возникший по поводу совершения преступления социальный конфликт возможно лишь при условии восстановления в правах: если обобщенно, то когда изобличен виновный и возмещен причиненный преступлением ущерб. На современном этапе суд, разрешая дело по существу, не имеет цели изобличить виновного. Если бы конечной целью являлось наказание виновного, государство, наверное, принимало бы меры по обеспечению энергичности репрессий.

Думается, что не совсем верен предложенный Р. А. Хашимовым взгляд на цель уголовного процесса как на истину с рассмотрением защиты личности в качестве непосредственной задачи уголовного процесса [14, с. 19–22]. Выявление

истины – не окончательный результат судопроизводства. Финальным итогом является разрешение условного правового спора и защита потерпевшего от преступления. Исследование всех обстоятельств преступления и установление истины является одной из задач уголовного процесса. Охрана личности, защита прав и свобод человека и гражданина провозглашена Конституцией РФ в ст. 2 обязанностью государства. В современном уголовном судопроизводстве с его охранительной направленностью защита личности – это следствие всей уголовно-процессуальной деятельности и по этим причинам как идеально желаемый результат она является целью уголовного процесса. Цель всего уголовного судопроизводства должна соответствовать целям каждой стадии, составляющей его, как элементам единой системы.

Цель уголовного судопроизводства обусловлена необходимостью упорядочения спора, возникшего по поводу преступления. Как следствие, целью самого процесса является его разрешение по существу, т. е. защита личности и общества от совершенного преступного посягательства. Полное отождествление целей и задач представляется методологически неправильным. Задач может быть много, и они в определенных условиях подвергаются изменениям, а цель всегда одна.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) отсутствует норма, прямо формулирующая цель и задачи уголовного судопроизводства. При этом бесспорно важным является то, какую цель ставит государство и общество перед уголовным процессом, решение каких задач преследует и, наконец, какие средства предоставляет правоприменителю для этого. Телеология судопроизводства во многом определяется уголовно-процессуальной политикой, которая выбирается, как правило, из двух классических направлений, выделенных американским профессором Гербертом Пакером: первое – модель должной правовой процедуры с приоритетом защиты личных прав и свобод и максимальной гарантией прав преследуемого в уголовном порядке лица; второе – модель контроля над преступностью, предполагающая ограничение индивидуальных прав во имя защиты общества и его членов [16, р. 1]. Англосаксонский уголовный процесс, избрав модель

надлежащей правовой процедуры, признает обязанность государства защищать права и свободы граждан. При этом общество также заинтересовано в защите общественного спокойствия, порядка и безопасности, в эффективном и честном государственном управлении и, в частности, в отправлении правосудия [17, р. 5]. Контроль над преступностью реализован в странах с большой численностью аппарата правоохранительных органов для поддержания порядка, в которых обеспечены высокие показатели арестов, обвинительных приговоров и тюремного заключения [18, р. 311]. Российский законодатель, формулируя целеполагание процесса, как представляется, пошел по своему пути и попытался, хотя в большей степени декларативно, объединить обе модели.

Им применена такая нестандартная для конструирования процедурных кодифицированных нормативно-правовых актов категория, как «назначение», пришедшая на смену привычным, просуществовавшим более 40 лет, положениям о задачах уголовного судопроизводства, закрепленным в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. Возможно, это попытка законодателя придать особую общественную значимость уголовно-процессуальной деятельности, сделать упор на то, что это не цель как результат деятельности, а это ее назначение как смысл существования, то, для чего она и имеет место быть.

Категория «назначение» не является традиционной и распространенной при формулировании ключевых целевых установок процесса и отличается от российских правовых тенденций. Например, в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации используются термины «цели» и «задачи», в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации, ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации определены «задачи». Задачи установлены и в уголовно-процессуальных кодексах стран бывшего СССР. Например, в ст. 8 УПК Республики Казахстан¹.

Статья 6 УПК РФ содержит два взаимосвязанных положения о назначении уголовного

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (по сост. на 27 дек. 2019 г.) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Республики Казахстан. URL: http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_norm_baza_current/mvd_norm_baza_zakon/upk_kaz.pdf

процесса. Первое: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Второе: защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. *Назначение* тождественно *цели уголовного судопроизводства*, а поэтому не будет спорным трактовать ст. 6 УПК РФ следующим образом: целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Именно для этого и предназначено уголовное судопроизводство. Использование термина «назначение» вероятнее всего обусловлено стремлением придать этой особой государственной деятельности внешний вид деятельности защитительной, охранительной и значимой для общества в социальном плане, а также избежать преемственности в законотворческой деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Как верно отмечает Л. В. Головкин, «российский законодатель просто решил взглянуть на проблему под иным углом зрения... с точки зрения социального предназначения уголовного судопроизводства» [3, с. 54]. С телеологической позиции подобное формирование целевых установок не является удачным, в том смысле, что существующая норма содержит размытые контуры цели и не называет задачи уголовного процесса. Действующие положения о назначении судопроизводства при своей социальной ориентированности, воплотив положения ст. 2 Конституции РФ, фактически отражают отношения между потерпевшим (лицами и организациями) и обвиняемым, не указывая на общественные и государственные интересы, в то время как только сильное государство и общество могут обеспечить защиту личности. Конструкция ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР более точно определяла целеполагание уголовного процесса: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Несмотря на указанные изъяны уголовно-процессуального закона в части упущения публичных интересов, следует признать, что в действительности уголовное судопроизводство стоит

на защите общества и государства, поскольку преступление – явление общественно опасное, а, следовательно, от компетентных государственных органов требуется в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, что и отражено в ст. 21 УПК РФ.

Систематизируя изложенное, можно констатировать, что цель уголовного судопроизводства с общетеоретических позиций – правильное применение норм уголовного права; цель уголовного процесса как государственной деятельности – охранительная, исходя из определения, содержащегося в ст. 6 УПК РФ.

Трудно говорить о защите потерпевших от преступлений, если не будет установлено событие преступления, не изобличен виновный в этом деянии, не обеспечено возмещение причиненного преступлением ущерба, виновному не назначено справедливое наказание. Однако привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, необоснованное ограничение прав и свобод личности вряд ли поспособствуют охране интересов потерпевшего.

Дуалистический характер цели в единстве двух элементов – защиты потерпевших от преступлений и личности от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – предопределяет задачи, решением которых этот желаемый результат будет достигнут. Установление виновного, полное и всестороннее исследование всех обстоятельств преступления, возмещение причиненного преступлением вреда, назначение справедливого наказания обеспечит защиту потерпевших. Одновременно выполнение данных задач оградит невиновных от вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность, от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Анализируя целевые установки современного уголовного процесса, точки зрения исследователей, можно прийти к выводу, что *задачи современного уголовного судопроизводства* определяются следующим образом: установление события преступления; установление истины как цели доказывания – всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела; быстрое (с соблюдением процессуальных сроков) и полное раскрытие (изобличение виновных) преступления; уголовное преследование

лиц, совершивших преступление; обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба; выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятие мер по их устранению (профилактическая задача); соблюдение установленного порядка обоснованного ограничения прав и свобод личности; применение к виновным справедливого наказания или иных мер государственно-правового воздействия; реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Уголовное судопроизводство связано с фактом преступного деяния, поэтому совершенно обоснованным представляется установление события преступления. Более того, названное положение закреплено и в ст. 21 УПК РФ, так как обществу важна оценка действий, выходящих за установленные нормы поведения. Всесторонность, полнота и объективность, а правильное сказать – максимальная объективность расследования – это составляющие истины, как цели доказывания. Без исследования события невозможно защитить потерпевшего от преступления, установить виновное лицо. Уголовное преследование является основной функцией стороны обвинения и, по сути, определяет процедуру досудебного производства. Компенсаторная задача – возмещение ущерба, причиненного преступлением, для потерпевшего имеет определяющее значение. Нельзя говорить о защите прав пострадавших только при изобличении виновных и назначении им наказания. Главным элементом здесь выступает компенсация потерь, так называемая уголовно-правовая реституция. И, наконец, профилактика преступлений является не менее значимой задачей, так как ее исполнение позволяет оградить других граждан,

общество и государство от потенциальных преступных действий.

Таким образом, назначение, цель и задачи – взаимосвязанные элементы целеполагания, в нестрогом смысле являющиеся синонимами.

Целью уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц, организаций, общества и государства от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Задачи, несмотря на их неопределенность с точки зрения правового регулирования, детерминированы целью и обобщенно составляют устоявшуюся формулу: быстрое и полное раскрытие преступления, назначение справедливого наказания, восстановление прав потерпевшего, воспитание и профилактика.

Конструкция современного УПК РФ в части целеполагания несовершенна, так как не отражает безусловную необходимость охраны интересов общества и государства и не определяет четкие задачи как ориентир правоприменителя на их выполнение по каждому уголовному делу для достижения поставленной цели.

Представляется верным дополнить УПК РФ положениями о задачах уголовного судопроизводства, например, ч. 3 ст. 6 изложить в следующей редакции: *«Задачами уголовного судопроизводства являются полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств преступления, быстрое изобличение лиц, совершивших преступление, их уголовное преследование, обеспечение возмещения причиненного преступлением ущерба, назначение справедливого наказания или применение иных мер государственно-правового воздействия, выявление причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятие мер по их устранению».*

Список литературы

1. Васильев О. Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2002. № 3. С. 20–43.
2. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Программа уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2009. 208 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1282 с.
4. Линовский В. А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М. : Лекс-Эст, 2001. 240 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 10-е изд., стереотип. М. : Сов. энцикл., 1973. 847 с.
6. Пикалов И. А. Принципы отечественного уголовного процесса : моногр. М. : Юрлитинформ, 2012. 254 с.
7. Попов А. П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 44 с.
8. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 1998. 301 с.
9. Смирнова И. Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2014. № 2 (6). С. 158–168.

10. Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб. : Тип. К. Крайя, 1852. 311 с.
11. Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения. СПб. : Тип. Монтвида, 1905. С. 1–113.
12. Томин В. Т. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 586 с.
13. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. СПб. : Тип. акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1911. 284 с.
14. Хашимов Р. А. Категория «цель» в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 26 с.
15. Элькинд П. С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 98–103.
16. Packer H. L. Two Models of the Criminal Process // *University of Pennsylvania Law Review*. 1964. Vol. 113, № 1. P. 1–68.
17. Scheb J. M., Scheb II J. M. *Criminal Law and Procedure*. 7th ed. Wadsworth Publishing, 2010. 784 p.
18. Sung H.-E. Democracy and Criminal Justice in Cross-National Perspective: From Crime Control to Due Process // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2006. Vol. 605, iss. 1. P. 311–337. DOI: 10.1177/0002716206287546.

References

1. Vasil'ev O. L. Tseli i zadachi predvaritel'nogo rassledovaniya i ego form [Goals and Objectives of the Preliminary Investigation and Its Forms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo – Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2002, no. 3, pp. 20–43.
2. Davletov A. A., Azarenok N. V. *Programma ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Procedure Program]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 208 p.
3. Golovko L. V. (Ed.). *Kurs ugolovnogo protsessa* [The Course of Criminal Process]. Moscow, Statut Publ., 2016. 1282 p.
4. Linovskii V. A. *Opyt istoricheskikh royskaniy o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii* [The Experience of Historical Research on Investigative Criminal Proceedings in Russia]. Moscow, LeksEst Publ., 2001. 240 p.
5. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. 10th ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973. 847 p.
6. Pikalov I. A. *Printsipy otechestvennogo ugolovnogo protsessa* [The Principles of Domestic Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 254 p.
7. Popov A. P. *Tselepolaganie v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve*. Avtoref. dis. d-ra jurid. nauk [Goal-Setting in Modern Domestic Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Nizhny Novgorod, 2006. 44 p.
8. Golovin S. Yu. *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of a Practical Psychologist]. Minsk, Kharvest Publ., 1998. 301 p.
9. Smirnova I. G. Effektivnost' ugolovnogo sudoproizvodstva kak odno iz obyazatel'nykh uslovii formirovaniya ugolovno-protsessual'noi strategii: v razvitie idei I. V. Smol'kovoi [Efficiency of Criminal Legal Proceedings as One of Indispensable Conditions of Criminal Procedure Strategy: In Development of I.V. Smolkova's Ideas]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya – Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, 2014, no. 2 (6), pp. 158–168.
10. Stoyanovskii N. *Prakticheskoe rukovodstvo k russkomu ugolovnomu sudoproizvodstvu* [A Practical Guide to Russian Criminal Justice]. St. Petersburg, K. Kraiya's typography, 1852. 311 p.
11. Suворов С. Основы философии жизни [Fundamentals of the Philosophy of Life]. *Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya – Essays on a Realistic Worldview*. St. Petersburg, Montvid's typography, 1905, pp. 1–113.
12. Tomин V. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. St. Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2004. 586 p.
13. Radlov E. L. (Ed.). *Filosofskii slovar' logiki, psikhologii, etiki, estetiki i istorii filosofii* [Philosophical Dictionary of Logic, Psychology, Ethics, Aesthetics and History of Philosophy]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron typography, 1911. 284 p.
14. Khashimov R. A. *Kategoriya «tsel'» v ugolovnom protsesse*. Avtoref. dis. kand. jurid. nauk [The Category “Purpose” in Criminal Proceedings. Ext. Abstr. Cand. Legal Sci. Dis.]. Chelyabinsk, 2006. 26 p.
15. El'kind P. S. Kategorii «tsel'» i «sredstvo» v sfere ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya [The Categories “Goal” and “Means” in the Field of Criminal Procedure Regulation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1972, no. 8, pp. 98–103.
16. Packer H. L. Two Models of the Criminal Process. *University of Pennsylvania Law Review*, 1964, vol. 113, no. 1, pp. 1–68.
17. Scheb J. M., Scheb II J. M. *Criminal Law and Procedure*. 7th ed. Wadsworth Publishing, 2010. 784 p.
18. Sung H.-E. Democracy and Criminal Justice in Cross-National Perspective: From Crime Control to Due Process. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2006, vol. 605, iss. 1, pp. 311–337. DOI: 10.1177/0002716206287546.

Дата поступления статьи | Article received date
11.03.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
03.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-394-401

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, СКЛОНЕННОГО К ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

СУСЛИКОВ Алексей Николаевич*

✉ kampo11976@yandex.ru

Пос. Ямбург, Надымский район, Ямало-Ненецкий автономный округ, 629740, Россия

Аннотация. В процессе уголовного судопроизводства определение процессуального статуса лица, участвующего в уголовном деле, является важнейшим этапом расследования. От того, кем будет признано лицо, зависит, какими правами и обязанностями оно будет обладать, как активно сможет участвовать в уголовном деле. В работе исследуются вопросы, связанные с определением процессуального статуса лица, склоненного к потреблению наркотических средств, делаются выводы о необходимости признания его потерпевшим в рамках расследования уголовных дел по ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Анализируются доводы в защиту положения о признании потерпевшими лиц, склоненных к потреблению наркотических средств, а также приводятся аргументы, разъясняющие, какой именно ущерб причиняется преступником лицам, как употреблявшим наркотики, так и отказавшимся от их потребления. Приводится существующая в настоящее время судебная практика об определении процессуального статуса лиц, склоненных к потреблению наркотиков.

В работе разъясняются причины, по которым следователи и прокуроры не желают привлекать лиц, склоненных к потреблению наркотических средств, к участию в уголовном судопроизводстве на стороне обвинения. На примере судебного акта, вступившего в законную силу, разъясняется, как статус потерпевшего в уголовном деле может повлиять на вынесенный приговор.

Для понимания вреда, возникающего в том числе и при разовом потреблении наркотических средств, рассматривается ситуация с каннабисом. Акцентируется внимание на отношении общества к наркотическим средствам, изготавливаемым из конопли, и на примере работ в области медицины описывается ущерб, причиняемый человеку при потреблении наркотических веществ на основе конопли. Одновременно разъясняется, почему наркотики наносят склоненному и физический, и моральный вред.

Формулируются выводы о необходимости участия склоненного лица в уголовном деле в статусе потерпевшего с момента вынесения следователем постановления о возбуждении уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, склонение к потреблению наркотических средств, процессуальный статус, потерпевший, сторона обвинения.

Determination of the Procedural Status of a Person Who Was Inclined to Use Narcotic Drugs

Suslikov Aleksei N.**

✉ kampo11976@yandex.ru

Sett. Yamburg, Nadym District, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, 629740, Russia

Abstract. In the process of criminal proceedings, the determination of the procedural status of a person participating in a criminal case is the most important stage of the investigation. It depends on who the person will be recognized, what rights and obligations it will have, how actively it will be able to participate in the criminal case. The paper examines issues related to the determination of the procedural status of a person inclined to use

* Старший инспектор филиала «Служба корпоративной защиты» ООО «Газпром добыча Ямбург».

** Senior Inspector of the branch "Corporate Protection Service" of LLC "Gazprom Dobycha Yamburg"

drugs, draws conclusions about the need to recognize the inclined victim in the framework of the investigation of criminal cases under Art. 230 of the Criminal Code of the Russian Federation "Induction to the consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues." The article analyzes the arguments in defense of the provision on recognizing as victims those who are inclined to use drugs, and also provides arguments explaining what kind of damage is caused by the perpetrator to people who have used drugs and who have refused their use. The presently existing judicial practice on determining the procedural status of persons inclined to use drugs is presented.

The paper explains the reasons why investigators and prosecutors do not want to involve persons inclined to use drugs to participate in criminal proceedings on the side of the prosecution. Using the example of a judicial act that has entered into legal force, it is explained how the status of a victim in a criminal case can affect the sentence passed.

The situation with cannabis is considered in order to understand the harm arising from one-time use of narcotic drugs. Attention is focused on the attitude of society towards narcotic drugs made from hemp, and on the example of works in the field of medicine, the author describes the damage caused to a person when hemp-based drugs are consumed. At the same time, it explains why drugs inflict both physical and moral harm on a person.

Conclusions are formulated about the need for the incited person to participate in a criminal case in the status of a victim from the moment the investigator makes a decision to initiate a criminal case.

Keywords: *criminal proceedings, inducement to use narcotic drugs, procedural status, victim, prosecution.*

Производство по уголовному делу предполагает выяснение ряда важнейших вопросов, связанных с обстоятельствами совершения преступления, выяснением объективной и субъективной стороны преступного деяния, личности преступника. Не менее важным является вопрос установления процессуального статуса лиц, участвующих в уголовном процессе, как на стадии расследования, так и на стадии судебного разбирательства.

При расследовании большинства преступлений вопрос процессуального положения лица разрешается быстро, не вызывая практических затруднений у следователей. Проблемы возникают лишь по небольшой категории уголовных дел, возбуждаемых, в том числе по фактам склонения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). При рассмотрении вышеуказанных криминальных проступков практические работники (следователи, прокуроры и судьи) придерживаются противоположных точек зрения в оценке процессуального статуса лица, в отношении которого обвиняемый совершал противоправные действия, направленные на вовлечение его в потребление наркотиков. Часть правоприменителей считает, что указанные лица обладают правовым статусом потерпевшего, другие приводят доводы о необходимости участия таких лиц в уголовном процессе лишь в качестве свидетелей.

Для понимания процессуального статуса лица, участвующего в судопроизводстве, необходимо обратиться к базовым понятиям, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве, раскрывающим суть отличия свидетеля от потерпевшего.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УПК РФ: «Свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний».

Потерпевшим в соответствии с ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) признается: «...физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда».

Потерпевший является участником уголовного процесса со стороны обвинения, а свидетель отнесен к иным участникам уголовного судопроизводства. Правовой статус этих категорий настолько различен, что следует говорить о процессуальных нарушениях, допускаемых в отношении участников уголовного процесса, которые

непосредственным образом затрагивают их права и обязанности. На это указывает и Верховный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (с изм. и доп.)¹: «Строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, служит важной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба».

Однако при изучении практики рассмотрения в судах такой категории уголовных дел видно, что даже в одном субъекте России суды наделяют лиц, вовлекаемых в процесс потребления наркотических средств, различным статусом.

Подсудимый Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 230 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. Согласно приговору суда Г., находясь на территории домовладения, имея умысел, направленный на склонение к потреблению наркотического средства в отношении двух лиц, обратился поочередно к потерпевшим В. и Д., с устным предложением употребить наркотическое средство марихуана путем курения. Действуя во исполнение своего преступного умысла, направленного на возбуждение желания у присутствующих употребить наркотическое средство, Г. подготовил металлическую банку из-под пива для употребления наркотического средства, засыпал туда имевшееся в его распоряжении наркотическое средство – марихуану – и стал употреблять его путем курения, демонстрируя В. и Д. способ потребления наркотического средства, при этом предлагая совместно с ним его употребить. Получив отказ потерпевших В. и Д., Г., продолжая реализовывать свой преступный умысел на склонение к потреблению наркотических средств, вновь предложил В. и Д., употребить наркотическое средство путем курения, стал восхвалять приятные ощущения, вызываемые потреблением наркотика. Поддавшись неоднократным, настойчивым уговорам Г., В. и Д. согласились употребить наркотическое средство, после чего, желая наступления наркотического опьянения путем курения, поочередно употребили тетрагидроканнабинол, являющийся наркотическим средством².

Подсудимому П. инкриминировалось совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 2 ст. 228 и ч. 1 ст. 230 УК РФ. В ходе судебного заседания было установлено, что П. 30 августа 2017 г., находясь у себя дома, вместе со знакомым Р., желая склонить последнего к употреблению наркотического средства – гашишного масла, зная, что Р. наркотические средства не употребляет, сознавая общественную опасность своих действий, направленных против здоровья населения и общественной нравственности, предвидя наступление общественно опасных последствий и желая их наступления, путем описания состояния наркотического опьянения, возбудил у Р. желание употребить наркотическое средство, т. е. склонил последнего к употреблению наркотического средства – гашишного масла. После чего в этот же день Р. употребил безвозмездно полученное от П. наркотическое средство – гашишное масло – неустановленной массы, выпив его из стакана емкостью 150 грамм, зная, что употребляет именно наркотическое средство. По данному уголовному делу Р. выступал в качестве свидетеля и потерпевшим по делу не признавался³.

Как видно из приведенных решений, суды, рассматривая преступные деяния, совершенные в сходных обстоятельствах, закрепили за склоненными лицами разный процессуальный статус, в первом случае признав их потерпевшими, а во втором – ограничившись лишь статусом свидетеля. При этом действия обвиняемых, которые склонили граждан к потреблению наркотических средств, изготавливаемых из конопли, тождественны.

Еще в 2009 г. А. А. Койсин указывал: «Необходимо отметить, что преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков достаточно много – ст.ст. 228, 229, 230, 231, 232, 233 УК РФ. При этом только в трех составах может присутствовать такой элемент криминалистической характеристики, как характеристика потерпевшего – это ст.ст. 228, 229 и 230 УК РФ» [2, с. 103].

Различия в судебной практике процессуального статуса склоненных к потреблению наркотиков в свою очередь порождает отсутствие единых стандартов при вынесении приговоров и негативно сказывается на применении закона в деле борьбы с наркопреступностью.

¹ Рос. газ. 2010. 7 июля.

² Приговор Лунинск. район. суда Пензен. обл. по делу № 1-7/2018.

³ Приговор Белинск. район. суда Пензен. обл. по делу № 1-9/2018.

Непризнание лиц потерпевшими при расследовании преступлений, связанных с расширением круга потребителей наркотиков, приводит к тому, что граждане лишаются возможности активно помогать правоохранительным органам. Это затрудняет сбор доказательств и раскрытие преступлений.

Кроме того, гамогенное применение уголовного закона – основополагающий принцип, исповедуемый в судах разных стран, действующих в условиях состязательности уголовного процесса. На это, например, указывает Джеффри С. Новацки в своей работе, посвященной уголовному судопроизводству в США: «Одной из целей вынесения федеральных приговоров является создание справедливой, последовательной и единообразной практики вынесения приговоров» [9, р. 46].

Так почему же следственные работники, а впоследствии и суд, отказывают лицам, которые склонялись обвиняемым к употреблению наркотических средств, в статусе потерпевшего? Чем они руководствуются, принимая решения об участии таких лиц в уголовном деле в качестве свидетелей? Чтобы понять принципиально разный подход к определению статуса лица в уголовном деле, необходимо вновь обратиться к понятию «потерпевший», употребляемому в отношении физического лица.

УПК РФ для признания потерпевшим указывает три признака, каждый из которых по отдельности или в совокупности определяют необходимость признания лица пострадавшим от преступления – это причинение физического, имущественного или морального вреда. Встает вопрос о том, какой именно вред причинен действиями преступника в момент склонения к употреблению наркотиков?

Часть представителей следственных органов, а вслед за ними и часть судейского сообщества считают, что при однократном (а иногда и неоднократном) употреблении наркотических средств никакой ущерб лицу, их употребившему, не причиняется и, следовательно, нельзя говорить о том, что это лицо в результате совершения преступного деяния приобретает статус потерпевшего. Такие выводы построены на элементарном невежестве, когда вслед за потребителями наркотиков профессионалы (к которым необходимо отнести следователей, прокуроров и судей) дезинформированы об опасности психоактивных веществ и не видят рисков употребления этих препаратов [8].

Между тем научные исследования, проводимые в данной области, констатируют, что даже при однократном употреблении наркотического средства организму человека наносится ущерб, сравнимый по тяжести с ущербом от отравления ядами. Вот как это описано в специализированной литературе: «Очень важной особенностью влияния является изменение действия наркотиков при многократных регулярных применениях. Дело в том, что при первом, втором, а иногда и при последующих первых введениях наркотики оказывают отравляющее действие на людей, и это действие выявляется при введении меньших доз наркотиков. При этом дозы наркотика, вводимого человеку впервые в жизни, вызывают его реальное отравление» [5, с. 23].

В качестве эталона разрушительного воздействия на организм рассмотрим влияние тетрагидроканнабинола (далее – ТГК), который присутствует во всех наркотических средствах, получаемых из конопли, незаслуженно получившей славу «легкого» наркотика. Ошибочность точки зрения об отсутствии вреда при употреблении марихуаны присуща не только российским обывателям, но и жителям других стран. При проведении исследований об отношении социума к марихуане в Израиле было зафиксировано, что в обществе превалирует точка зрения об общей культурной вседозволенности по отношению к каннабису, вседозволенности, которая охватывает все больше и больше элементов частной жизни индивида [6].

Между тем О. В. Иванцов и К. В. Машилов в работе, посвященной каннабису, так описывают действия его активного компонента: «Разрушение и преобразование ТГК в печени происходит чрезвычайно медленно. Он сохраняется в организме более 3 суток, а в жировых тканях до 2 недель. Такая длительность пребывания в организме имеет значение для относительно позднего образования зависимости. ТГК действует на воспринимающие структуры организма, именуемые рецепторами. Одни из них находятся в клетках иммунной системы, отвечающих за сопротивляемость инфекционным и онкологическим заболеваниям. Иммунитет угнетается, риск возникновения указанных заболеваний увеличивается. Другие рецепторы находятся в головном мозге. ТГК снижает интенсивность сигналов, передаваемых от одной нервной клетки к другой, обуславливая ослабление памяти, внимания, снижение двигательной активности и температуры тела» [1, с. 62].

Приведенное описание воздействия наркотического средства на организм человека позволяет сделать однозначный вывод, что преступник, совершая манипуляции, направленные на склонение лица к употреблению наркотиков, понимает, что нарушает процесс нормального функционирования организма человека, и тем самым наносит ему физический вред.

Необходимо отметить, что в случае квалификации действий подсудимых по п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ лица, вовлекаемые в употребление наркотиков, в рамках расследования и рассмотрения уголовных дел всегда признавались по делу потерпевшими.

Приговором Щекинского районного суда Тульской области С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 3 ст. 230, ч. 1 ст. 228.1, п. «в» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок двадцать лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима. С. обвинялся в склонении четырех несовершеннолетних граждан к употреблению психотропного вещества (смеси, содержащей амфетамин), в результате чего у двух потерпевших возникла зависимость от психостимуляторов первой стадии, а у еще одного потерпевшего зависимость от психостимуляторов второй стадии. В рамках рассмотрения уголовного дела все четверо несовершеннолетних, независимо от наступления тяжких последствий, были признаны потерпевшими и выступили на стороне обвинения⁴.

Правонарушитель Н. был осужден по п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ к 6 годам лишения свободы, условно с испытательным сроком на 3 года. По приговору суда Н. был признан виновным в том, что, располагая наркотическим средством, изготовленным им из растений мака, путем предложения и уговоров к потреблению наркотического средства, поясняя, что от потребления С. будет получать удовольствие, эйфорию, тем самым возбуждая желание к потреблению наркотического средства, склонил гр. С к незаконному потреблению наркотического средства, в результате чего последняя на это согласилась и Н. с помощью медицинского шприца ввел ей инъекцию приготовленного им раствора с наркотическим средством в объеме не менее 1 мл. В результате противоправных действий Н. у С. возникла бо-

лезнь «опийная наркомания», т. е. она стала страдать наркотической зависимостью. С. по уголовному делу была признана потерпевшей⁵.

Как видно из приведенных судебных решений, в случае заболевания наркоманией суды признают склоненных потерпевшими, наделяя их всеми правами, которые предусматривает уголовно-процессуальное законодательство, значительно расширяя их возможности как стороны в уголовном процессе.

Теперь следует обратиться к ситуации, когда склоняемый к употреблению наркотических средств не поддавался речевой манипуляции преступника и не употребил наркотическое средство. В каком статусе выступает данное лицо в рамках производства по уголовному делу?

Конечно же, и в первом случае склоненного следует признавать потерпевшим, руководствуясь теми же положениями, что и при признании потерпевшим гражданина, на которого было совершено разбойное нападение, ведь не каждый разбой заканчивается завладением имущества потерпевшего, как и не каждое склонение заканчивается употреблением наркотического средства.

Воскресенским городским судом Московской области К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 230 и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ.

Согласно приговору суда К., являясь потребителем наркотических средств и психотропных веществ, имея преступный умысел на склонение своей знакомой Л. к потреблению психотропного вещества амфетамина, с помощью мобильного устройства, путем переписки в социальной сети «В Контакте», реализуя свой преступный умысел, действуя с помощью уговоров, предлагал Л. употребить совместно с ним психотропное вещество амфетамин, при этом сообщая, какой эффект на организм окажет употребление данного психотропного вещества, и убеждая в отсутствии наркотической зависимости при разовом употреблении, тем самым возбуждая у Л. желание потребить психотропное вещество амфетамин. Получив предварительное согласие Л. на возможное употребление предлагаемого им психотропного вещества амфетамин, К. пришел по адресу проживания Л., где, находясь в помещении кухни, выложил на стол принесенный им сверток из денежной купюры с находившимся

⁴ Приговор Щекинск. район. суда Тул. обл. по делу № 1/171-2017.

⁵ Приговор Караидельск. район. суда Респ. Башкортостан по делу № 1/42-2011.

в нем порошкообразным веществом светлого цвета массой не менее 0,1682 г., в составе которого содержалось психотропное вещество амфетамин, после чего К. высыпал на поверхность пластиковой карты часть указанного вещества, разделив его на три части в виде «дорожек», приготовив данное вещество к совместному употреблению им и Л. Затем К. предложил Л. употребить совместно с ним вышеуказанное психотропное вещество, и в качестве примера одного из способов употребления с помощью скрученной в трубочку денежной купюры путем вдыхания через носовые пазухи употребил две «дорожки» указанного вещества, оставив третью «дорожку» для дальнейшего употребления Л., несмотря на уговоры К., Л. от употребления указанного психотропного вещества отказалась, после чего в вышеуказанной квартире К. был задержан сотрудниками полиции. В ходе расследования уголовного дела, а также в суде Л. выступала в качестве потерпевшей⁶.

Понимая, что употребление наркотических средств всегда влечет угрозу для здоровья употребившего, необходимо помнить и о наличии морального вреда, причиняемого потерпевшему в результате преступных действий.

Верховный Суд РФ в постановлении от 20 декабря 1994 г. № 10 (с изм.) дает следующее понятие морального вреда: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина»⁷.

Давая оценку определения морального вреда в свете уголовного судопроизводства в рамках ст. 230 УК РФ, необходимо отметить, что вовлечение потерпевшего в круг лиц, даже эпизодически употребляющих психоактивные вещества,

влечет для него определенные нравственные страдания, связанные с ухудшением здоровья, подрывом репутации при постановке на профилактический учет по поводу употребления наркотиков и т. п.

Определяя ущерб, нанесенный преступником лицу, склоненному к потреблению наркотических средств, следует говорить о нанесении пострадавшему физического и морального вреда, при этом в случае употребления потерпевшим наркотических средств речь идет и о физических, и о моральных потерях. В случае же отказа от употребления наркотиков речь идет о причинении морального вреда, связанного, в том числе и с нравственными страданиями, испытанными потерпевшим в момент воздействия преступника на его сознание в целях изменения поведения жертвы вопреки его интересам.

Второй причиной, по которой следователи и судьи не признают склоненное лицо потерпевшим, является стремление облегчить процесс доказывания по уголовному делу, не допустить склоненного к полноценному участию в уголовном процессе. И здесь можно выделить два аспекта, которыми руководствуется обвинение, не допуская эту категорию лиц в уголовный процесс в качестве полноценного участника.

Во-первых, нежелание интегрировать пострадавших в этапы уголовного процесса вызвано опасением, что потерпевший не способен представлять доказательства в суде и не сможет последовательно описать характер преступного деяния и самого преступника [7].

Во-вторых, связано это с тем, что, как правило, лица, склоненные к потреблению наркотических средств находятся в близких (дружеских) отношениях с преступником, и в случае их участия в процессе на стороне обвинения данные лица для оправдания преступника могут предпринять действия, направленные на придание ничтожности доказательств, собранных в период расследования.

Как отмечает Г. З. Ситдикова: «В ходе допроса свидетелей незаконного оборота наркотиков и потерпевших от них, могут возникнуть факты нежелания вступать в контакт с лицом, осуществляющим расследование, которые вызваны поддержанием допрашиваемыми установок

⁶ Приговор Воскресенск. гор. суда Моск. обл. по делу № 1-105/2016.

⁷ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 20 дек. 1994 г. № 10 (ред. от 6 февр. 2007 г.). URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-20121994/>

криминальной среды, возможностью давления на них соучастниками преступных операций с наркотиками, а также другими негативными факторами» [4, с. 250].

В случае участия склоненного в уголовном деле в качестве потерпевшего, он имеет значительно больше возможностей влиять на выносимый приговор путем подачи ходатайств, выступления в судебных прениях, поддержке обвинения, обжаловании приговора. Все это в конечном счете усложняет и процесс расследования по делу, и процесс рассмотрения уголовного дела в суде.

П. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 1 ст. 230 УК РФ. Согласно предъявленному обвинению П. инкриминировалось, что он, употребляя синтетическое наркотическое средство путем курения в присутствии потерпевшей Т., действуя умышленно, осознавая незаконность и противоправность своих действий, путем устных высказываний, предложений и уговоров, направленных на возбуждение желания, склонил Т. к употреблению наркотического средства.

Оправдывая П. в совершении преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, суд указал: «Фактически Т., согласившись на предложение П. попробовать имевшийся у него наркотик, была свободна в своем волеизъявлении. Потребление ею наркотического средства не было следствием уговоров либо насилия с целью принуждения ее к потреблению наркотических средств. Каких-либо умышленных действий со стороны П., направленных на склонение к потреблению наркотиков, зафиксировано не было»⁸. Указанный приговор вынесен с учетом мнения потерпевшей Т., которая не настаивала на привлечении П. к уголовной ответственности по ст. 230 УК РФ.

В приведенном судебном акте делается акцент на том, что потерпевшая в процессе совершения криминального деяния показала себя не с лучшей стороны и ее действия спровоцировали преступление. Однако ненадлежащее поведение не может считаться основанием непризнания ее потерпевшей, закон не предусматривает отказ в защите прав гражданина, если его действия спровоцировали преступное посягательство. Это может быть учтено как смягчающее обстоятельство при вынесении приговора, но не может служить аргументом при отказе от защиты его прав.

Несмотря на то что участие склоненных по уголовным делам в качестве потерпевших усложняет производство по делу, пребывание их в ином статусе, статусе свидетеля, является незаконным. Сведение роли лица, склоненного к употреблению наркотического средства, к статусу свидетеля приводит к тому, что он не имеет возможности активно отстаивать свои права, нарушенные преступлением. В частности, свидетель лишен права заявить гражданский иск или ходатайствовать о проведении следственных действий, подтверждающих его показания. Изменение же потерпевшим своей позиции по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, является неизбежным злом, которое лишь требует от лица, проводящего расследование, грамотного и скрупулезного сбора доказательств в рамках уголовного дела.

Обобщая все вышеописанное, следует помнить, что «законом потерпевший отнесен к стороне обвинения, следовательно, его роль должна стать ключевой, чем раньше, в процессуальном смысле, состоится признание лица потерпевшим, тем быстрее он приступит к выполнению основной функции – уголовному преследованию» [3, с. 197], и тем объективнее будет принято решение о виновности или невиновности лица, склонявшего к потреблению наркотического средства.

Список литературы

1. Иванцов О. В., Машиллов К. В. Употребление различных психоактивных веществ и системный патогенез аддиктивного поведения // Системная психология и социология. 2013. № 8. С. 59–71.
2. Койсин А. А. К вопросу о содержании криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 97–104.
3. Круглов С. В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 252 с.
4. Ситдикова Г. З. Криминалистические и процессуальные особенности допроса свидетелей и потерпевших по делам о посягательствах, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Орел, 26 мая 2016 г.). Орел : Орл. юрид. ин-т МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2016. С. 248–252.

⁸ Приговор Сургут. гор. суда Ханты-Манс. авт. окр. – Югры по делу № 1-1241/2017.

5. Ураков А. Л. Синтетические и естественные каннабиноиды, трава дикорастущей конопли (марихуана, каннабис), гашиш, спайс, «аромамикс», манага: фармакологические эффекты при курении и приеме внутрь // Успехи современного естествознания. 2014. № 2. С. 21–26.
6. Himi H., Bonny-Noach H. Personal and Professional Attitudes and Behavioral Patterns Concerning Cannabis Use of Teachers and Youth Workers in Israel // *Journal of Drug Issues*. 2018. Vol. 48, № 1. P. 67–77. DOI: 10.1177/0022042617729677.
7. Kirchengast T. Victims' Rights and the Right to Review: A Corollary of the Victim's Pre-Trial Rights to Justice // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2016. Vol. 5, № 4. P. 103–15. DOI: 10.5204/ijcjsd.v5i4.295.
8. Laguna S. Constructing Drug Using Victims: Race and Class in Policy Debates on Ecstasy Use in the U. S. // *Contemporary Drug Problems*. 2018. Vol. 45, № 1. P. 67–81. DOI: 10.1177/0091450917748981.
9. Nowacki J. S. Federal Sentencing Guidelines and United States v. Booker: Social Context and Sentencing Disparity // *Criminal Justice Policy Review*. 2018. Vol. 29, № 1. P. 45–66. DOI: 10.1177/0887403415619987.

References

1. Ivantsov O. V., Mashilov K. V. Upotreblenie razlichnykh psikoaktivnykh veshchestv i sistemnyi patogenez addiktivnogo povedeniya [The Use of Different Psychoactive Substances and System Pathogenesis of Addictive Behavior]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya – Systems Psychology and Sociology*, 2013, no. 8, pp. 59–71.
2. Kojin A. A. K voprosu o sodержanii kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov [To the Problem of Criminalistic Characteristic of Crimes Connected with Illegal Drug Turnover]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik – Siberian Law Herald*, 2009, no. 2 (45), pp. 97–104.
3. Kruglov S. V. *Uchastie poterpevshego v dokazyvanii na predvaritel'nom sledstvii po UPK RF*. Dis. kand. jurid. nauk [Participation of the Victim in Proving at the preliminary Investigation Under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Cand. Legal Sci. Dis.]. Saratov, 2006. 252 p.
4. Sitdikova G. Z. Kriminalisticheskie i protsessual'nye osobennosti doprosa svidetelei i poterpevshikh po delam o posyagatel'stvakh, svyazannykh s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv [Criminalistic and Procedural Features of the Interrogation of Witnesses and Victims in Cases of Encroachments Related to the Illegal Circulation of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu – Criminal Procedural and Forensic Problems of Fighting Crime*. Oryol, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2016, pp. 248–252.
5. Ураков А. Л. Синтетические и естественные каннабиноиды, трава дикорастущей конопли (марихуана, каннабис), гашиш, спайс, «аромамикс», манага: фармакологические эффекты при курении и приеме внутрь [Synthetic and Natural Cannabinoids, Grass Wild Hemp (Marijuana, Cannabis), Hashish, Spice, «Aroma Mix», Managa: Pharmacological Effects of Smoking and Ingestion]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*, 2014, no. 2, pp. 21–26.
6. Himi H., Bonny-Noach H. Personal and Professional Attitudes and Behavioral Patterns Concerning Cannabis Use of Teachers and Youth Workers in Israel. *Journal of Drug Issues*, 2018, vol. 48, no. 1, pp. 67–77. DOI: 10.1177/0022042617729677.
7. Kirchengast T. Victims' Rights and the Right to Review: A Corollary of the Victim's Pre-Trial Rights to Justice. *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 103–15. DOI: 10.5204/ijcjsd.v5i4.295.
8. Laguna S. Constructing Drug Using Victims: Race and Class in Policy Debates on Ecstasy Use in the U. S. *Contemporary Drug Problems*, 2018, vol. 45, no. 1, pp. 67–81. DOI: 10.1177/0091450917748981.
9. Nowacki J. S. Federal Sentencing Guidelines and United States v. Booker: Social Context and Sentencing Disparity. *Criminal Justice Policy Review*, 2018, vol. 29, no. 1, pp. 45–66. DOI: 10.1177/0887403415619987.

Дата поступления статьи | Article received date

16.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

07.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-402-410

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

ХЛУС Александр Михайлович*

✉ hlus.home@mail.ru

Пр. Независимости, 4, Минск, 220050, Республика
Беларусь

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена имеющимися проблемами реализации методических рекомендаций в практической деятельности по расследованию преступлений против собственности. В статье исследуются теоретическая основа построения частных методик расследования различных форм хищений (краж, грабежей, разбоев, вымогательства и мошенничества), в качестве которой традиционно выступает их криминалистическая характеристика. Разработанность методики расследования на основе криминалистической характеристики не способствует раскрытию содержания материальных элементов структуры совершаемых хищений в процессе его расследования. Это позволило автору сделать вывод о недостаточной полноте криминалистического представления данных преступлений. Доминирование уголовно-правовых и криминологических знаний о преступлении, содержащихся в их криминалистической характеристике, не является правильным подходом с позиции отражения реалий преступных деяний. В основе криминалистической характеристики рассматриваемых видов хищений, по мнению автора, должны находиться знания об общих элементах их материальной структуры. В дальнейшем сведения об элементах материальной структуры как результат описания их особенностей должны составить одну из основных частей криминалистической характеристики преступления. Знание элементов материальной структуры преступления в сочетании с их криминалистической характеристикой создают прочную криминалистическую основу для построения частных методик расследования хищений, совершаемых путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства или мошенничества. В числе общих элементов в структуре рассматриваемых преступлений автором выделены субъект совершения преступления, объект и предмет преступного посягательства. При описании этих элементов предлагается учитывать их отражательные особенности в условиях осуществления типичных способов совершения анализируемых преступлений. Необходимо также использовать информацию, содержащуюся в их криминалистических характеристиках. Автор сделал вывод, что наиболее рационально выглядят информационные модели преступных деяний, сочетающие в себе сведения об элементах их материальной структуры и данные криминалистических характеристик этих преступлений. В практической деятельности по расследованию преступлений знание общих элементов их материальной структуры позволяет выявить наличие (отсутствие) значимой информации по каждому его элементу. Соотнесение имеющейся информации об этих элементах с их описанием в криминалистической характеристике преступления позволяет выбрать направление расследования, выдвинуть соответствующие версии и определить набор тактических средств, необходимых для их проверки.

Ключевые слова: криминалистика, преступления против собственности, информационная модель преступления, криминалистическая характеристика, материальная структура преступлений.

* Доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Problem Aspects of Understanding the Information Model of Crimes Against Property

Khilus Aleksandr M.**

✉ hlus.home@mail.ru

4 Nezavisimosti pr., Minsk, 220050, Republic of Belarus

Abstract. *The relevance of the research topic is due to the existing problems of the implementation of methodological recommendations in the practice of investigating crimes against property. The article examines the theoretical basis for the construction of private methods for investigating various forms of theft (theft, robbery, extortion and fraud), which is traditionally their forensic characteristics. The elaboration of the investigation methodology based on the forensic characteristics does not contribute to the disclosure of the content of the material elements of the structure of the theft committed during its investigation. This allowed the author to draw a conclusion about the insufficient completeness of the forensic presentation of these crimes. The dominance of criminal law and criminological knowledge about a crime, contained in their criminalistic characteristics, is not a correct approach from the standpoint of reflecting the realities of criminal acts. The forensic characteristics of the types of theft under consideration, in the Author's opinion, should be based on knowledge about the general elements of their material structure. In the future, information about the elements of the material structure as a result of the description of their features should form one of the main parts of the forensic characteristics of the crime. Knowledge of the elements of the material structure of a crime, combined with their forensic characteristics, creates a solid forensic basis for building private methods for investigating thefts committed by theft, robbery, extortion or fraud. Among the common elements in the structure of the crimes under consideration, the author singled out the subject of the crime, the object and subject of the criminal encroachment. When describing these elements, it is proposed to take into account their reflective features in the context of the implementation of typical methods of committing the analyzed crimes. It is also necessary to use the information contained in their forensic characteristics. The Author concluded that the information models of criminal acts that combine information about the elements of their material structure and data on the criminalistic characteristics of these crimes look the most rational. In the practice of investigating crimes, knowledge of the common elements of their material structure makes it possible to identify the presence (absence) of significant information on each of its elements. Correlation of the available information about these elements with their description in the forensic characteristics of the crime allows you to choose the direction of the investigation, put forward the appropriate versions and determine the set of tactical means necessary to verify them.*

Keywords: *forensic science, crimes against property, information model of crime, forensic characteristics, material structure of crimes.*

Значительное количество совершаемых противоправных деяний в Беларуси составляют преступления против собственности: кражи, грабежи, разбойные нападения, мошенничества и вымогательства. Об этом свидетельствуют исследования, проведенные белорусскими учеными [5]. Различаясь по уголовно-правовой квалификации (ст.ст. 205–209 Уголовного кодекса Республики Беларусь¹ (далее – УК РБ)), эти преступления имеют ряд существенных черт, определяющих их криминалистическую однородность, а также некоторое сходство методик расследования.

Все методики расследования указанных преступлений сформированы на основе их криминалистических характеристик, которые рассматриваются в качестве информационных моделей преступных деяний. Каждая криминалистическая характеристика этих преступлений представляет собой совокупность сведений о типичных признаках уголовного деяния.

Отсутствие общих принципов в описании элементов структуры криминалистической характеристики привело к различию во взглядах ученых на их количество и содержание. Не вся

** Docent of the Department of Criminalistics at the Belarusian State University, Candidate of Legal Sciences, Docent.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>

информация, содержащаяся в таких характеристиках, имеет криминалистическое содержание. Это общая проблема всех методик, сформированных на основе криминалистической характеристики преступлений. На эту проблему давно обратили внимание ученые, а Р. С. Белкин указал, что криминалистическая характеристика «превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [1, с. 223].

При формировании частных методик расследования, учитывая имеющиеся проблемы криминалистической характеристики, мы считаем необходимым избрать иной путь построения информационной модели рассматриваемых преступлений. С этой целью предлагается выделить материальные элементы, образующие их структуру. Их выявление и исследование определяет иной подход к формированию информационной модели данных преступных деяний и, соответственно, к построению частных методик расследования.

Для формирования методик расследования рассматриваемых форм хищений имеют значение данные об их уголовно-правовом составе, а равно положения криминалистической характеристики и, в особенности, сведения о способе совершения преступления. Но представление о данных видах деяний будет неполным без знания элементов их материальной структуры.

Сначала представим наиболее общее понимание криминалистического учения о материальной структуре преступления [4] и его элементах безотносительно к рассматриваемым видам преступлений.

Первое представление о материальной структуре преступления формируется на основе его уголовно-правового состава, который сам по себе имеет абстрактный характер и таким образом сохраняет свое состояние вне зависимости от каких-либо обстоятельств. На этой основе возможно построение модели материальной структуры преступления, которая также будет абстрактной. Данная модель является наиболее общей и содержит определенное количество структурных элементов, которые можно выделить, учитывая конструкцию состава конкретного вида преступлений. В дальнейшем при совершении преступлений данного вида количество структурных элементов может как совпадать, так и отличаться от общей модели в большую или меньшую сторону. В момент совершения преступного деяния в реальную взаимосвязь

вступают определенные материальные составляющие преступной структуры. Говорить об их абстрактности уже не приходится. Абстрактная модель преступного деяния превращается в материальную основу, позволяющую его познание в процессе расследования.

Пониманию этого способствует также рассмотрение криминалистической наукой любого преступного деяния в качестве системы. Данная система реально проявляется в окружающей ее действительности. Для нее характерна структура, образованная материальными элементами. В их числе А. Е. Гучок выделил: субъект, объект, предмет, средство преступного посягательства и предмет преступления [3, с. 48].

В системе анализируемых преступлений (кражи, грабежи, разбои, вымогательства и мошенничества) можно выделить следующие общие материальные элементы: 1) субъект совершения преступления; 2) объект преступного посягательства; 3) предмет преступного посягательства и 4) средство совершения преступления. Первые три элемента являются обязательными материальными составляющими системы указанных форм хищений. Средство совершения преступления – возможный элемент в структуре рассматриваемых преступлений.

Криминалистическая характеристика указанных элементов не содержит информации, пригодной для ее использования в процессе раскрытия и расследования хищений. Системообразующим элементом этих преступлений является субъект их совершения, от которого зависит состояние и развитие в преступной системе иных структурных элементов. Именно он оказывает на них воздействие и является следообразующим элементом.

Субъектом любого из упомянутых видов преступлений всегда является человек. Уголовное право и криминалистика в выделении и наименовании этого элемента не имеют различий. Различия начинаются на этапе понимания данного центрального элемента в одном случае состава преступления, а во втором – его материальной структуры. Если в составе преступления человек представлен как абстрактный элемент, характеризующийся признаками физической целостности, вменяемости и определенного возраста, то для материальной структуры конкретного преступления характерно наличие реального человека, который соответствует или не соответствует установленным уголовно-правовым

признакам. Здесь следует иметь в виду возможность совершения противоправного деяния психически нездоровым человеком (невменяемым) или не достигшим возраста уголовной ответственности (малолетним). Это в большей степени значимо для уголовного права, различающего общественно опасное деяние и преступление. Это приводит к тому, что общественно опасное деяние, совершенное, например, лицом с психическими аномалиями, не признается преступлением. Криминалистика на основе специальных и иных методов устанавливает это различие в процессе раскрытия преступления и расследования уголовного дела. Более того, она имеет соответствующие методики расследования общественно-опасных деяний [2].

В криминалистической характеристике рассматриваемых преступлений речь идет о наиболее общих криминологических свойствах личности преступника. Указано, что ответственность за кражу, грабеж, разбой и вымогательство наступает с 14 лет, а за мошенничество – с 16 лет. Подавляющее большинство этих деяний совершается лицами мужского пола. Женщины совершают их в составе однородных или смешанных групп. Подчеркивается, что возраст преступников находится в прямой зависимости от особенностей рассматриваемых криминальных действий, требующих дерзости, решительности, мобильности, ловкости и физической силы. Две трети обвиняемых по данной категории уголовных дел имеют возраст не старше 40 лет (чаще в пределах 16–30). Отражается информация и об образовании виновных в совершении хищений, причем нередко ничего не значащая и, более того, не соответствующая действительности («не ниже 8 классов») [6, с. 53–56]. Обращается внимание, что возрастные особенности в значительной мере объясняют преобладание среди обвиняемых холостых правонарушителей. Это обстоятельство исследователи связывают с возрастом и с другими характеристиками личности: условиями жизни, интересами, профессией, ближайшим окружением и т. д.

С точки зрения криминалистики, для характеристики субъекта совершения указанных деяний большее значение имеет информация о его возможности формировать следовую картину преступления. Данный элемент в структуре преступления определяется как образующий следы, так и отражающий их на себе в результате взаимосвязи с иными материальными элементами.

Объект посягательства в криминалистической характеристике рассматриваемых преступлений не анализируется. Если речь о нем все же идет, то он упоминается в аспекте уголовно-правовой науки как общественные отношения, на которые посягают виновные в совершении хищений. С точки зрения уголовного права для данной группы преступлений их общим объектом являются отношения собственности, охраняемые нормами права. Такая трактовка понятия «объект преступного посягательства» не имеет криминалистического значения, так как в процессе расследования преступлений приходится иметь дело не с абстрактными общественными отношениями, а с реальными образованиями материального характера. Уголовно-правовой объект преступления не содержит никакой информации о следах деяния, которые значимы для установления всех обстоятельств произошедшего события.

В структуре рассматриваемых преступлений можно выделить несколько видов материальных объектов посягательства. К ним относятся организации (предприятия, учреждения, их помещения и территории), помещения, принадлежащие гражданам (жилище, гаражи, погреба, сараи и т. п.), и конкретные физические лица. Именно данные объекты подлежат следственному исследованию в целях обнаружения признаков, указывающих на преступность совершенного деяния. Определив на основе следовой картины признаки деяния, следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела. Он же, исследуя следы, обнаруженные в ходе осмотра места происшествия, получает первичную информацию о способе совершения преступных действий, сведения о субъекте их совершения, средстве и предмете посягательства.

Организации (предприятия, учреждения, их помещения и территории) чаще всего являются объектами посягательства при совершении краж. Нередко они служат объектами посягательства при совершении мошенничества, реже при совершении грабежей и разбоев. Развитие информационных технологий послужило основой для появления новых способов совершения вымогательства, связанных с использованием компьютерной техники. Объектами «кибершантажа» [8] все чаще становятся организации различных форм собственности.

Помещения, принадлежащие гражданам (жилище, гаражи, погреба, сараи и т. п.) в качестве

объектов посягательства характерны для краж, грабежей и разбоев. Для последних двух видов преступлений жилища граждан преимущественно являются объектами посягательства. На данное обстоятельство указывают ст.ст. 206 и 207 УК РФ, где говорится о «проникновении в жилище» как квалифицирующем признаке уголовной ответственности. Указанные объекты посягательства не характерны для хищений, совершенных путем вымогательства и мошенничества, но могут быть их предметом.

Для всех рассматриваемых преступлений конкретные физические лица являются объектом посягательства. Это обусловлено моментом совершения преступного деяния, когда имущество, представляющее интерес для злоумышленников, находится во владении жертвы преступления. Они же являются исключительным объектом для большинства случаев совершения хищения путем вымогательства.

При совершении грабежей и разбоев возможно одновременное посягательство на несколько объектов. Но физические лица будут выступать в качестве основного объекта посягательства. Например, в случае совершения в отношении физического лица разбойного нападения с проникновением в его жилище путем его «взлома».

Объектом посягательства при вымогательстве может быть иная материальная система, которую следует рассматривать дополнительным объектом посягательства. Например, совершено вымогательство, «соединенное с уничтожением или повреждением имущества» (ч. 2 ст. 208 УК РФ). В качестве такого имущества может быть любое имущество, принадлежащее потерпевшему.

Криминалистическая характеристика хищений содержит сведения о предмете посягательства. Для этих преступлений данный элемент является общим: деньги и иные материальные ценности. В качестве предмета криминального посягательства при совершении конкретных преступных деяний могут выступать: валюта (национальные и зарубежные денежные средства), товарно-материальные ценности предприятий, организаций, учреждений, коллективов и отдельных граждан, транспортные средства, продукты питания, оружие (холодное и огнестрельное), произведения искусства, предметы культа, наркотические и радиоактивные вещества и др. Информация о данном элементе преступного посягательства определяет направления их поиска

и возможных следов связи с иными структурными элементами преступления.

Средства совершения указанных преступлений весьма разнообразны. Их выбор связан со способом совершения конкретного вида преступлений. Наибольшее разнообразие средств совершения преступлений характерно для способов, связанных с проникновением на объект посягательства при совершении кражи. Такое же проникновение возможно и при совершении грабежа и разбоя, но в данном случае их отличие от кражи состоит в наличии насилия в различной степени либо угрозы такого насилия, что в момент совершения преступления подтверждается демонстрацией какого-либо дополнительного предмета, рассматриваемого в качестве средства совершения преступления.

Вымогательства посредством шантажной угрозы предполагают наличие средств их совершения. Как правило, сведения, которые преступник намерен распространить, определяют появление средства совершения преступления в момент предъявления преступных требований. Угрожая распространением заведомо ложных сведений (клеветы), вымогатель вербально информирует об этом потерпевшего, используя различные средства связи (мобильный телефон, письмо и т. д.), которые в системе преступления выполняют функцию средства совершения преступления, отражают на себе следы и являются связующим звеном между иными элементами преступления.

В качестве необычных средств совершения преступлений следует рассматривать создание организации в целях мошеннического привлечения денежных средств граждан и дальнейшего завладения ими. Такую организацию следует рассматривать в качестве средства совершения мошенничества, когда ее создание обусловлено целью хищения. И она не будет считаться таковой в случае, когда она первоначально осуществляла законную хозяйственную деятельность, но в последующем руководство организации скрылось, противоправно завладев чужим имуществом (деньгами).

При совершении мошенничества в качестве средства совершения преступления могут выступать различного рода документы, что в редких случаях может быть при вымогательстве, но не бывает при кражах, грабежах и разбоях. Совершая мошенничества, преступники широко используют различные виды подложных

документов: справки с места работы, паспорта, удостоверения личности, трудовые книжки и т. д. Но могут быть использованы и иные материальные предметы, выбор которых определяется способом совершения мошенничества. Например, для завладения чужим автомобилем мошенники использовали денежную «куклу»; под видом продажи бриллиантов (иных ювелирных изделий) мошенники предложили их копию; для производства «самочинного обыска» [6, с. 77] преступники, кроме поддельных документов, применяют форменную одежду сотрудников милиции и т. д.

Для сравнительно длительного периода преступной деятельности используются более сложные в организационном и техническом плане средства совершения мошенничества. Например, значительно сложнее для реализации выглядит способ мошенничества с использованием лжепредприятий [7, с. 46–76]. Они в системе мошенничества играют роль средства совершения преступления, что признается не всеми учеными.

По нашему мнению, лжепредприятием следует считать только юридическое лицо как организационно-правовую форму, внешне создаваемую для благовидной цели, а в реальности используемую для преступной деятельности. Только в случае, когда лжепредприятие прошло процедуру создания, т. е. соответствующей регистрации, его можно рассматривать как средство совершения преступления. Если мошенники действуют под видом организации, предварительно подделав все необходимые документы (учредительный договор, устав, свидетельство о государственной регистрации, бланки, печати и другие необходимые реквизиты), то все это указывает только на особые мошеннические приемы.

Организация (юридическое лицо) в преступной системе рассматриваемых видов хищения может выступать не только в качестве средства совершения преступления, но и объекта посягательства. Например, совершена кража в помещении торгового предприятия. При совершении иных видов преступлений организация (юридическое лицо) может быть предметом преступного посягательства, когда, например, преступники реализуют цель рейдерского захвата предприятия. При совершении некоторых коррупционных преступлений, связанных со взяточничеством, а также ряда иных преступных деяний (например, финансирование деятельности террористов и т. п.) организацию (юридическое лицо),

по нашему мнению, необходимо рассматривать как субъекта преступления.

Со всеми указанными элементами взаимосвязан субъект совершения преступления. На этих элементах он оставляет свои следы, указывающие на преступный характер его действий. Данные следы необходимо рассматривать как в широком, так и в узком, трасологическом понимании. Следы в узком смысле наиболее информативны, отражаются на объекте посягательства и содержат сведения о различных свойствах субъекта, их оставившего. Информация о действиях, индивидуальных свойствах и признаках субъекта, совершающего или совершившего преступное деяние, отражается также в обстановке места происшествия.

Предметы обстановки места происшествия, с которыми контактировал субъект преступного деяния, также могут оставить на нем следы, отражающие их содержание, состав или конструктивные характеристики.

Традиционные следы субъекта на объекте посягательства, а также в окружающей его обстановке могут быть не выявлены. Это может быть следствием некачественной работы на месте происшествия по причине недостаточных криминалистических знаний, необходимых для обнаружения, закрепления и изъятия следов. Эти же следы уничтожаются в результате небрежного поведения посторонних лиц, оказавшихся на месте происшествия ранее следственно-оперативной группы. И, наконец, преступник лично уничтожает следы либо не допускает их образования, предусмотрев необходимые для этого меры, что само по себе свидетельствует о достаточно высокой криминальной квалификации субъекта и незаурядных познаниях в криминалистике. Например, вор, совершающий квартирную кражу, использовал резиновые (или иные) перчатки, что исключило образование следов рук на предметах вещной обстановки в помещениях квартиры; он же использовал бахилы, что исключило возможность образования традиционных и запаховых следов; волосы преступника на месте происшествия также не обнаружены, так как преступник предварительно использовал головную повязку, исключившую случайное выпадение волос в обстановке его преступного деяния.

На предмете преступного посягательства субъект непременно оставляет следы своих рук и иные следы. Некоторые предметы оставляют

следы своего вещества на субъекте, например, в виде микрочастиц или микроколичества вещества. Но предмет преступного посягательства – это тот элемент преступной системы, которым завладевает преступник. Для рассматриваемых преступлений это определенное имущество или деньги, которые похищаются субъектом, т. е. он их уносит с собой и скрывает от посторонних. Следы, оставленные субъектом на предмете и предметом на субъекте могут быть выявлены только после задержания преступника. Но факт задержания лица, подозреваемого в совершении хищения, не гарантирует выявления указанных следов и их использования в целях доказывания его причастности к преступлению, так как преступник, завладевший чужим имуществом, как правило, стремится в кратчайшие сроки от него избавиться. Поэтому одной из задач, стоящих перед следствием по данной категории уголовных дел, является розыск похищенного имущества. Установив местонахождение искомых предметов, осуществив их осмотр, экспертное исследование, представляется возможным выявить следы взаимосвязи подозреваемого в совершении хищения и предмета посягательства.

На средстве совершения преступления остаются следы субъекта, так как он его использует для достижения преступного результата. Данный элемент преступной системы далеко не всегда выступает в качестве объекта исследования на первоначальном этапе расследования рассматриваемых преступлений. Но используемое средство совершения преступления оставляет следы деятельности субъекта хищения на иных элементах преступной системы. Чаще всего средство используется для физического воздействия на объект посягательства, на котором, в зависимости от его конструктивных особенностей, возможна локализация максимального количества следов. Следы средства совершения преступления могут быть оставлены в обстановке, окружающей объект посягательства. Они также подлежат тщательному следственному осмотру и экспертному исследованию. Это позволяет получить ответы на вопросы о том, что представляет собой это средство, к какой группе предметов оно относится, какие отличительные признаки ему свойственны и др. Следы применения средства совершения преступления содержат и иную значимую информацию, касающуюся личности субъекта деяния. Эта информация может указы-

вать на физические данные субъекта, его профессиональные и криминальные навыки, особенности использования средства совершения преступления и др.

Подробно описать в методике расследования указанных преступлений следы субъекта достаточно сложно, так как их образование зависит от многих обстоятельств преступного деяния. Одним из таких обстоятельств является способ совершения преступления.

Сведения о способах совершения преступления имеют криминалистический характер. Их знание существенно для раскрытия и расследования преступлений. Криминалистическая характеристика рассматриваемых преступлений не содержит исчерпывающей информации о всевозможных способах их совершения. Это невозможно, так как изобретательность современных преступников не знает границ в улучшении старых и придумывании новых способов совершения преступлений. Тем не менее частная методика расследования должна содержать перечисление наиболее типичных способов совершения преступлений с отражением информации о механизме образования следов. Но чаще всего в криминалистической характеристике преступлений перечислены способы совершения преступления, а о типичных следах, образуемых на месте происшествия после их реализации, ничего не говорится.

Для примера рассмотрим особенности типичных способов совершения кражи, сведения о которых должны быть отражены в частной методике расследования в сочетании с указанием на следовую картину.

В соответствии со ст. 205 УК РФ все способы кражи отражают тайный характер их совершения. В зависимости от действий преступников их можно разделить на способы, связанные с проникновением на объект посягательства и не связанные с таким проникновением. В качестве объекта посягательства в указанной статье упоминается только жилище, в которое проникает виновный, совершающий хищение. Термин «жилище» означает «помещение, предназначенное для постоянного или временного проживания людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик и т. п.), а также его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо для удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т. п.)»

(п. 6, ст. 6 УПК Республики Беларусь)². Помещение, временно предоставленное гражданину (комната в общежитии и т. п.), также рассматривается как жилище, а незаконное проникновение в него в целях хищения влечет уголовную ответственность по ст. 205 УК РБ. Проникновение в жилище выступает в качестве квалифицирующего признака, влекущего для виновного повышенную ответственность. Это значимо с позиции уголовного права для квалификации деяния, но не криминалистики.

Преступник может проникнуть и совершить кражу на иных объектах, обособленных от жилых построек. К ним относятся, например, гаражи, погреба, сараи, амбары и другие хозяйственные строения, территории приусадебного или дачного участка, которые относятся к категории «иные законные владения граждан». Следовая картина преступных действий в этих случаях имеет свою специфику, представляющую интерес для криминалистики.

Проникновение в жилище или иное помещение осуществляется тайно или открыто. Тайное проникновение, как правило, сопровождается взломом, т. е. противоправным воздействием на конструктивные элементы преграды. В качестве такой преграды выступают окна, двери, стены, потолок и др. Они могут быть полностью или частично разрушены. При этом применяются специальные воровские инструменты (например, ломик «фомка» и др.), предметы хозяйственно-бытового назначения (гвоздодеры, топоры, ножовки, дрели и т. д.) или подручные предметы, случайно оказавшиеся в обстановке места совершения взлома (камни, обломки трубы, металлические прутья и т. п.). Под взломом понимаются также действия, приводящие к преодолению преграды без ее разрушения. Например, запирающее устройство (замок, щеколда и т. п.) открывается с помощью специального технического устройства, воровской отмычки, подбора ключа или использования иных предметов (булавки, куска проволоки и т. д.).

Использованное средство совершения хищения оставляет на месте преступления специфические, характерные только для него следы. Их разнообразие зависит от качественных характеристик предмета и способа его применения на месте происшествия.

Кражи, совершаемые путем открытого проникновения в помещение (на виду или с согласия потерпевшего), иногда связаны с обманом людей, находящихся в помещении. Например, под видом работников милиции, сантехников, почтальонов преступники проникают в помещение и совершают кражи. Иногда потерпевшие, руководствуясь различными поводами, сами приводят к себе домой случайных знакомых, которые затем совершают кражи.

Достаточно распространенными являются такие способы краж, которые не связаны с проникновением в помещение, поскольку для совершения данных преступлений не требуется каких-либо навыков (за исключением карманных краж), предварительной подготовки. Преступники похищают плохо охраняемые вещи. Так совершаются кражи в общественных местах, например, ручной клади, оставленной без присмотра на вокзале или на вещевых рынках путем отвлечения внимания продавца.

Как уже было отмечено, информация о следах для данных преступлений находится в зависимости от способа их совершения. Наиболее типичными следами, обнаруживаемыми при расследовании краж (равно и иных хищений), являются предметы и вещи, оставленные на месте преступления, микрочастицы, следы рук, ног, биологического происхождения, запаха и другие. Различные материальные следы могут быть обнаружены на теле, одежде преступника, в его жилище, по месту работы и т. д. Они могут быть оставлены на предмете преступного посягательства (товарах, украшениях, упаковочных коробках, оберточной бумаге). Свидетели и очевидцы способны более или менее подробно сообщить описание характерных признаков внешности и поведения преступника (идеальные следы), что позволяет максимально использовать оперативные и криминалистические данные, сосредоточенные в различных информационных системах.

Аналогичным образом можно рассмотреть и иные преступления против собственности: грабежи и разбои, мошенничества и вымогательства.

На основании изложенного предложим некоторые выводы.

Во-первых, криминалистические характеристики преступлений против собственности как теоретическая основа частных методик расследования не оправдывают возложенных на них

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 URL: <http://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>

надежд. Этот вывод согласуется с аналогичным мнением Р. С. Белкина [1, с. 223].

Во-вторых, в основе построения информационных моделей рассматриваемых преступлений необходимо использовать сведения о материальных элементах их структуры.

В-третьих, криминалистическое описание этих элементов целесообразно с учетом их отражательных возможностей в условиях реализации определенных способов совершения преступлений.

В-четвертых, для криминалистического описания материальных элементов необходимо использовать данные, содержащиеся в криминалистических характеристиках преступлений.

В-пятых, информационные модели преступлений против собственности, сочетающие в себе сведения об элементах их материальной структуры и данные криминалистических характеристик этих деяний, представляются наиболее рациональными.

Список литературы

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. 240 с.
2. Габа А. И., Мухин Г. Н. Расследование общественно-опасных деяний несовершеннолетних с отклонениями в психике. Минск, 2005. 90 с.
3. Гучок А. Е. Криминалистическая структура преступления. Минск : БГУ, 2007. 151 с.
4. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Минск : Тесей, 2012. 228 с.
5. Клим А. М., Легенченко Н. А. Состояние, структура и динамика общеуголовной корыстной преступности // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (41). С. 49–56.
6. Криминалистика : учеб. : в 3 ч. / под ред. Г. Н. Мухина. Минск : Акад. МВД, 2010. Ч. 3 : Криминалистическая методика. 295 с.
7. Курс криминалистики : в 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. Т. 3 : Криминалистическая методика: методика расследования преступлений в сфере экономики, взяточничества и компьютерных преступлений. 573 с.
8. Лопатина Т. М. Условно-цифровое вымогательство, или Кибершантаж // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 118–126. DOI: 10.1273/7255.

References

1. Belkin R. S. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki* [Forensic Science: Problems of Today. Topical Issues of Russian Forensic Science]. Moscow, 2001. 240 p.
2. Gaba A. I., Mukhin G. N. *Rassledovanie obshchestvenno-opasnykh deyanii nesovershennoletnikh s otkloneniyami v psikhike* [Investigation of Socially Dangerous Acts of Minors with Mental Disabilities]. Minsk, 2005. 90 p.
3. Guchok A. E. *Kriminalisticheskaya struktura prestupleniya* [Forensic Structure of the Crime]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2007. 151 p.
4. Guchok A. E. *Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o material'noi strukture prestupleniya* [Fundamentals of Forensic Doctrine About the Material Structure of a Crime]. Minsk, Tesey Publ., 2012. 228 p.
5. Klim A. M., Legenchenko N. A. *Sostoyanie, struktura i dinamika obshcheugolovnoi korystnoi prestupnosti* [Status, Structure and Dynamics of the Ordinary Sordid Crime]. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy – Issues of Criminology, Forensics and Forensic Examination*, 2017, no. 1 (41), pp. 49–56.
6. Mukhin G. N. (Ed.). *Kriminalistika. Ch. 3: Kriminalisticheskaya metodika* [Forensics. Ch. 3: Forensic Methodology]. Minsk, Academy of MIA Publ., 2010. 295 p.
7. Korshunova O. N., Stepanov A. A. (Eds.). *Kurs kriminalistiki. T. 3: Kriminalisticheskaya metodika: metodika rassledovaniya prestuplenii v sfere ekonomiki, vzyatochnichestva i komp'yuternykh prestuplenii* [The Course of Forensics. Vol. 3: Forensic Methodology: a Methodology for Investigating Crimes in the Field of Economics, Bribery and Computer Crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2004. 573 p.
8. Lopatina T. M. *Uslovno-tsifrovoye vymogatel'stvo, ili Kibershantazh* [Conditional-Digital Extortion, or Cyber Blackmail]. *Zhurnal rossiiskogo prava – Journal of Russian Law*, 2015, no. 1, pp. 118–126. DOI: 10.1273/7255.

Дата поступления статьи | Article received date
20.02.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
15.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.92

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-3-411-420

СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В ПРОЕКТЕ НОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич*

✉ grishkovecz65@mail.ru

Ул. Знаменка 10, Москва, 119019, Россия

***Аннотация.** Анализируются положения проекта Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, разработанного на основе одобренной в 2019 г. российским Правительством Концепции. Обращается внимание, что в Концепции впервые в отечественной практике содержится положение о том, что совершенствование института административной ответственности потребует проведения работы по трансформации его из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода. На основе анализа отдельных составов проекта нового КоАП сделан вывод, что карательно-фискальная направленность в нем сохраняется. Высказаны предложения о возможных путях ее преодоления. Административные наказания должны обеспечивать только общую и частную превенцию. Экономия административной репрессии должна стать элементом административной политики исполнительной власти. После вступления в законную силу нового КоАП РФ предложено ежегодно проводить мониторинг его применения, который позволит выявить составы, приносящие в бюджет наибольшие доходы. Обозначена проблема существования прибыльного бизнеса на административной ответственности. Негативно оцениваются попытки внедрения государственно-частного партнерства, связанного с оказанием полицейской помощи. Исходя из российских реалий можно предположить, что на практике это приведет к злоупотреблениям со стороны сотрудников полиции и, как следствие, к нарушению прав и свобод человека и гражданина. Только в перспективе российская полиция должна постепенно трансформироваться из сугубо силовой структуры, ориентированной на применение мер государственного принуждения, в структуру, во многом сервисную, предоставляющую гражданам специфические услуги, в частности оказывающую им в необходимых случаях полицейскую помощь. Поддерживается идея признать за административным правонарушителем «права на ошибку» и «права на прощение». Реализовать ее предлагается через расширение возможностей применения предупреждения в качестве альтернативы такому наказанию, как административный штраф, а также путем расширения перечня возможных оснований освобождения от административной ответственности. Сделан вывод о том, что принятие нового КоАП РФ не выглядит очевидным.*

***Ключевые слова:** карательно-фискальный инструмент, административное правонарушение, административная ответственность, административный штраф, предупреждение, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, административная политика, полиция.*

* Ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

An Old Problem in Draft of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offences

Grishkovets Aleksei A.**

✉ grishkovecz65@mail.ru

10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia

Abstract. The article analyzes the provisions of the draft of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, developed on the basis of the Concept approved in 2019 by the Russian Government. Attention is drawn to the fact that the Concept, for the first time in domestic practice, contains a provision stating that improving the institution of administrative responsibility will require work to transform it from a predominantly punitive-fiscal instrument into the institution of sentencing, subject to differentiated application taking into account the risk-based approach. Based on the analysis of particular compositions of the draft of the Code of Administrative Offenses, it has been concluded that the punitive-fiscal orientation in it remains. Suggestions have been made on possible ways to overcome this. Administrative penalties should only provide general and specific prevention. The economy of administrative repression should become an element of the administrative policy of the executive branch. After the entry into force of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offenses, it has been proposed to conduct annual monitoring of its application, which will make it possible to identify the compositions that bring the greatest income to the budget. The problem of the existence of a profitable business on administrative responsibility is outlined. Attempts to introduce public-private partnership related to the provision of police assistance are assessed negatively. Based on Russian realities, it can be assumed that in practice this will lead to abuse by police officers and, as a result, to violation of human and civil rights and freedoms. Only in the future, the Russian police should gradually transform from a purely security structure focused on the use of state coercion measures into a structure that is largely service, providing citizens with specific services, in particular, providing them with police assistance when necessary. The idea is supported to recognize the “right to error” and “the right to forgiveness” for an administrative offender. It is proposed to implement it by expanding the possibilities of applying a warning as an alternative to such a punishment as an administrative fine, as well as by expanding the list of possible grounds for exemption from administrative liability. It is concluded that the adoption of the draft of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses does not look obvious.

Keywords: punitive-fiscal instrument, administrative offense, administrative responsibility, administrative fine, warning, project of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offences, administrative policy, police.

30 января 2020 г. на общественное обсуждение был вынесен проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Начиная с 1984 г., задумана и реализуется уже третья по счету кодификация законодательства об административной ответственности. Ее важной особенностью является то, что законопроект разрабатывался на основе Концепции¹, одобренной 5 июня 2019 г. на совещании у Председателя Правительства РФ. Напомним, именно Правительство ранее выступило с инициативой разработки нового Кодекса. Этот документ был подготовлен межведомственной рабочей группой. Состав группы был утвержден распоряжением Правительства Рос-

сийской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 631-р². Особенно важно и значимо для будущего правового регулирования административной ответственности то, что Концепция разработана с привлечением для ее подготовки научного сообщества. Как известно, концепция (лат. *conception*) – это система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов. Практика показывает, что сформировать такую систему без опоры на науку, объективно, не представляется возможным. Именно благодаря позиции ученых-юристов в концепции нового Кодекса появилось положение о том, что совершенствование института административной ответственности потребует проведения работы по трансформации его

** Lead Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Legal Disciplines at the Perm Institute of FPS of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

¹ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: <http://static.government.ru/>

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 15, ч. IV, ст. 1800 .

из преимущественно *карательно-фискального инструмента* в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические меры не имели должного воздействия. Таким образом, на официальном уровне впервые однозначно признается существующая ныне проблема фискальной составляющей административной ответственности, что, очевидно противоречит целям административных наказаний, содержащимся в ст. 3.1 действующего КоАП РФ, а именно предупреждению совершения правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами (частная и общая превенция). Исходя из вышеназванного положения Концепции в проекте кодекса предполагается от такого инструмента если не отказаться, то, по крайней мере, его видоизменить на основе риск-ориентированного подхода.

В чем суть карательно-фискального инструмента в Концепции, к сожалению, не поясняется, а раскрыть ее в самом общем виде, думается, не будет лишним. По мнению автора настоящей статьи, суть состоит в том, что деятельность контрольно-надзорных органов, которые в массе своей являются еще и органами административной юрисдикции, нацелена не столько на то, чтобы, как это предусмотрено законом, обеспечивать превенцию (лат. *prevention*), т. е. предупреждение административных правонарушений, сколько на то, чтобы обеспечивать стабильное пополнение доходных частей бюджетов бюджетной системы Российской Федерации за счет неналоговых платежей в виде сумм административных штрафов, назначенных указанными органами в качестве наказаний физическим и юридическим лицам, совершившим административные правонарушения. Фискальная направленность характеризуется еще и тем, что периодически происходит рост величины собственно административных штрафов, а также количества составов административных правонарушений с данной санкцией. Кроме того, контрольно-надзорные органы в своей повседневной практической деятельности во многом ориентированы на заранее запланированное выявление действительных, а иной раз и мнимых административных правонарушений и наложение за них, опять же в плановом порядке административных наказаний в виде штрафов.

Нельзя не отметить, что фискальная составляющая административной ответственности ни-

огда специально нормативно не закреплялась. В статье 3.1 проекта нового КоАП РФ указаны цели административных наказаний, идентичные тем, что и в статье с таким же номером действующего КоАП РФ. Однако в новой редакции указанной статьи отсутствует, как представляется, крайне важная в плане защиты прав физических и юридических лиц ч. 2, которая содержится в действующем КоАП РФ. В ней, как известно, специально оговаривается, что административное наказание не может иметь своей целью: унижение человеческого достоинства лица, совершившего административное правонарушение, или причинение ему (физическому лицу) физических страданий, а также нанесение вреда деловой репутации юридического лица. Думается, эту часть стоило бы сохранить и в ст. 3.1 нового КоАП РФ, а возможно и дополнить ее нормой о том, что административные наказания не имеют фискальной направленности, т. е. не применяются в целях обеспечения поступления в бюджеты бюджетной системы страны неналоговых платежей. Над соответствующей формулировкой стоит подумать.

В проекте нового КоАП РФ (ст.ст. 1.10–1.15.) впервые в отечественной практике правового регулирования административной ответственности весьма значительное внимание уделяется *принципам* (лат. *principium* – основа, начало), т. е. основополагающим идеям, которые положены в основу применения административного наказания. Кстати сказать, о необходимости надлежащей законодательной регламентации правовых принципов привлечения к административной ответственности ранее говорилось в специальной литературе [4, с. 275]. В проекте кодекса этих принципов предусмотрено пять (принцип законности, принцип равенства перед законом, принцип вины, принцип недопустимости повторного административного наказания за одно и то же административное правонарушение, принцип справедливости и соразмерности, принцип гуманизма). Необходимость закрепления принципов убедительно подтверждается позитивным зарубежным опытом. Так, в странах англо-саксонской правовой семьи признается, что процедура назначения административных наказаний должна соответствовать принципам, стандартам естественного правосудия. Например, к таким минимальным стандартам Комиссия по правовой реформе Саскечевана (Канада) отнесла следующие: уведомление лица, чьи интересы могут

быть затронуты, о возбуждении и рассмотрении дела; право заинтересованного лица быть выслушанным административным органом или должностным лицом; беспристрастность рассмотрения дела лицом, не заинтересованным в его исходе³. Использоваться нормы-принципы должны для устранения пробелов в регулировании производства по делу об административном правонарушении. Возможно, стоило бы в том или ином виде предусмотреть в проекте нового КоАП РФ самостоятельный принцип, который позволял бы ограничивать фискальную направленность административной ответственности и действий органов административной юрисдикции, назначающих административные наказания (например, немотивированное увеличение сумм административных штрафов или назначение исключительно штрафа там, где закон наряду со штрафом позволяет применять административное наказание в виде предупреждения).

Как известно, административным наказанием имущественного характера, главным образом, является административный штраф. Он обуславливается, как верно отмечает А. Ю. Соколов, административно-властным взысканием у лица, совершившего административное правонарушение, денежной суммы. Это самая распространенная из мер наказания [6, с. 52]. Уточним при этом, что штраф, как административное наказание, во многих случаях также налагается судом. Именно административные штрафы обеспечивают абсолютное большинство неналоговых поступлений в бюджеты всех уровней бюджетной системы страны. Поэтому положение о нефискальной направленности (над четкой формулировкой соответствующей нормы нужно подумать), возможно, стоило бы специально предусмотреть также и в статье 3.9 «Административный штраф» проекта нового КоАП РФ.

Проанализируем составы административных правонарушений. Следует сказать, что в проекте нового КоАП РФ их количество сократилось до 1666, тогда как в действующем кодексе их в настоящее время 1803. В этом отношении Концепция нового КоАП РФ, предусматривающая сокращение количества составов административных правонарушений и, как следствие, снижение карательно-фискальной нагрузки, оказывается, вроде бы, реализованной. В пользу снижения этой нагрузки, по крайней мере внеш-

не, свидетельствует и то обстоятельство, что количество составов административных правонарушений, по которым проект нового КоАП РФ допускает замену административного штрафа на предупреждение, увеличилось до 220, тогда как в действующем КоАП их 156. Правда, норма нового Кодекса не императивная, а значит, заметна хотя и возможно, но совсем не обязательно. Окончательное решение будет принимать рассматривающий дело о конкретном административном правонарушении юрисдикционный орган. Тем не менее и здесь налицо определенное снижение карательно-фискальной нагрузки.

Казалось бы, указанные нововведения должны привести к заметному ослаблению фискальной направленности проекта нового Кодекса, несколько ее притупить. Однако обращение к тексту законопроекта, а именно к санкциям тех составов административных правонарушений, которые являются самыми распространенными, позволяет в этом серьезно усомниться. Наиболее показательны в этом отношении административные правонарушения в области дорожного движения. Так, минимальный штраф за наиболее массовое административное правонарушение – превышение скорости от 20 до 40 км/ч – в новом КоАП РФ предлагается поднять с 500 до 3 тыс. рублей, т. е. в шесть раз. Неправильная тонировка стекол автомобиля обойдется разрушительно согласно проекту нового КоАП РФ в 3 тыс. рублей, вместо, максимум 500, по действующему Кодексу. Снова увеличение в шесть раз. Штраф за перевозку детей без автокресел по проекту нового КоАП составляет для водителей 5 тыс. рублей, тогда как по действующему Кодексу – 3 тыс. Для юридических лиц по тому же составу предусматривается административный штраф в 150 тыс. рублей против 100 тыс. в настоящее время, т. е. сумма штрафа возрастет в 1,5 раза. Применительно к последнему составу хотелось бы также отметить, что стоимость качественных детских автокресел достаточно высока (от минимальных 3–4 до 15 тыс. рублей и даже более в зависимости от веса ребенка). Приобретение таких кресел особенно для молодых семей в материальном плане, учитывая, как правило, невысокий уровень их доходов и одновременно большой объем расходов, оказывается достаточно обременительным. Если и вводить такую меру, как увеличение штрафов для води-

³ Law Reform Commission of Saskatchewan : final rep. 2012.

телей в целях обеспечения безопасности детей, то, возможно, стоило бы предусмотреть и выплаты со стороны государства на приобретение детских автокресел для тех же молодых семей. Источником выплат могли бы стать, например, средства материнского капитала, которые в настоящее время на это потратить нельзя.

Суммы штрафов возросли не только за административные правонарушения в области дорожного движения, что имеет хоть какое-то объективное объяснение в виде сохраняющейся уже ни один год сложной ситуацией на российских дорогах. Как отметил в своем выступлении на расширенном заседании Коллегии МВД России 28 февраля 2019 г. Президент нашей страны, каждый день в ДТП погибают почти 50 и получают ранения около 600 человек⁴. Понятно, что при таком положении ужесточение административных наказаний как одно из средств улучшения ситуации, а именно снижения количества пострадавших людей, в определенной мере оправдано. Хотя совсем не обязательно, что это ужесточение должно сводиться к увеличению штрафов за нарушения в области дорожного движения.

Трудно объективно объяснить, кроме как фискальными соображениями, значительное увеличение административных штрафов в других областях. Приходится констатировать, что по проекту нового КоАП РФ за наиболее массовые административные правонарушения штрафы значительно увеличились, причем не только в области дорожного движения. Показательны в этом отношении правонарушения, посягающие на общественный порядок. Так, штраф за мелкое хулиганство в настоящее время составляет от 500 до 1 тыс. рублей (ч. 1 ст. 20.1 действующего КоАП РФ), тогда как по проекту нового КоАП РФ (ч. 1 ст. 14.1) за тоже деяние предлагается установить штраф от 3 до 5 тыс. рублей. Правда, в качестве альтернативы штрафу, предусмотрено и такое административное наказание, как предупреждение, чего нет в действующем КоАП РФ. Однако обольщаться по этому поводу, учитывая сложившуюся практику и определенные традиции, вряд ли стоит: за мелкое хулиганство назначали и, думается, будут назначать впредь, как правило, административный штраф, даже в том случае, если закон предусматривает альтернативу.

То же можно сказать и о таких массовых административных правонарушениях, как потребление (распитие) спиртных напитков в общественных местах и появление в общественных местах в состоянии опьянения. В действующем КоАП РФ это соответственно ст. 20.20 и ст. 20.21, предусматривающие по первому составу административный штраф от 500 до 1 тыс. рублей, а по второму – от 500 до 1,5 тыс. рублей. В проекте нового КоАП РФ оба указанных состава соединены в одной ст. 14.7 «Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо появление в общественных местах в состоянии опьянения». Административные штрафы по этой статье заметно увеличиваются и составят соответственно от 500 до 2,5 тыс. рублей и от 1 тыс. до 3 тыс. рублей. С чем это связано и почему именно такая кратность увеличения – не поясняется.

Примеры такого рода можно приводить и далее, но вряд ли в этом есть необходимость. Все и так достаточно очевидно. По мнению автора настоящей статьи, в проекте нового КоАП РФ зримо сохраняется карательно-фискальная направленность. Складывается впечатление, что государство неготово отказаться от такого стабильного и достаточно значительного источника неналоговых поступлений в бюджеты бюджетной системы страны, как административные штрафы. Особенно важен этот источник для бюджетов субъектов Российской Федерации, многие из которых дефицитны. Суммы наложенных штрафов внушительны и достигают десятков миллиардов рублей. Особенно показательны в этом отношении штрафы за нарушения в области дорожного движения, количество которых год от года стабильно возрастает, главным образом за счет использования на дорогах технических средств автоматической фиксации. Так, общее количество административных штрафов, выписанных сотрудниками ГИБДД в 2019 г., выросло до 142,1 млн, что на 14 млн больше, чем в 2018 г. Чаще всего водителей штрафовали за превышение скоростного режима, игнорирование дорожных знаков или разметки, проезд на запрещающий сигнал светофора, нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов, пояснили в МВД России⁵. Именно в области дорожного движения карательно-фискальная направленность КоАП РФ (проект

⁴ URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/59913>

⁵ С вас снимают: за год количество штрафов ГИБДД выросло на 14 млн // Известия. 2020. 13 февр.

нового Кодекса, к сожалению, ситуацию не изменяет) проявляется наиболее явно, что, конечно, не преуменьшает значения данной проблемы и применительно к другим областям, где также активно и массово применяются административные штрафы.

Следует сказать, что еще в 2005 г., уже после второй кодификации законодательства об административной ответственности, А. С. Дугенец вполне справедливо говорил о неприемлемости позиции законодательной власти, демонстрирующей тенденцию к периодическому увеличению размеров штрафов. В связи с этим он напоминал, что отечественный законодатель повторяет старую ошибку: рост размеров назначаемых административных штрафов в итоге терпит фиаско в виде законодательного ограничения (так произошло в 1928, 1949, 1961 гг.) [2, с. 10]. Приходится признать, что и при третьей кодификации законодательства об административной ответственности ситуация, как показано выше, повторяется. Правда, по мнению автора настоящей статьи, упрек в адрес законодательной власти не вполне справедлив. Думается, дело здесь не в позиции законодателей, а в той *административной политике*, которую проводит исполнительная власть в лице Правительства РФ. Напомним, в общем плане административная политика – это основные направления деятельности государства в сфере отношений исполнительной власти и гражданина. Определяющим в ней является характер отношений исполнительной власти и гражданина [7, с. 7]. Основное правовое средство реализации административной политики – меры административной ответственности [8, с. 191]. Анализ положений проекта нового КоАП РФ позволяет уверенно говорить, что эта политика в современной России сохраняет четко выраженную карательно-фискальную направленность, хотя, не будем этого отрицать, и несколько смягченную. Думается, самостоятельным элементом административной политики может и должна стать *экономика административной репрессии*, особенно в части установления все новых и новых административных штрафов, которые пополняют бюджеты бюджетной системы страны.

Если говорить о роли законодательной власти, то в данном случае она выполняет во много функцию скорее техническую, чем реально определяющую административную политику, только лишь легитимизируя в законах, нередко без каких-либо дискуссий, проводимую в стране

исполнительной властью административную политику. Полагаем, представителям законодательной (представительной) власти на всех стадиях обсуждения проекта нового КоАП РФ следовало бы, учитывая мнение общества, избирателей, чьи интересы они представляют в российском парламенте, требовать внятных обоснований увеличения сумм штрафов и, что особенно важно, прогнозов того, как это увеличение скажется на количестве административных правонарушений, за которые они предусмотрены. Не должно быть так, что количество правонарушений существенно не изменится, имея ввиду его снижение, а поступления в бюджеты бюджетной системы за счет увеличения сумм штрафов, напротив, возрастут, причем существенно. Необходимо исключить ситуацию, при которой увеличение сумм штрафов приведет лишь к увеличению поступлений в бюджет. Значительному увеличению сумм штрафов должно соответствовать сопоставимое снижение количества административных правонарушений, за которые они установлены. Иначе налицо чисто фискальная цель такого изменения, а не частная и общая превенция, как это декларируется в законе.

Думается, после принятия нового КоАП РФ в целях выявления его фискальной составляющей следует проводить *ежегодный мониторинг* применения данного нормативного правового акта в части отслеживания динамики поступлений в бюджеты бюджетной системы страны сумм административных штрафов, выявления тех составов административных правонарушений, которые приносят бюджету наибольшие доходы. Результаты этого мониторинга должны быть достоянием общественности. Как известно, в обществе демократии государство транспарентно, а частная жизнь граждан непроницаема. В режиме диктатуры – наоборот [9, р. 490]. Только тогда будет понятна реальная картина того, в какую сторону направлено репрессивное острие КоАП РФ и обеспечивает ли он предупреждение правонарушений либо используется в основном для пополнения бюджета.

Одним из показателей эффективности преобразований в области административной ответственности, обусловленных принятием нового КоАП РФ, могло бы стать заметное снижение поступлений в бюджеты бюджетной системы страны неналоговых платежей в виде административных штрафов, о чем автор настоящей статьи ранее уже писал в своей публикации («Сибирское

юридическое обозрение» 2019 г. № 4). Это особенно важно применительно к штрафам, налагаемым на хозяйствующие субъекты. Очевидно, что снижение «административно-фискальной» нагрузки на бизнес будет способствовать росту деловой активности предпринимателей, что приведет к увеличению налоговых поступлений в бюджет, улучшению положения в сфере занятости и, в конечном счете, положительно скажется на социально-экономической обстановке в стране.

С проблемой карательно-фискальной направленности КоАП РФ тесно связана проблема существования определенного, причем весьма прибыльного, бизнеса, который строится на административной ответственности. Речь в данном случае идет прежде всего о применении технических средств автоматической фиксации нарушений в области дорожного движения (дорожных камер), которые находятся в частных руках. В последнее время это явление получило широкое распространение. Сюда же можно отнести и находящиеся в частных руках, так называемые штрафные стоянки, куда доставляют эвакуированные за нарушения правил парковки автомобили. Причем наблюдается нарастающая тенденция расширения частного элемента, так или иначе присутствующего в сфере административной ответственности. При этом присутствие такого элемента подается не иначе, как прогрессивная форма государственно-частного партнерства, использование которой позволяет экономить бюджетные средства и улучшать качество предоставляемых гражданам услуг. Вот лишь один, как представляется, весьма показательный пример, который связан с оказанием, как принято обозначать в науке административного права, так называемой «полицейской помощи». Напомним, что понимается под полицейской помощью. Метод полицейской помощи, отмечает К. С. Бельский, представляет собой способ охраны (обеспечения) прав граждан (права на жизнь, неприкосновенность, медицинскую помощь), осуществляемый органами полиции путем оказания по просьбе гражданина, а в отдельных случаях и без его согласия, определенных услуг социального, медицинского, финансового и иного характера. Так, 5 ноября 2019 г. Государственная Дума приняла в первом чтении проект федерального закона № 709181-7 «О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части оказания помощи лицам, находящимся в обще-

ственных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения, утратившим способность самостоятельного передвижения или ориентироваться к окружающей обстановке» (так называемый Закон о вытрезвителях). В статье 4 законопроекта, в частности, предусматривается внесение изменения в ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1, с. 609]. Указанной нормой предлагается включить в перечень объектов соглашения о государственно-частном партнерстве специализированные учреждения для оказания помощи лицам, находящимся в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться и ориентироваться в окружающей обстановке. Одновременно тем же законопроектом полиции предоставляется право доставлять данных лиц в указанные учреждения. Как видно, так называемые специализированные учреждения, а попросту говоря, возрожденные в новом качестве советские медвытрезвители, будут структурами частными, взимающими плату за свои услуги с тех лиц, находящихся в состоянии опьянения, которых полиция будет туда принудительно доставлять. Очевидно, что прежде всего доставляться будут именно те, кто в состоянии эти услуги оплатить. А как быть с теми, кто в помощи нуждается, а оплатить ее заведомо не может? Например, лица без определенного места жительства и занятий или граждане, находящиеся на самых низших ступенях социальной лестницы, нигде не работающие, страдающие хроническим алкоголизмом. Можно с большой вероятностью предположить, что доставлять их в специализированные учреждения если и будут, то совсем не часто, скорее как исключение, для статистики. Напротив, возрастает вероятность того, что клиентами специализированных учреждений (а они, напомним, частные, ориентированные на получении прибыли) будут те, кто в состоянии оплатить их услуги. Причем оценивать состояние людей будут сотрудники полиции, принимающие решение о доставлении. Здесь велик риск полицейского произвола и, как следствие, нарушения прав граждан. Напомним, исходя из требований закона принудительно доставляться в специализированное учреждение могут только те лица, которые находятся

в общественных местах в состоянии опьянения и утратили способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться к окружающей обстановке. Добавим при этом, что они не должны нуждаться в медицинской помощи, например, иметь травмы. В противном случае их должны доставлять только в государственные или муниципальные медицинские учреждения и оказывать там совершенно бесплатно медицинскую помощь. А если человек, находящийся в состоянии опьянения, утратил способность передвигаться, то он, возможно, находится в состоянии алкогольной комы, а значит, нуждается в медицинской помощи, которую вряд ли смогут оказать в специализированном учреждении? В данном случае стремление получить плату за услуги может привести к тому, что действительно нуждающийся в медицинской помощи человек, будет первоначально доставлен в указанное учреждение. Последствия этого могут оказаться для него фатальными.

Нельзя исключать и коррупционную составляющую. Причем она может оказаться весьма значительной. Дело в том, что неясен вопрос о том, как будут строиться отношения специализированных учреждений и полиции. Очевидно, что собственники специализированных учреждений, т. е. частные партнеры, одна из сторон государственно-частного партнерства, заинтересованы в том, чтобы «партнеры государственные», а это полиция, стабильно наполняли учреждения получателями услуг (заметим, предоставляемым в недобровольном, т. е. принудительном порядке). Подобная «полицейская помощь» совершенно неприемлема. Нельзя исключать того, что у отдельных сотрудников полиции может возникать материальная заинтересованность в том, чтобы доставлять в специальные учреждения возможно и не вполне трезвых граждан, но при этом не «утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться к окружающей обстановке». Нельзя исключать и того, что в том или ином виде будет устанавливаться план по доставке и проводиться рейды полиции для его выполнения, как это имело место в недавнем прошлом. В результате права граждан могут нарушаться, собственники специализированных учреждений – гарантированно обогащаться, а полиция – отчитываться об успешной борьбе с нарушителями общественного порядка, росте объема оказанных гражданам «услуг» по доставлению их в специализированные учреждения.

Вполне прав К. С. Бельский, когда говорит, что живая человеческая жизнь в своем течении настолько сложна и противоречива, что принудительная полицейская помощь представляет неизбежный элемент полицейской деятельности [1, с. 614]. Спорить здесь вряд ли уместно. Вместе с тем крайне важным является то, как подобного рода помощь воспринимают те, кто по закону призван ее оказывать, т. е. сотрудники полиции, да и воспринимают ли они ее вообще именно как помощь, в которой нуждается попавший в трудное положение человек, а не как сугубо полицейские принудительные действия карательного свойства, ничего общего с помощью не имеющие. Автору настоящей статьи хорошо запомнились слова одного из английских полицейских, расследовавших в середине 70-х гг. XX столетия дело серийного убийцы, которого средства массовой информации окрестили «йоркширский потрошитель». Страж порядка сказал: «Если ты полицейский, ты любишь граждан, поддерживаешь их». Думается, только исходя из такого понимания каждым сотрудником полиции своего служебного долга перед согражданами и обществом в целом должна оказываться любая полицейская помощь, особенно принудительная. Тогда сама полиция сможет постепенно трансформироваться из сугубо силовой структуры, ориентированной на применение мер государственного принуждения, в структуру, во многом сервисную, предоставляющую гражданам пусть специфические, но услуги и оказывающую им в необходимых случаях полицейскую помощь, пусть даже и принудительно. Таково положение полиции в правовых экономически развитых государствах современного мира, например, в Германии, где полиция как орган государственной власти не рассматривается в качестве организации, опирающейся исключительно на силу. Основой ее деятельности являются отношения административно-общественного партнерства, ориентирующие полицию работать в тесном контакте с населением и сосредоточивать свои усилия на законопослушных гражданах. В деятельности полиции существенное значение стало придаваться публично-сервисному инструментарию: дружелюбию по отношению к гражданам; желанию помочь; быстроте реагирования на обращения граждан и т. п. [5, с. 170]. Думается, по такому пути в перспективе предстоит пройти России, а новый КоАП РФ мог бы этому в определенной мере способство-

вать, смягчая правовыми средствами полицейскую деятельность. Как известно, именно полиция и органы внутренних дел в целом по закону наделены широчайшими правами применять КоАП РФ, этот потенциально весьма опасный, с точки зрения возможных нарушений прав человека, а потому требующий крайне осторожно-го обращения правовой инструмент.

Конечно, наряду с полицией, КоАП РФ также применяется широким кругом иных органов административной юрисдикции, а также судьями. Полагаем, при решении в каждом конкретном случае вопроса о привлечении к административной ответственности подходы у них должны быть общими. Применяющие КоАП РФ должны быть четко ориентированы на то, что цель административного наказания – это исключительно предупреждение правонарушений. Решая вопрос о применении административного наказания, им необходимо исходить из того, что у привлекаемого к ответственности, выражаясь словами одного из активных участников работы над проектом нового КоАП РФ депутата Государственной Думы Д. Ф. Вяткина, сказанными во время его выступления 11 февраля 2020 г. в Институте государства и права Российской академии наук на Всероссийской научно-практической конференции «Лазаревские чтения – 2020», должны быть *«право на ошибку»* и *«право на прощение»*. Закрепить буквально соответствующие нормы в проекте нового КоАП РФ вряд ли возможно, но опосредованно, через расширение возможностей применения предупреждения в качестве альтернативы такому наказанию, как административный штраф, или расширение перечня возможных оснований освобождения от административной ответственности сделать это вполне оправдано и допустимо.

Причина здесь еще и в том, что административные правонарушения отличаются от преступлений своеобразной социально-качественной характеристикой. Большинство их совершается в условиях неожиданно сложившейся ситуации или прочно сложившейся внешней (часто служебной) ситуации людьми, для которых характерна положительная правовая ориентация, правомерное поведение [3, с. 8]. Правонарушитель может случайно нарушить правовые предписания, охраняемые нормами административной ответственности. Это означает, что, учитывая все обстоятельства дела об административном правонарушении, личность физического лица или деловую репутацию юридического лица, они не обязательно

должны сразу привлекаться к административной ответственности, особенно, подвергаться административному штрафу. Думается, нужно, повторимся, шире примерять такое административное наказание, как предупреждение, а возможно, в некоторых случаях и вовсе освободить от административной ответственности.

В качестве заключения. Напомним, инициатива принятия нового КоАП РФ исходила от Правительства РФ. Как известно, у здания, где оно размещается в Москве на Краснопресненской набережной, с недавних пор стоит памятник трагически погибшему в результате покушения на его жизнь выдающемуся государственному деятелю нашей страны П. А. Столыпину (1862–1911). К этой, действительно, крупной исторической личности сейчас нередко обращаются современные государственные деятели, высказывая Столыпина цитируют, опыт проводившихся им преобразований изучают. При этом далеко не все знают, что именно Петру Аркадьевичу принадлежит высказывание: «В России любят затевать реформы, чтобы скрыть неумение править». Именно эти слова приходят на ум автору настоящей статьи при оценке современной попытки реформирования административной ответственности. Принятие нового КоАП РФ не выглядит очевидным, при всех недостатках действующего Кодекса, возможно, даже весьма существенных, он все же выдержал проверку временем. Веских и объективных причин менять его, по нашему мнению, не усматривается. Вспоминая древних, нельзя не отметить, что весьма часто *piā desideria* (благие намерения. – А. Г.) оборачиваются обратным. И здесь опять же хотелось вспомнить теперь уже нашего современника, в недавнем прошлом российского премьера В. С. Черномырдина – автора многих колоритных высказываний, широко шагнувших в народ и нередко повторяемых в различных жизненных ситуациях. Одно из самых известных: «Хотели как лучше, а получилось...». Продолжение всем известно. Думается, есть вероятность того, что с новым КоАП РФ у этого выражения может оказаться иное продолжение: «хуже, чем всегда». Потому что «всегда» – это плохо, т. е. пока еще действующий КоАП РФ, видимо, оказался недостаточно хорош, раз потребовалась разработка нового Кодекса. Есть вероятность того, что новый КоАП РФ в плане его карательно-фискальной направленности может оказаться даже хуже своих предшественников! Так ли это будет? Покажет (теперь уже точно, «как всегда») только время.

Хотелось бы также отметить, что обращение автора настоящей статьи к проблеме административной ответственности, которая не относится к его традиционным научным приоритетам, совсем не случайно. Это обусловлено тем, что в качестве члена подгруппы, ответственной за подготовку предложений в новый кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам Общей и Особенной частей КоАП (утв. заместителем Председателя

Правительства Российской Федерации – Руководителем Аппарата Правительства Российской Федерации 7 августа 2019 г. № 7252п-П4) автор принимал участие в обсуждениях на экспертном уровне проекта нового Кодекса и знаком с ситуацией вокруг него, что называется изнутри, а потому считал возможным высказать свое мнение по такой крайне важной в научном и практическом отношении проблеме, как карательно-фискальная направленность КоАП РФ.

Список литературы

1. Бельский К. С. Полицейское право : лекцион. курс / под ред. канд. юрид. наук А. В. Куракина. М. : Дело и сервис, 2004. 816 с.
2. Дугенец А. С. Административная ответственность в российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ВНИИ МВД РФ, 2005. 34 с.
3. Ремнев В. И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период // Актуальные проблемы административной деликтологии : сб. науч. тр. Киев : НИИРИО КВШ МВД СССР, 1984. С. 3–16.
4. Реформа административной ответственности в России : кол. моногр. / А. В. Кирина, В. Н. Плигина, А. Г. Агишева [и др.] ; под общ. ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. 477 с.
5. Рюден Е. Ю., Астапенко П. Н., Дербичева С. А. Административная модернизация полицейской службы: стратегия и методология (практика Федеративной Республики Германии и Российской Федерации в сравнительном анализе) : моногр. М., 2011. 236 с.
6. Соколов А. Ю. Административная ответственность в Российской Федерации : учеб. пособие. Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратов. гос. юрид. акад.», 2013. 164 с.
7. Шергин А. П. Административная политика в правовом государстве. Административное право и административный процесс: старые и новые проблемы (По материалам «Лазаревских чтений») // Государство и право. 1998. № 8. С. 5–32.
8. Шергин А. П. Тенденции современной административной политики // Административно-деликтное право и законодательство (Статьи, выступления, размышления) : сб. науч. тр. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2015. С. 191.
9. Hennette-Vauchez S., Roman D. Droits de l'Homme et libertes fondamentales. Paris : Deloz, 2013. 870 p.

References

1. Bel'skii K. S. *Politseiskoe pravo* [Police Law]. Moscow, Delo i servis Publ., 2004. 816 p.
2. Dugenets A. S. *Administrativnaya otvetstvennost' v rossiiskom prave*. Avtoref. dis. d-ra yurid. nauk [Administrative Responsibility in Russian Law. Ext. Abstr. Dr. Legal Sci. Dis.]. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2005. 34 p.
3. Remnev V. I. Aktual'nye voprosy administrativnoi deliktologii v sovremennyi period [Actual Issues of Administrative Tortology in the Modern Period]. *Aktual'nye problemy administrativnoi delktologii – Actual Problems of Administrative Tortology*. Kyiv, 1984, pp. 3–16.
4. Kirin A. V., Pligin V. N., Agisheva A. G. *Reforma administrativnoi otvetstvennosti v Rossii* [Reform of Administrative Responsibility in Russia]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2018. 477 p.
5. Ryuden E. Yu., Astapenko P. N., Derbicheva S. A. *Administrativnaya modernizatsiya politseiskoi sluzhby: strategiya i metodologiya (praktika Federativnoi Respubliki Germanii i Rossiiskoi Federatsii v sravnitel'nom analize)* [Administrative Modernization of the Police Service: Strategy and Methodology (the Practice of the Federal Republic of Germany and Russian Federation in a Comparative Analysis)]. Moscow, 2011. 236 p.
6. Sokolov A. Yu. *Administrativnaya otvetstvennost' v Rossiiskoi Federatsii* [Administrative Responsibility in Russian Federation]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2013. 164 p.
7. Shergin A. P. Administrativnaya politika v pravovom gosudarstve. Administrativnoe pravo i administrativnyi protsess: starye i novye problemy (Po materialam «Lazarevskikh chtenii») [Administrative Policy in a State Governed By the Rule of Law. Administrative Law and Administrative Process: Old and New Problems (Based On the Materials of “Lazarev’s Readings”)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 1998, no. 8, pp. 5–32.
8. Shergin A. P. Tendentsii sovremennoi administrativnoi politiki [Trends in Modern Administrative Policy]. *Administrativno-deliktное pravo i zakonodatel'stvo (Stat'i, vystupleniya, razmyshleniya) – Administrative Tort Law and Legislation (Articles, Speeches, Reflections)*. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2015, pp. 191.
9. Hennette-Vauchez S., Roman D. *Droits de l'Homme et libertes fondamentales*. Paris, Deloz Publ., 2013. 870 p.

Дата поступления статьи | Article received date

18.05.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

20.05.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

23.06.2020

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ГЕРМАНИИ В СФЕРЕ ГЕННО-ИНЖЕНЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

ЛЕБЕДЕВА Екатерина Алексеевна*

✉ adv.lebedeva@gmail.com

Ул. Садовая-Кудринская, 9, Москва, 123995, Россия

Аннотация. На современном этапе развития генно-инженерной деятельности в Российской Федерации актуальным является вопрос о целесообразности распределения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов. В связи с этим рассматривается опыт Германии по закреплению соответствующих полномочий в сфере генной инженерии за органами исполнительной власти, в частности, исследуются полномочия федеральных органов исполнительной власти Германии по высвобождению и размещению генетически модифицированных организмов, осуществлению наблюдения за воздействием искусственных микроорганизмов на здоровье человека и окружающую среду, а также административные функции по ведению информационных реестров сведений о модифицированных организмах. Проведен анализ полномочий Федерального министерства продовольствия и сельского хозяйства Германии (нем. *Bundesministerium für Ernährung und Landwirtschaft – BMEL*), Федерального ведомства по защите прав потребителей и безопасности пищевых продуктов Германии (нем. *Bundesamt für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit – BVL*) и иных органов. Кроме того, исследованы полномочия органов федеральных земель ФРГ в сфере осуществления генно-инженерных работ, связанные с использованием и производством искусственных микроорганизмов и ГМ-продукции. В качестве примера рассмотрена компетенция уполномоченного органа федеральной земли Гессен – Департамента Правительства Гессена по генной инженерии. Анализ полномочий органов исполнительной власти Германии в области генной инженерии позволил сформулировать выводы и рекомендации по упорядочению полномочий органов исполнительной власти и организаций в России. В результате сделаны предложения по совершенствованию государственного управления в области генно-инженерной деятельности в России, в том числе о необходимости возложения на отдельный орган власти полномочий по комплексному регулированию в сфере генно-инженерной деятельности, а также о нецелесообразности предоставления в настоящее время органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочий по осуществлению государственного управления в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, компетенция, полномочия, генно-инженерная деятельность, Германия.

On the Question of the Powers of the Federal Executive Authorities of Germany in the Field of Genetic Engineering²

Lebedeva Ekaterina A.**

✉ adv.lebedeva@gmail.com

9 Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 123995, Russia

Abstract. At the present stage of the development of genetic engineering activities in the Russian Federation the question of the expediency of distributing powers between federal executive bodies and executive bodies

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14065.

* Доцент кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент.

² The study has been carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-29-14065.

** Docent of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Docent.

of constituent entities is relevant. In this regard, the experience of Germany in securing the relevant powers in the field of genetic engineering for the executive authorities is considered, in particular, the powers of the federal executive authorities of Germany are examined to release and place genetically modified organisms, to monitor the impact of artificial microorganisms on human health and the environment, as well as administrative functions for maintaining information registers of information about modified organisms. The Author analyzes the powers of the German Federal Ministry of Food and Agriculture (German: Bundesministerium für Ernährung und Landwirtschaft – BMEL), the Federal Office for Consumer Protection and Food Safety of Germany (German: Bundesamt für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit – BVL) and other bodies. In addition, the Author has investigated the powers of the federal states of the Federal Republic of Germany in the field of genetic engineering work related to the use and production of artificial microorganisms and GM products. As an example, the competence of the authorized body of the federal state of Hesse – the Department of the Government of Hesse for genetic engineering – is considered. Analysis of the powers of the executive authorities of Germany in the field of genetic engineering made it possible to formulate conclusions and recommendations for streamlining the powers of executive authorities and organizations in Russia. As a result, proposals were made to improve public administration in the field of genetic engineering activities in Russia, including the need to entrust a separate authority with the authority for comprehensive regulation in the field of genetic engineering activities, as well as the inexpediency of currently providing executive the authorities of the constituent entities of the Russian Federation, the powers to exercise public administration in the area under consideration.

Keywords: executive authorities, competence, powers, genetic engineering activity, Germany.

Вопросы регулирования генной инженерии как в России, так и в других странах, в частности в Германии, получают в последние годы все большую актуальность. В значительной степени это касается полномочий органов исполнительной власти в этой области государственного управления.

Государственное управление применительно к генно-инженерной деятельности в ФРГ рассматривается нами в качестве одной из форм государственной деятельности, сущность которой состоит в осуществлении его субъектами (прежде всего, органами исполнительной власти) нормативно определенных функций путем использования принадлежащих им государственно-властных полномочий [3, с. 33].

Международные обязательства, принятые Федеративной Республикой Германия в области генно-инженерной деятельности, и ее национальные интересы во многом обусловили объем полномочий органов исполнительной власти в названной сфере государственного управления.

20 ноября 2003 г. Германия ратифицировала Картахенский протокол по биологической безопасности к Конвенции о биологическом разнообразии³, подписанный в целях предотвращения

или уменьшения рисков для биологического разнообразия и здоровья человека при разработке, обработке, транспортировке, использовании, передаче и высвобождении любых живых измененных организмов, являющихся результатом современной биотехнологии.

Конвенция о биологическом разнообразии предусматривает важность сохранения биологического разнообразия планеты наряду с использованием в повседневной жизни продуктов генной инженерии. Конвенция содержит предписания по безопасности создания, производства и использования продуктов, содержащих ГМО, а также специальные меры, которые подлежат применению на национальном и международном уровнях для достижения безопасности в генно-инженерной деятельности и сохранения биологического разнообразия планеты⁴.

Картахенским протоколом определены основные стандарты обращения с генетически модифицированными организмами. В соответствии с соглашением государств-участников создана база данных Biosafety Clearing House (BCH)⁵, с использованием которой мировому сообществу предоставляется информация об искусственных микроорганизмах и их перемещении через

³ Картахенский протокол по биологической безопасности к Конвенции о биологическом разнообразии. Монреаль, Канада. 2000. URL: <http://bch.cbd.int/protocol/text>

⁴ Комментарий к федеральному закону от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» / Н. В. Богатырева [и др.]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Biosafety Clearing House. URL: <https://bch.cbd.int>

государственные границы. Передача достоверных и полных сведений является обязанностью государства-участника. Положения протокола закрепляют меры, которые должны быть приняты в случае непреднамеренного трансграничного распространения ГМО. Приоритетным является быстрое и всестороннее информирование о правилах обращения, транспортировки, упаковки и маркировки микроорганизмов. В целях успешного осуществления Картахенского протокола государства-участники обязаны поощрять и способствовать повышению осведомленности общественности о вопросах безопасного обращения с ГМО.

Координационным центром, отвечающим за связь с секретариатом государств, подписавших конвенцию, от имени Германии по вопросам реализации Картахенского протокола выступает Федеральное министерство продовольствия и сельского хозяйства (нем. *Bundesministerium für Ernährung und Landwirtschaft, BMEL*) (далее – Министерство). Иным уполномоченным органом является Федеральное ведомство по защите прав потребителей и безопасности пищевых продуктов (нем. *Bundesamt für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit, BVL*) (далее – Ведомство), на которое возложены административные функции по сообщению Европейской Комиссии об экспорте и непреднамеренных трансграничных перевозках через территорию Германии генетически-модифицированных организмов (ГМО), а также размещению достоверной информации о генно-инженерной деятельности в Германии на интернет-портале Biosafety Clearing House.

Основу правового регулирования Европейским Союзом вопросов осуществления генно-инженерной деятельности составляют системные директивы Европейского парламента и Совета 2009/41/ЕС о применении генетически модифицированных организмов в замкнутой си-

стеме⁶ и 2001/18/ЕС от 12 марта 2001 г. о преднамеренном высвобождении генетически модифицированных организмов в окружающую среду⁷, а также регламент Европейского парламента и Совета № 1829/2003 от 22 сентября 2003 г. по генетически модифицированным пищевым продуктам и кормам⁸.

Европейский союз, международные организации устанавливают общие рамки правового регулирования генной инженерии, а национальные законодательства разрабатывают детальные нормативные правовые акты в данной сфере [2, с. 94].

Министерство осуществляет представительство в органах Европейского Союза, в частности в Постоянном комитете Европейской комиссии по пищевой цепи и здоровью животных, а на национальном уровне в пределах своих полномочий разрабатывает проекты законов и иных нормативных правовых актов в сфере государственного регулирования генной инженерии.

В соответствии с § 31 Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности в Германии (GenTG) обязанности по непосредственному исполнению Закона о генно-инженерной деятельности возложены на Ведомство (BVL)⁹ (а также уполномоченные органы федеральных земель), которое, исходя из своей компетенции, при выдаче разрешений на размещение ГМО и мониторинге воздействия ГМО и ГМ-продукции также руководствуется правовыми актами Европейского Союза. Ведомство создано на основании Федерального закона¹⁰, является самостоятельным федеральным органом, находящимся в ведении BMEL.

В юридической литературе отмечается, что федеральные верховные ведомства исполнительной власти представляют собой обособленные от федеральных министерств органы государственной власти, которые отвечают за определенную сферу отношений на всей территории ФРГ.

⁶ Директива 2009/41/ЕС Европейского парламента и Совета от 6 мая 2009 г. о применении генетически модифицированных организмов в замкнутой системе. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=CELEX:32009L0041&qid=1429172084794&from=DE>

⁷ Директива 2001/18/ЕС Европейского парламента и Совета от 12 марта 2001 г. о намеренном выпуске модифицированных организмов в окружающую среду генетически и отменяющая Директиву Совета 90/220/ЕЕС. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:32001L0018&qid=145742533759>

⁸ Регламент (ЕС) № 1829/2003 Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2003 г. по генетически модифицированным пищевым продуктам и кормам. URL: <https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/laws/eu/1829-2003.pdf>

⁹ Закон о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности в Германии. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gentg/_31.html

¹⁰ Закон о создании Федерального ведомства по защите прав потребителей и безопасности пищевых продуктов (закон BVL – BVLG). URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bvlg/BJNR308400002.html>

Указанные органы являются самостоятельными, не имеют подчиненных им подразделений, однако надзор за их деятельностью осуществляют федеральные министерства [1, с. 41].

Ведомство возглавляется Президентом и имеет в своем составе отдел по вопросам генной инженерии. При BVL создана Центральная комиссия по биологической безопасности (ZKBS), которая формируется Министерством BMEL по согласованию с Министерствами образования и исследований, экономики и технологий труда и социального обеспечения, здравоохранения, окружающей среды и охраны природы в составе двенадцати экспертов в области микробиологии, клеточной биологии, вирусологии, генетики, растениеводства, гигиены, экологии, токсикологии и техники безопасности и восьми представителей общественности в установленных Законом о генно-инженерной деятельности областях. Система государственного управления в области генно-инженерной деятельности Германии не предусматривает наделение названной комиссии государственно-властными полномочиями. ZKBS рассматривает и оценивает вопросы, связанные с безопасностью, дает рекомендации и консультирует федеральные органы власти и уполномоченные органы федеральных земель по вопросам, связанным с безопасностью, касающимся генной инженерии.

Полномочия Ведомства непосредственно реализуются при высвобождении для целей, отличных от размещения на рынке, и размещении генетически модифицированных организмов.

На практике высвобождение подразумевает внесение в окружающую среду микроорганизмов, которые ранее создавались и испытывались в замкнутой системе, для их исследования в научных целях в открытой системе в течение определенного времени [6]. Высвобождение ГМО в окружающую среду без получения разрешения допускается при наличии решения о размещении на территории Европейского Союза. Во всех иных случаях разрешение на внесение ГМО в окружающую среду обязательно, независимо от целей выпуска.

Ведомство обеспечивает доведение заявки на высвобождение, объектом которого могут быть

животные и растения, выращенные с использованием ГМО, а также сами искусственные микроорганизмы, до сведения населения, проживающего на территории, где планируется высвобождение, путем опубликования соответствующей информации на официальном сайте и в местных газетах. Заинтересованные лица в течение одного месяца вправе представить возражения против выпуска, которые учитываются Ведомством при рассмотрении заявок. Следует отметить, что положение о процедурах слушания в соответствии с Законом о генно-инженерной деятельности¹¹ исключает возможность проведения публичных слушаний при принятии решения о высвобождении.

Ведомство уполномочено определять риск неблагоприятных последствий для здоровья людей, окружающей среды или материальных благ, связанный с высвобождением. Оценка безопасности производится на основании сведений о ГМО и его свойствах, полученных из научных публикаций, а также из результатов наблюдений и предварительных испытаний ГМО в лаборатории или теплице. Для оценки также могут быть использованы данные о высвобождении организмов с аналогичными характеристиками.

В ходе принятия решения о высвобождении микроорганизмов проводятся консультации с Федеральным управлением по охране природы, Федеральным институтом оценки рисков, Институтом Роберта Коха по изучению инфекционных заболеваний и Институтом культурных растений Юлиуса Кюна.

Центральная комиссия по биологической безопасности и компетентный орган заинтересованной федеральной земли Германии делают замечания по проекту освобождения. В случае высвобождения генетически модифицированных позвоночных или генетически модифицированных микроорганизмов, применяемых к позвоночным, также учитываются рекомендации Института здоровья животных Фридриха Лöffлера.

Директива 2001/18/ЕС, Закон ФРГ о регулировании генно-инженерной деятельности и положение о взаимоотношениях Ведомства с органами Европейского союза¹² предоставляют BVL полномочия в ходе стандартной процедуры

¹¹ Положение о процедурах слушания в соответствии с законом о генно-инженерной деятельности. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gentanhv/_1.html

¹² Положение об участии Совета, комиссии и органов государственной власти государств-членов Европейского Союза и других государств-членов соглашения о Европейском экономическом пространстве в процедуре утверждения и размещения, а также в процедуре последующих действий в соответствии с законом о ГМО. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gentbetv/index.html>

высвобождения обеспечить информирование государств – членов Европейского Союза о содержании заявки на высвобождение ГМО и после учета поступивших замечания принять решение о высвобождении. В случае подачи заявки в компетентный орган иного государства – члена Европейского Союза Ведомство вправе изучить ее и подать свои замечания по вопросу высвобождения через Европейскую комиссию или непосредственно направить их государству – члену Европейского Союза. Анализ правовых норм, регулирующих высвобождение ГМО, показал, что замечания населения и государств – членов Европейского Союза носят рекомендательный характер, окончательное решение о высвобождении принимается Ведомством. Вместе с тем директива 2001/18 ЕС предусматривает возможность проведения дифференцированной процедуры высвобождения. Проведение такой процедуры санкционируется Ведомством при условии наличия достаточных сведений об искусственных микроорганизмах и их свойствах. В этом случае Европейская комиссия обеспечивает доведение содержания заявок о высвобождении до компетентных органов государств – членов ЕС и получение заключений научных комитетов. Решение Европейской комиссии по вопросу высвобождения должны содержать сведения об условиях высвобождения, взаимодействии ГМО с окружающей средой и экологических рисках. Ведомство, принимая решение о высвобождении, информирует Европейскую комиссию о применении или неприменении процедуры высвобождения, установленной комиссией.

После принятия решения о высвобождении ГМО Ведомство выдает разрешение, которое может содержать специальные требования безопасности при транспортировке ГМО или специальные меры, обеспечивающие местное и временное ограничение выпуска, например, определяющие расстояния изоляции до соседних посевных площадей, последующий контроль экспериментальной поверхности после прекращения высвобождения.

Микроорганизмы, использованные для испытаний после высвобождения, не могут использоваться в качестве продуктов питания, кормов или перерабатываться в них, но пригодны для проведения дальнейших исследований.

Размещение ГМО и ГМ-продукции предполагает введение их в обращение, передачу третьим лицам, в том числе выращивание сельскохозяй-

ственной продукции с использованием ГМО. Такое размещение требует получение специального разрешения. Полномочия Ведомства значительно ограничены в этой сфере правовыми актами Европейского Союза.

В процедуре выдачи разрешений на размещение участвуют компетентные органы всех государств – членов Европейского Союза, а Ведомство реализует соответствующие функции от имени Германии.

При получении разрешения на размещение ГМО, способных к воспроизводству, которые не будут использоваться для производства продуктов питания и кормов, применяется директива 2001/18/ЕС. Заявки подаются в Ведомство, которое проверяет полноту, оценивает безопасность и передает заявку в Европейскую комиссию, а также государствам – членам Европейского Союза и государствам – участникам соглашения о Европейской экономической зоне. Оценочный отчет с выводами о возможности выдачи разрешения на размещения предоставляется Ведомством Европейской комиссии и названным государствам в течение девяноста дней. В отсутствие возражений Ведомство принимает решение о размещении.

BVL в качестве уполномоченного органа принимает участие в согласительной процедуре, которая проводится при наличии возражений комиссии или государств-членов относительно размещения. Комиссия обеспечивает получение дополнительной информации о соответствующих генетически модифицированных организмах и заключение научного комитета. Решение о размещении принимается Европейской комиссией.

Решения по размещению, принятое в соответствии с процедурами, предусмотренными директивой 2001/18/ЕС, должны быть реализованы только после принятия Ведомством соответствующего решения. Если это будет сделано, то разрешение становится действительным на территории всех государств – членов Европейского Союза. Решение должно содержать сведения о наименовании ГМО и его уникальный идентификатор, срок действия разрешения, условия размещения на рынке, включая любые конкретные условия использования, обработки и упаковки, требования к маркировке (в частности, в маркировке надлежит четко указывать, что в продукте содержится ГМО: слова «данный продукт содержит генетически измененные организмы» должны быть указаны на этикетке

или в сопроводительном документе к продукту), требования в отношении наблюдения за воздействием искусственного микроорганизма на здоровье человека и окружающую среду, информацию о сроках осуществления плана наблюдения.

Законодательство ФРГ прямо предусматривает принятие Ведомством решения об отказе в даче согласия на размещения, если Европейские комиссия или Совет не согласятся дать соответствующее разрешение¹³.

Ведомство уполномочено изучать заявки на размещение, оценочные отчеты и дополнительную информацию, поступившие в компетентный орган государства – члена Европейского Союза, делать замечания и приносить возражения, а также участвовать в согласительных процедурах, проводимых Европейской комиссией.

Заявки на размещение ГМО и ГМ-продукции, которые будут использоваться для производства пищевых продуктов и кормов, подаются в соответствии с регламентом (ЕС) № 1829/2003 в Ведомство или другой компетентный орган государства – члена Европейского Союза.

Ведомство направляет соответствующие заявки в европейский орган по безопасности пищевых продуктов (EFSA). В последующем, EFSA непосредственно проводит оценку воздействия на окружающую среду. Вместе с тем, EFSA вправе поручить Ведомству провести оценку безопасности пищевого продукта, а также оценку риска для окружающей среды. В случае получения заявки о размещении семян, произведенных с использованием искусственных микроорганизмов или других материалов для разведения растений, Ведомство обязано провести оценку риска для окружающей среды.

Разрешения на размещение в соответствии с регламентом (ЕС) № 1829/2003 принимаются Европейской комиссией на основании заключения EFSA и действуют на территории для всех государств – членов Европейского Союза.

В результате имплементации норм директивы ЕС 2001/18/ЕС в 2005 г. в Закон о регулировании генно-инженерной деятельности Германии были включены положения о регистрации мест выращивания ГМ-продукции, правилах использо-

вания искусственных микроорганизмов, наблюдении за воздействием ГМО на окружающую среду.

Реестр местоположения ГМО в соответствии с § 16A GenTG содержит информацию обо всех землях на территории Германии, на которых высвобождаются генетически модифицированные организмы или выращивается ГМ-продукция. Необходимость ведения реестра обусловлена двумя задачами: обеспечение наблюдения за возможными нежелательными последствиями влияния ГМО на окружающую среду и здоровье человека или животных и доведение информации об использовании ГМО до населения.

Обязанности по ведению реестра и размещению его в свободном доступе возложены на Ведомство. Поступление в реестр местоположения ГМО необходимых сведений обеспечивается обязанностью лица, получившего разрешение на высвобождение или размещение, направить соответствующую информацию в Ведомство за три рабочих дня до высвобождения и три месяца до выращивания сельскохозяйственной культуры.

Ведомство осуществляет обработку полученных сведений и размещает их в публичной и закрытой частях сайта в сети «Интернет»¹⁴. В случае высвобождения общедоступной является информация о названии ГМО, его генетически модифицированных свойствах, адресе и площади участка высвобождения, а также сроке высвобождения; при размещении – обозначение и специфический маркер распознавания ГМО и его генетически модифицированные свойства, адрес земельного участка и размер посевной площади. Сведения об имени (наименовании) и адресе лица, возделывающего земельный участок, являются закрытыми. При этом Ведомство обязано предоставить указанную информацию любому лицу, имеющему законный интерес в ее получении, например, производителю сельскохозяйственной продукции, во владении которого находится соседний земельный участок.

Представляется, что ведение реестра имеет существенное практическое значение, обеспечивает соблюдение режима сосуществования

¹³ Положение об участии Совета, комиссии и органов государственной власти государств-членов Европейского Союза и других государств – членов соглашения о Европейском экономическом пространстве в процедуре утверждения и размещения, а также в процедуре последующих действий в соответствии с законом о ГМО (п. 6 § 3). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gentbetv/_3.html

¹⁴ Bundesamt für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit. URL: https://apps2.bvl.bund.de/stareg_visual_web/localeSwitch.do?language=de&page=/data.do

продукции, выращиваемой без использования ГМО, а также дикорастущих растений и производства ГМ-продукции. Реестр позволяет сельскохозяйственным производителям не допустить нежелательного смешения обычных культур с генетически измененными растениями. Закон о регулировании генно-инженерной деятельности Германии также допускает использование уполномоченными лицами закрытой информации реестра в целях проведения наблюдения за воздействием ГМО на окружающую среду.

Ведомство, осуществляя ведение реестра местоположения ГМО, не имеет управленческих полномочий в сфере осуществления генно-инженерных работ. Вопросы, связанные с использованием и производством искусственных микроорганизмов и ГМ-продукции, относятся к компетенции уполномоченных органов федеральных земель. Генетические работы всех четырех уровней безопасности осуществляются на генно-инженерных установках, к которым могут относиться исследовательские лаборатории, теплицы, зоомагазины, производственные цеха, научные и учебные заведения.

Закон о регулировании генно-инженерной деятельности в Германии (§ 8) определяет условия регистрации генно-инженерных работ и оборудования, а также выдачу соответствующих разрешений. Полномочия федеральных земель в этой области конкретизируются отдельным нормативным правовым актом о процедурах утверждения и регистрации¹⁵.

В качестве примера нами будет рассмотрена компетенция уполномоченного органа федеральной земли Гессен. На территории этого субъекта ФРГ располагается более 600 генно-инженерных установок, на которых преимущественно проводятся исследования первого уровня безопасности. В основном они управляются Гессенскими колледжами и институтами Макса Планка, а также промышленными предприятиями. Приблизительно пятая часть генно-инженерных сооружений составляют исследовательские лаборатории второго уровня безопасности. К генно-инженерным системам первого и второго уровня безопасности также относятся сооружения, которые работают преимущественно в коммерческих целях. Генные инженерные установки более высокого уровня безопасности используются в Гессене

исключительно в исследовательских целях. Помимо генетических установок третьего уровня безопасности в государственных учреждениях эксплуатируется также генетическая установка четвертого уровня безопасности, именно на ее использование было получено первое разрешение в Германии¹⁶.

Полномочия в названной области в этой федеральной земле переданы Департаменту Правительства Гессена по генной инженерии (далее – Департамент).

Структура Департамента обуславливается функциональным назначением и включает отделы по проведению процедур регистрации генно-инженерных установок и работ, наблюдению за генно-инженерными работами и установками и проведению наблюдения за высвобождением и размещением искусственных микроорганизмов и ГМ-продукции.

В обязанности Департамента входит консультирование лиц, намеренных выполнять генно-инженерные работы, по всем вопросам, связанным с подачей заявки, а также проведение административных процедур регистрации работ и оборудования. Генные инженерные работы третьего и четвертого уровней безопасности подлежат обязательной регистрации, в разрешении на их выполнение прямо указывается перечень разрешенных работ. Создание и эксплуатация оборудования для проведения генетических работ обязательной регистрации не требует, однако до начала строительства или ввода его в эксплуатацию Департаменту должна быть предоставлена соответствующая информация. Лицо, намеренное выполнять работы второго уровня безопасности, вправе получить в департаменте разрешение на их выполнение.

Департамент уполномочен рассматривать вопросы изменения содержания генетических работ, которое приводит к повышению уровня безопасности до третьего и четвертого класса и выдавать необходимые разрешения. Разрешение выдается при наличии данных о надежности заявителя, лиц, ответственных за строительство, а также управление и контроль за эксплуатацией установки, о наличии необходимых знаний у руководителя проекта и лица, ответственного за биологическую безопасность, о принятых мерах, гарантирующих безопасность генетической установки.

¹⁵ *Положение* о заявках и регистрационных документах, а также о процедурах утверждения и регистрации в соответствии с законом о генной инженерии. URL: http://www.gesetze-im-internet.de/gentvfv/___1.html

¹⁶ *Gentechnik* in Hessen. URL: <https://umwelt.hessen.de/umwelt-natur/chemikalien-gentechnik/gentechnik>

Департамент участвует в разработке нормативных правовых актов, сотрудничает с Ведомством и непосредственно осуществляет функции по наблюдению за эксплуатацией генно-инженерных установок и воздействием ГМО и ГМ-продукции на здоровье человека и окружающую среду после их высвобождения и размещения.

Наблюдение за высвобожденными и размещенными искусственными микроорганизмами проводится в целях подтверждения имеющегося до выпуска предположения о возможных вредных последствиях отдельного ГМО (конкретное наблюдение), а также для обнаружения непредвиденных вредных последствий ГМО (общее наблюдение) [5].

На основании положений директивы ЕС 2001/18/ЕС и регламента ЕС 1829/2003/ЕС нормами § 16 С Закона о генно-инженерной деятельности в Германии предусмотрены обязанности владельца разрешения на ввод в обращение генетически модифицированных организмов. На этапе подачи заявки о предоставлении разрешения на размещение заявитель представляет план наблюдения, в котором подробно описывается, как должно производиться наблюдение после выдачи разрешения. Уполномоченный орган проверяет соответствия плана требованиям директивы 2001/18/ЕС с учетом директивы Европейского Союза 2002/811/ЕС от 3 октября 2002 г.¹⁷ Решение о размещении может предусматривать дополнительные мероприятия по проведению наблюдения. После получения разрешения на размещение ГМО или ГМ-продукции владелец разрешения обязан провести наблюдение в соответствии с планом и предоставить отчеты о результатах наблюдения в установленные планом сроки. Мероприятия по наблюдению могут быть скорректированы в зависимости от полученных данных.

Ведомство осуществляет обмен информацией между заявителями, органами, выдавшими разрешение на размещение, и информирует население о результатах наблюдения. В полномочия Ведомства входит оценка планов наблюдений в ходе процедуры выдачи разрешения для размещения ГМО, сбор и архивирование отчетов о наблюдениях, оценка сообщенных результа-

тов, обмен информацией с другими странами Европейского Союза и Европейской комиссией.

Ведомство ведет базу данных, в которой содержатся разрешения, планы наблюдений и отчеты о наблюдениях. Данная база позволяет получить информацию в условиях открытого доступа¹⁸ о владельце разрешения, способе размещения ГМО и ГМ-продукции, например, импорте или выращивании, типе культурного растения и произведенных с ним генетических изменениях. Кроме того, BLV участвует в разработке концепций по организации наблюдения за ГМО, выступая национальным координационным центром, который организует взаимодействие с Федеральным ведомством по охране природы, Федеральным биологическим агентством по земле и Лесным хозяйством, а также институтом Роберта Коха.

Конкретные меры по осуществлению наблюдения принимаются компетентными органами федеральных земель Германии. Как справедливо отмечает Г. Б. Романовский, особо показателен § 25 GenTG, который вводит определенные ограничения при появлении общественной опасности использования ГМО. Если таковая возникает в реальности, то допускается сбор информации, взятие образцов и изъятие документов (закон указывает «в любое время дня и ночи»). Условиями такого вторжения могут быть: преследование преступления или предотвращение угрозы общественной безопасности. Подчеркивается: право на неприкосновенность жилища (ст. 13 Основного закона ФРГ) может быть ограничено. Закон содержит процессуальные правила, согласно которым лица, в отношении которых потом могут быть возбуждены уголовные или административные дела, вправе отказаться от дачи показаний [3, с. 98].

Раздельное производство обычных культур и ГМ-продукции обеспечивается правилами, изложенными в § 16b GenTG и дополненными положением о хорошей профессиональной практике в производстве генетически модифицированных растений (GenTPflEV)¹⁹. Конкретные полномочия для Министерства, Ведомства и иных федеральных органов исполнительной власти Германии нормами Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности

¹⁷ Директива Европейского парламента и Совета 2002/811/ЕС от 3 октября 2002 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2002:280:0027:0036:DE:PDF>

¹⁸ База данных отчетов о мониторинге. URL: <https://zag.bvl.bund.de/monitoring/index.jsf;jsessionid=bGkj9mPOdL3163QTgOFVwT4oy429ffQT6RnUJtQ.subs208?dswid=4488&dsrid=900>

¹⁹ Положение о хорошей профессиональной практике в производстве генетически модифицированных растений. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gentpflev>

и положения не устанавливаются. Вместе с тем указанные положения прямо обеспечивают надлежащее и квалифицированное обращение с генетически модифицированными растениями и предназначены для предотвращения неправильного обращения и его последствий. В частности, определяются правила хранения, транспортировки и сбора генетически модифицированных растений, обязанность производителей сельскохозяйственной продукции информировать соседних производителей за три месяца до предстоящей высадки ГМ-растений и исключить прораствание ГМ-растений в следующем году, правила ведения записей о деталях выращивания ГМО и их хранения.

Закон о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности Германии прямо предусматривает маркировку продуктов питания и кормов, созданных с использованием или содержащих ГМО, в целях избежания смешивания с обычными товарами. Кроме того, Ведомство разработало систему добровольной маркировки товаров, которые не содержат генетически измененные организмы.

Одной из важнейших задач Ведомства является обеспечение публикации сборников процедур отбора проб и обнаружения генетически модифицированных организмов в исполнение § 28b, 29 Закона о генно-инженерной деятельности. Для разработки, определения и стандартизации новых методов выборки и исследования Ведомство создает рабочие группы из экспертов в сфере генной инженерии, владеющих методологией в области мониторинга, науки и экономики. Рабочие группы выбирают методы и оценивают эффективность, надежность, а также сопоставимость методов. Эксперты определяют, для какой цели и сферы применения используется метод, после чего способы исследования проверяются в лабораторных условиях на их пригодность и эффективность.

Ведомство публикует разработанные экспертами методы в официальном сборнике процедур исследования (ASU)²⁰, что способствует совершенствованию Федерального единого стандарта обнаружения ГМО и работе европейской эталонной лаборатории через Европейскую сеть лабораторий ГМО (ENGL), которая проверяет методы обнаружения ГМО на уровне Европейского Союза. Опубликованные Ведомством методы отбора проб и исследования на содержание ГМО используются должностными лицами надзор-

ных органов. Ведомство в сотрудничестве с федеральными землями координирует программы по контролю за продуктами питания и кормами и осуществляет контрольно-надзорные функции.

В этих целях Федеральное ведомство по защите прав потребителей и безопасности пищевых продуктов дает обязательные для выполнения указания, направленные на предупреждение возможных нарушений законодательства ФРГ и Европейского союза и подзаконных нормативных правовых актов в области генной инженерии, а также на устранение последствий допущенных нарушений [4, с. 66].

При наличии сведений о том, что генетически модифицированный организм представляет опасность для здоровья человека или окружающей среды Ведомство вправе в соответствии с § 20 Закона о государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности полностью или частично приостановить действие разрешения на размещение с обязательным уведомлением уполномоченных органов Европейского Союза согласно ст.ст. 23, 30 Директивы 2001/18/ЕС.

Уполномоченные органы федеральных земель вправе возбуждать и расследовать дела об административных правонарушениях в области генной инженерной деятельности, предусмотренных Законом о регулировании генно-инженерной деятельности в Германии.

Следует согласиться с выводом Т. О. Шилюк о том, что в России государственное управление в области генной инженерии осуществляется профильными министерствами и другими федеральными органами исполнительной власти, не занимающимися вопросами генной инженерии комплексно, в то время как самостоятельный орган, реализующий единую политику в области генной инженерии, в настоящее время отсутствует [4, с. 68].

В этом смысле в Российской Федерации может быть воспринят опыт Германии по возложению на отдельный орган власти полномочий по комплексному регулированию в сфере генно-инженерной деятельности.

На основании приведенного анализа можно также прийти к выводу, что в Германии значительный объем регулирования генно-инженерной деятельности возложен на федеральные земли. Несмотря на положительный опыт такого регулирования в ФРГ, считаем нецелесообразным

²⁰ Сборник методов BVL. URL: <https://www.methodensammlung-bvl.de/de>

в настоящее время в Российской Федерации предоставлять органам исполнительной власти субъектов полномочия по осуществлению государственного управления в этой сфере, в том числе в связи с введенным в 2016 г. запретом на использование генно-инженерных технологий при выращивании и разведении растений и животных²¹.

В заключение необходимо сказать, что федеральные органы исполнительной власти Германии реализуют свои управленческие полномочия в сфере генно-инженерной деятельности совместно с уполномоченными органами федеральных земель ФРГ, органами Европейского Союза и в сотрудничестве с государствами, подписавшими Картахенский протокол.

Важную роль в процессе государственного управления играет деятельность экспертных учреждений, в частности Центральной комиссии по биологической безопасности, институтов по изучению заболеваний человека, сельского хозяйства, животных, рабочих групп, непосредственно разрабатывающих методики обнаружения ГМО. Общественные учреждения создают необходимые условия для компетентной оценки полезности и безопасности генетически модифицированных организмов для здоровья человека и окружающей среды. Представляется, что такой подход к государственному управлению в области генно-инженерной деятельности в полной мере может быть воспринят Российской Федерацией.

Список литературы

1. Баранова С. А. Система федеральных органов исполнительной власти Германии // Наука и бизнес: пути развития. 2016. № 2 (56). С. 41–43.
2. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации : учеб. / отв. ред. Л. Л. Попов. М., 2020. 542 с.
3. Романовский Г. Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex Russica. 2016. № 7. С. 93–102. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.093-102.
4. Шилюк Т. О. Организационно-правовые основы управления в области генной инженерии // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 66–68.
5. Kibjakova K. Verfassungsmäßigkeit des Gentechnikgesetzes (GenTG): Beurteilung der Verfassungsmäßigkeit unter Einbindung der BVerfGE Entscheidung vom 24.11.2010. GRIN Verlag, 2011. 46 s.
6. Waldkirch B. Der Gesetzgeber und die Gentechnik: Das Spannungsverhältnis von Interessen, Sach- und Zeitdruck. Springer-Verlag, 2013. 219 s.

References

1. Baranova S. A. Sistema federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti Germanii [System of Federal Executive Authorities in Germany]. *Nauka i biznes: puti razvitiya – Science and Business: Development Ways*, 2016, no. 2 (56), pp. 41–43.
2. Popov L. L., Migachev Yu. I. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Administrative Law of Russian Federation]. Moscow, 2020. 542 p.
3. Romanovskii G. B. Pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovaniy v Rossii i za rubezhom [Legal Regulation of Genetic Research in Russia and Abroad]. *Lex Russica*, 2016, no. 7, pp. 93–102. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.093-102.
4. Shilyuk T. O. Organizatsionno-pravovye osnovy upravleniya v oblasti gennoi inzhenerii [Organizational and Legal Bases of Management in the Area of Genetic Engineering]. *Administrativnoe pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*, 2019, no. 10, pp. 66–68.
5. Kibjakova K. *Verfassungsmäßigkeit des Gentechnikgesetzes (GenTG): Beurteilung der Verfassungsmäßigkeit unter Einbindung der BVerfGE Entscheidung vom 24.11.2010*. GRIN Verlag, 2011. 46 s.
6. Waldkirch B. *Der Gesetzgeber und die Gentechnik: Das Spannungsverhältnis von Interessen, Sach- und Zeitdruck*. Springer-Verlag, 2013. 219 s.

Дата поступления статьи | Article received date
16.04.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date
28.04.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date
23.06.2020

²¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27, ч. 2, ст. 4291.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В целях повышения качества публикуемых материалов все присланные работы (научные статьи, сообщения, обзоры, рецензии и т. д.) проходят рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат». К рассмотрению принимаются только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях и не находящиеся на рассмотрении в других изданиях. Предоставляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученные автором, выводы. Статьи принимаются на русском и/или английском языке. Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

Требования к оформлению статей, направляемых в журнал

Статья предоставляется в электронном виде в формате, поддерживаемом Microsoft Word версии 2007 или выше (doc, docx, rtf), на электронную почту редакции (наука@siblu.ru).

Общий объем статьи должен составлять от 20 до 40 страниц машинописного текста (с учетом всех элементов статьи), шрифт Times New Roman размером 14 пт. Межстрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см. Поля страницы во всех направлениях – 2 см. Расстановка переносов не применяется.

Перед текстом статьи указывается **УДК**.

По центру в верхней части листа помещается **название статьи** на русском и английском языках. В следующей строке с выключкой вправо – сведения об авторе (без сокращений, на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты, почтовый адрес (рабочий и домашний). В обязательном порядке указывается номер контактного телефона.

Ниже приводятся **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках.

Аннотация – независимый источник информации, краткая характеристика работы, включающая актуальность, постановку проблемы, пути ее решения, результаты и выводы. Аннотация должна лаконично и информативно раскрывать основное содержание статьи и результаты исследования. В ней указывают, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению. Не допускается перефразирование названия статьи, а также использование общих слов. Объем аннотации – от 250 слов.

Требования по написанию англоязычной аннотации к статье:

- не должна быть калькой русскоязычной аннотации, дословным переводом,
- информативность аннотации (без лишних, не несущих смысловой нагрузки слов),
- содержательность аннотации (способствует раскрытию содержания работы, говорит о ее значимости, уникальности, подчеркивает анализ исследований зарубежных авторов),
- структурированность (постановка проблемы, пути решения, результаты и выводы).

Ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний) также должны отражать основное содержание материала.

В **подстрочных сносках** приводятся ссылки на вненаучные источники информации (нормативные правовые акты, судебные акты, правила, стандарты, патентные документы, отчеты, словари, справочники, энциклопедии, средства массовой информации, интернет-ресурсы и т. п.). Сноски оформляются как примечания, вынесенные из текста вниз страницы, со сквозной нумерацией.

Список литературы должен содержать ссылки на научные источники информации, упомянутые в тексте статьи. Литература, используемая при написании статьи, должна отражать современное состояние вопроса, включать публикации как в отечественных, так и в зарубежных журналах и изданиях.

Рекомендуемый объем – *от 10 источников*. С учетом специфики темы научного исследования данное требование может быть скорректировано. Список дается в конце статьи, выстраивается в алфавитном порядке и пронумеровывается. В одном пункте перечня следует указывать только один источник информации. По тексту статьи даются отсылки к необходимому номеру библиографической записи из составленного списка, которые приводятся в квадратных скобках. Если отсылка на источник информации в тексте статьи встречается несколько раз, то в квадратных скоб-

ках повторно указывается его номер из списка (без каких-либо изменений в самом библиографическом списке). В случае прямого цитирования обязательно указывают номер страницы (например: [1, с. 25], [1, с. 59–60]). Не допускается дублирование подстрочных сносок в списке литературы. Все источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и тщательно выверяются.

В списке литературы обязательно указание на издательство, общее количество страниц в используемом издании либо на конкретные страницы, где содержится соответствующий материал, если издание имеет периодический характер. Если источник имеет DOI, то его указание является обязательным!

Список литературы, не соответствующий указанным требованиям, является основанием для отклонения статьи.

Обязательные параметры:

- 1) не менее 10–12 источников, из них:
 - не менее 25 % источников – зарубежные (например, статьи из журналов, индексируемых в Web of Science, Scopus; работы на английском, немецком, французском языках, опубликованные в периодических научных изданиях (не дополнительных выпусках!), а также статьи в сборниках трудов конференций и монографии опубликованные в издательствах, не замеченных в применении недобросовестной издательской политики);
 - не более 15 % источников – монографии, учебники и др.;
- 2) ссылки на литературу, опубликованную ранее 2009 года, должны быть единичными, кроме исследований, содержащих исторический аспект;
- 3) следует избегать самоцитирования в направляемых вами материалах (это касается ваших научных трудов, опубликованных ранее, и ссылок на научный журнал «Сибирское юридическое обозрение»). В случае невозможности избежать указанных действий, просим вас лишь упомянуть в тексте рукописи научной статьи о том, что ранее вы об этом уже упоминали в своих научных трудах, без указания работы в списке источников.

Транслитерация и перевод списка литературы (References).

Транслитерация производится по стандарту BSI. Приводится транслитерированное в латиницу название источника с параллельным указанием его перевода на английский язык в квадратных скобках. Порядок источников должен соответствовать русскоязычному списку литературы.

Формулы, рисунки, таблицы. Простые внутрострочные и однострочные формулы, а также рисунки и таблицы должны быть набраны без использования специальных редакторов. Рисунки и формулы прикладываются к статье в формате JPEG.

Не допускаются во всех вышеназванных элементах статьи:

- набор видоизменением шрифта «все прописные»;
- полужирное начертание;
- наличие двух и более пробелов подряд;
- знаки табуляции;
- абзацный отступ пробелами и знаком табуляции;
- мягкий перенос;
- разреженный или уплотненный шрифт.

В случае несоответствия статьи установленным требованиям к оформлению и/или содержанию по решению редакционной коллегии статья отклоняется, о чем автор информируется по электронной почте.

За достоверность использованных в текстах сведений несут ответственность авторы материалов.

INFORMATION FOR AUTHORS

In order to improve the quality of published materials, all submitted works (scientific articles, messages, reviews, etc.) are reviewed and checked by the “AntiPlagiat” system. Only original articles that have not been previously published and are not pending in other publications are accepted for consideration. The article submitted for publication should be relevant, have novelty, contain a statement of tasks (problems), a description of the main research results obtained by the Author, conclusions. Articles are accepted in Russian and/or English. Materials for publication in English are submitted by foreign Authors without translation in any part of them into Russian.

Requirements for the articles sent to the journal

The article is submitted in electronic form in a format supported by Microsoft Word version 2007 or higher (doc, docx, rtf) to the editorial e-mail (nauka@siblu.ru).

The total volume of the article should be from 20 to 40 typewritten pages (including all the elements of the article), 14 pt Times New Roman font. Line spacing – one and a half. Paragraph indentation – 1.25 cm. Page margins in all directions – 2 cm. Hyphenation is not applied.

The **UDC** is indicated before the text of the article.

The title of the article in Russian and English is placed in the center at the top of the sheet. In the next line with justification to the right – information about the Author (without abbreviations, in Russian and English): last name, first name, patronymic, position, place of work, academic degree, academic title, e-mail address, postal address (work and home). The contact phone number is mandatory.

Below are the **abstract and keywords** in Russian and English.

Abstract – an independent source of information, a brief description of the work, including relevance, problem statement, ways to solve it, results and conclusions. The abstract should concisely and informatively disclose the main content of the article and the results of the research. It indicates what is new in the article in comparison with others, related in subject matter and purpose. Paraphrasing the title of the article, as well as the use of general words, is not allowed. The volume of the abstract is from 250 words.

Requirements for writing an English-language abstract for an article:

- should not be a tracing paper of the Russian-language annotation, literal translation,
- the informativeness of the annotation (without unnecessary words that do not carry a semantic load),
- the content of the annotation (contributes to the disclosure of the content of the work, speaks of its significance, uniqueness, emphasizes the analysis of studies by foreign Authors),
- structure (problem statement, solutions, results and conclusions).

Keywords (5–10 words or phrases) should also reflect the main content of the material.

Footnotes contain links to non-scientific sources of information (regulatory legal acts, judicial acts, rules, standards, patent documents, reports, media, Internet resources, etc.). Footnotes are drawn up as notes taken from the text down the page, with continuous numbering.

The list of literature (References) should contain references to scientific sources of information mentioned in the text of the article. The literature used in writing the article should reflect the current state of the issue, include domestic and foreign publications.

Recommended volume – *from 10 sources*. Taking into account the specifics of the research topic, this requirement can be adjusted. The list is given at the end of the article, arranged in alphabetical order and numbered. Only one source of information should be indicated in one item on the list. In the text of the article, references are given to the required number of bibliographic records from the compiled list, which are given in square brackets. If the reference to the source of in-

formation in the text of the article occurs several times, then its number from the list is indicated in square brackets again (without any changes in the bibliographic list itself). In the case of direct citation, be sure to indicate the page number (for example: [1, p. 25], [1, p. 59–60]). Duplication of footnotes in the list of references is not allowed. All sources are drawn up in accordance with GOST R 7.0.5–2008 “Bibliographic reference. General requirements and rules of drawing up” and carefully verified.

In the list of references, an indication of the publisher, the total number of pages in the used publication or on specific pages containing the relevant material is required, if the publication is of a periodic nature. If the source has a DOI, then its indication is required!

A list of literature that does not advise the specified requirements is the basis for rejection of the article.

Requirements:

- 1) at least 10–12 sources, of which:
 - at least 25 % of sources are foreign (for example, articles from journals indexed in Web of Science, Scopus; works in English, German, French, published in scientific periodicals (not additional issues!), as well as articles in proceedings of conferences and monographs published in publishers not noticed in the use of unfair publishing policies);
 - no more than 15 % of sources – monographs, textbooks, etc.;
- 2) references to literature published earlier than 2009 should be minimized, except for studies containing a historical aspect;
- 3) self-citation should be avoided in the materials sent (this applies to your scientific papers published earlier, and links to the scientific journal “Siberian Law Review”). If it is impossible to avoid these actions, we ask you only to mention in the text of the manuscript of a scientific article that you have already mentioned this in your scientific works, without specifying the work in the list of sources.

Transliteration and translation of references (References). Transliteration is performed according to the BSI standard. The title of the source translated into the Latin alphabet is given with a parallel indication of its translation into English in square brackets. The order of sources must correspond to the Russian-language list of references.

Formulas, figures, tables. Simple inline and one-line formulas, as well as figures and tables should be typed without using special editors. Figures and formulas are attached to the article in JPEG format.

Not allowed in all of the above article elements:

- set by modifying the font “all caps”;
- bold type;
- the presence of two or more spaces in a row;
- tabs;
- indentation with spaces and tabs;
- soft hyphen;
- sparse or condensed font.

If the article does not comply with the established requirements for design and/or content, the article is rejected by the decision of the editorial board, and the Author is informed about it by e-mail.

The Authors of the materials are responsible for the accuracy of the information used in the texts.